This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

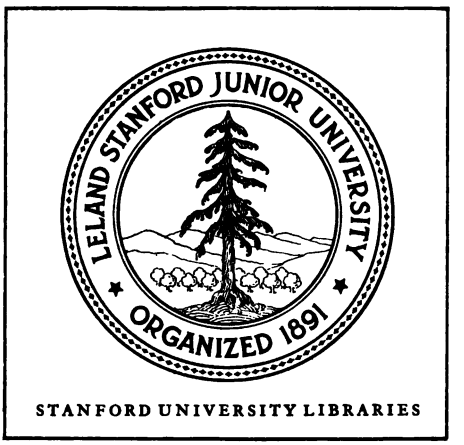
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Baratynskii

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ЕВГЕНІЯ АБРАМОВИЧА

БАРАТЫНСКАГО.

ВЪ

ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Томъ I.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, ЕГО ПИСЬМАМИ И БІОГРАФИЧЕСКИМИ О НЕМЪ СВѢДѢНІЯМИ.

Редакція изданія И. Н. БОЖЕРЯНОВА.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„СѢВЕРЪ“

за АВГУСТЪ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе М. К. Ремезовой.

1894.

PG 3321
B3
1894

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 30 іюля 1894 года

Типографія Е Евдокимова, С.-Петербургъ, Троицкая улица, д. 18.

СТИХОТВОРЕНІЯ
Е. А. БАРАТЫНСКАГО.

Томъ I.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, ЭЛЕГІИ; ПОСЛАНІЯ, ЭПИГРАММЫ.

Въ настоящемъ томѣ помѣщено до 30-ти стихотвореній Е. А. Баратынскаго, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ прежнихъ изданій произведеній поэта. Подъ каждымъ изъ этихъ, такъ сказать, вновь являющихся стихотвореній, читатель найдетъ указаніе, гдѣ оно впервые было напечатано, при чемъ мы считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность библіотекарю русскаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки—Владиміру Петровичу Ламбину, за оказанное имъ любезное отношеніе къ нашему труду, состоявшему въ отысканіи различныхъ старинныхъ журналовъ и альманаховъ, въ которыхъ явились въ свѣтъ стихотворенія Баратынскаго. Такимъ образомъ настоящее изданіе сочиненій Е. А. Баратынскаго является дѣйствительно «полнымъ собраніемъ», а не перепечаткою предыдущихъ изданій, какъ то сдѣлала г-жа Павлова, выпустивъ въ свѣтъ ко дню пятидесятилѣтней годовщины смерти поэта собраніе его сочиненій, названное также «*полнымъ*» и оказавшимся простою перепечаткою изданія 1869 года.

«Дешовая Библіотека» А. С. Суворина въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ обогатилась тоже томикомъ «Сочиненій Баратынскаго», въ которомъ число стихотвореній, противъ изданія 1869 года нѣсколько болѣе, тѣмъ не менѣе, въ нихъ нѣтъ стиховъ, заимствованныхъ нами изъ вышеупомянутыхъ изданій.

Біографическія свѣдѣнія о Баратынскомъ и алфавитный указатель къ его сочиненіямъ, заключающимся въ обоихъ томахъ, будетъ приложенъ ко II-му тому; что-же касается варіантовъ стихотвореній Баратынскаго, который въ теченіе своей жизни отдѣлывалъ, измѣнялъ и передѣлывалъ ихъ, то

таковые нами опущены, потому что желающіе ихъ легко могутъ найти въ изданіяхъ сочиненій Баратынскаго 1869 и 1885 годовъ.

Относительно приложеннаго портрета Баратынскаго замѣтимъ, что онъ гравированъ молодымъ, талантливымъ граверомъ Ѳ. М. Рундальцевымъ по фотографіи, снятой съ портрета, рисованнаго карандашомъ знаменитымъ Карломъ Павловичемъ Брюловымъ, въ 1833 году, о картинѣ котораго «Послѣдній день Помпеи» Баратынскій, при посѣщеніи его художникомъ, сказалъ:

«Принесъ ты мирные трофеи
Съ собой, въ отеческую сѣнь,
И былъ послѣдній день Помпеи
Для русской кисти первый день».

Портретъ Баратынскаго хранится у двоюродной сестры сыновей поэта — Ольги Николаевны Тютчевой, рожденной Путята. Мать ея была родною сестрою жены Баратынскаго.

И. Божеряновъ.

С.-Петербургъ,
9-го іюля 1894 года.

Томъ первый.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ, ЭЛЕГІИ, ПОСЛАНІЯ, ЭПИГРАММЫ

1819 годъ.

I.

ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНѢ И ВСЕ ЕЩЕ ПРЕКРАСНОЙ.

(М. А. Панчулидзевой.)

Взгляните: свѣжестью младой,
И въ осень лѣтъ, она плѣняетъ,
И у нея летунъ сѣдой
Ланитныхъ розъ не похищаетъ;
Самъ побѣжденный красотой,
Глядитъ—и путь не продолжаетъ.

II.

Къ АЛИНѢ.

(Благонамѣренный 1819 г. ч. V, стр. 332.)

Тебя я нѣкогда любилъ
И ты любить не запрещала;
Но я дитя въ то время былъ,
Ты въ утро дней едва вступала.
Тогда любимъ я былъ тобой
И въ дни невинности безпечной
Алинѣ съ дѣтской простотой
Я клятву далъ ужъ въ страсти вѣчной.
Тебя-ль Алина вижу вновь?
Твой голосъ сталъ еще пріятнѣй;
Сильнѣе взоръ волнуетъ кровь;
Улыбка, ласки сердцу внятнѣй;
Блестящихъ на груди лилей
Всѣ прелести соединились,
И чувства прежнія живѣй
Въ душѣ моей возобновились.

1819

Алина! чрезъ двѣнадцать лѣтъ
Все тотъ же сердцемъ; нынѣ снова
Я повторяю свой обѣтъ.
Ужель не скажешь ты полслова?
Прелестный другъ! чему ни быть,
Обѣтъ сей будетъ свято чтимымъ.
Ахъ! я могу еще любить,
Хотя не льщусь ужъ быть любимымъ.

III.

ПОРТРЕТЪ В... *)

Какъ описать тебя? я право самъ не знаю!
Вчера задумчива, я помню, ты была;
Сегодня вѣтрена, забавна, весела;
Во всемъ, что лишъ въ тебѣ встрѣчаю,
Непостоянство примѣчаю,
Но постоянно ты мила.

IV.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА.

(въ альбомъ.)

Любовь и дружбу различаютъ,
Но какъ же различить хотятъ?
Ихъ пріобрѣсть равно желаютъ,
Лишь намъ срывать одну велятъ.
Пустая мысль! обманъ напрасный!
Бываетъ дружба нѣжной, страстной,
Стѣсняетъ сердце, движетъ кровь
И хоть таитъ свой огнь опасный,
Но съ дѣвушкой она прекрасной
Всегда похожа на любовь.

V.

КЪ КРЕНИЦЫНУ.

(Сынъ Отечества 1819 г. № 30, стр. 181).

Товарищъ радостей младыхъ,
Которые для насъ безвременно увяли;
Я свидѣлся съ тобой! Въ объятіяхъ твоихъ

*) Это и слѣдующее стихотвореніе помѣщено въ «Благонамѣренномъ 1819 г. ч. V, стр. 334.

Мнѣ дни минувшіе, какъ смутный сонъ предстали.
О милый! я съ тобой когда-то счастливъ былъ!
Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья!
Все хладный опытъ истребилъ.
Узналъ-ли друга ты?—Болѣзни и печали
Его состарѣли во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ;
Ужъ много слабостей тебѣ знакомыхъ нѣтъ
Ужъ многія мечты ему чужими стали?
Разсудокъ тверже и вѣрнѣй,
Поступки, разговоръ скромнѣе:
Онъ осторожнѣй сталъ, быть можетъ сталъ умнѣе,
Но вѣрно счастіемъ теперь стократъ бѣднѣй.
Не подражай ему, иди своей тропою
Живи для радости, для дружбы, для любви,
. . . . . .
Цвѣты прелестны лишь весною!
Когда разсѣянно, съ унынiемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать
Какъ прежде пылкое, сердечное участье,
Не свѣтуй на меня, о другъ, пожалѣй.
Все можно возвратить! — мечтанья не возвратны!
Такъ! Были нѣкогда и мнѣ онѣ пріятны,
Но быстро скрылись отъ очей.
Я легковѣренъ былъ: надежда, наслажденье
Меня съ улыбкою манили въ темну даль,
Найти я радость мнилъ — нашелъ одну печаль
И сердцу милое исчезло заблужденье,
Но для чего грустить? Мой другъ еще со мной,
Я не всего лишенъ судьбой ожесточенной
О дружба нѣжная! останься неизмѣнной.
Пусть будетъ прочее мечтой!

VI.

ДЕЛЬВИГУ

Такъ любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
Но теперь и Музъ и Грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ;
Сыну милому Венеры,
Пріунывъ, прости сказалъ;
Гордый лавръ и миртъ веселый

1819

Киверъ воина тяжелый
На главѣ моей измялъ.
Строю нѣтъ въ забытой лирѣ,
Хладно день за днемъ идетъ,
И теперь меня въ мундирѣ
Геній мой не узнаетъ!
Мнѣ-ли думать о куплетахъ?
За свирѣль... а тутъ бѣды!
Марсъ, затянутый въ штиблетахъ
Обѣгаетъ ужъ ряды,
Кличетъ ратниковъ по свойски.
О судьбы переворотъ!
Твой поэтъ летитъ геройски,
Вмѣсто Пинда, на разводъ.
Вамъ, свободные Пииты,
Пѣть, любить; меня же врядъ,
Иль Камены, иль Харпты
Въ караулѣ навѣстятъ.
Вольный баловень забавы,
Ты, которому даютъ
Говорливыя дубравы
Поэтическій пріютъ,
Для кого, въ долинѣ злачной,
Извиваясь, ключь прозрачный
Вдохновительно журчитъ,
Ты, кого зовутъ къ свирѣли
Соловья живыя трели,
Пой, любимецъ Аонидъ!
Въ тихой, сладостной кручинѣ
Слушать буду голосъ твой,
Какъ внимаютъ на чужбинѣ
Языку страны родной.

VII.

Т—МУ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Землякъ! въ странѣ чужой, суровой
Сошлись мы вновь, и сей листокъ
Ждетъ отъ меня завѣтныхъ строкъ
На память для разлуки новой.
Ты любишь милую страну,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстію пылали.

1819

Покинулъ я предѣлъ родной!
Такъ и съ тобою другъ мой милый,
Здѣсь проведу я день другой;
И какъ узнать? въ странѣ чужой
Окончу я мой вѣкъ унылый;
А ты увидишь домъ отцовъ,
А ты узришь поля родныя,
И прошлыхъ счастливыхъ годовъ
Вспомянешь были золотыя.
Но гдѣ товарищъ, гдѣ поэтъ,
Тобой съ младенчества любимый?
Онъ совершилъ судьбы завѣтъ,
Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ
И до конца непримиримой!
Когда жъ стихи мои найдешь,
Гдѣ складу нѣтъ, но чувство живо,
Ты ихъ задумчиво прочтешь,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо листъ перевернешь.

VIII.

ЭПИГРАММА

(Благонамѣрѣнный 1819 г. ч. IX, стр. 144).

Дамонъ! ты началъ - продолжай;
Кропай экспромты на досугѣ;
Возьмись за геній свой: пиши, черти, марай;
У пола нѣжнаго въ безсмѣнной будь услугѣ;
Наполни вздохами растерзанную грудь;
Ни вкусу не давай, ни разуму потачки
И въ награжденіе любимцемъ куклы будь,
Или соперникомъ собачки.

IX.

ПРОЩАНЬЕ.

(Благонамѣренный 1819 г. ч. XV стр 142.)

Простите, милые досуги
Разгульной юности моей,
Любви и радости подруги,
Простите! вяну въ утро дней!
Не мнѣ стезею потаенной,
Въ ночь молчаливую, тишкомъ

Младую дѣву подъ плащомъ
Вести въ альковъ уединенный.
Бѣжитъ измѣнница любовь!
Свѣтильникъ дней моихъ блѣднѣетъ,
Ея дыханье не согрѣетъ
Мою хладѣющую кровь.
Слѣды печалей, изнуренья
Примѣтитъ въ страждущемъ она.
Не смѣйтесь; дѣвы наслажденья:
И ваша скроется весна,
И вамъ плѣнять не долго взоры
Младою пышной красотой.
За что-жъ въ болѣзни роковой
Я слышу горькіе укоры?
Я прежде бодръ и веселъ былъ.
Зачѣмъ печальнаго бѣжите?
Подруги милые, вздохните:
Онъ сколько могъ любви служилъ.

1820 годъ.

X.

КЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.

(Сынъ отечества 1820 г. № 5 стр. 225).

Прости, поэтъ! судьбина вновь
Мнѣ посохъ странника вручила;
Но къ музамъ чистая любовь
Ужъ насъ на вѣкъ соединила
Прости! Богъ вѣсть—когда опять
Желанный другъ въ гостяхъ у друга,
Я счастье буду воспѣвать
И нѣгу празднаго досуга!—
О милый мой! все въ даръ тебѣ—
И грусть и сладость упованья!
Молись невидимой судьбѣ:
Она приближитъ часъ свиданья.
И я, съ пустынныхъ, Финскихъ горъ,
Въ отчизнѣ браннаго Одена,
Къ ней возведу молящій взоръ,
Упавъ смиренно на колѣна.
Строга-ль, Богиня, будетъ къ намъ,
Пошлетъ ли вѣсть соединенья?
Пускай предъ ней сольются тамъ
Друзей согласныя моленья!—

18 Января 1820 г.

1819—20

XI.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ ВОСПОМИНАНІЯ *)

Посланница небесъ, безсмертныхъ даръ счастливый,
Подруга тихая печали молчаливой,
О память,—ты одна бесѣдуешь со мной,
Ты возвращаешь мнѣ отъятое судьбой;
Тобою счастія мгновенья легкокрылы,
Давно протекшія, въ мечтахъ мнѣ снова милы.
Еще въ забвеніи дышу отрадой ихъ;
Люблю, задумавшись, минувшихъ дней моихъ
Воспоминать мечты, надежды наслажденья,
Минуты радости, минуты огорченья.
Не разъ волшебною взлелѣянный мечтой
Я въ ночь безмолвную бесѣдовалъ съ тобой;
И въ дни счастливые на часъ перенесенный,
Дремалъ утѣшенный и съ жизнью примиренный.

Такъ, всѣмъ обязанъ я твоимъ привѣтнымъ снамъ,
Тебя я пѣть хочу;—дай жизнь моимъ струнамъ,
Цѣвницѣ вторь моей;—твой голосъ сердцу внятенъ,
И рѣзвой радости и грусти онъ пріятенъ.
Ахъ! кто о прежнихъ дняхъ порой не вспоминалъ?
Кто жизнь печальную мечтой не украшалъ?
Смотрите:—Вотъ старикъ сѣдой, изнеможенный,
На ветхихъ костыляхъ подъ ношей лѣтъ согбенный,
Онъ съ жизнью сопряженъ страданіемъ однимъ.
Уже могилы дверь отверста передъ нимъ;—
Но онъ живетъ еще!—онъ помнитъ дни златые!
Онъ помнитъ рѣзвости и радости младыя!
Съ товарищемъ сѣдымъ, за чашей круговой,
Мечтаетъ о быломъ, и вновь цвѣтетъ душой:
Свѣтлѣетъ взоръ его, весельемъ духъ пылаетъ,
И руку друга онъ съ восторгомъ пожимаетъ.
. . . . . .
. . . . . .

Наскучивъ странствіемъ и жизни суетою,
Усталый труженикъ подъ кровлею родною
Вкушаетъ сладостный бездѣйствія покой;
Благодаритъ боговъ за мирный уголъ свой;
Забытый отъ людей блажитъ уединенье,
Гдѣ отъ заботъ мірскихъ нашелъ отдохновенье;

*) Эти Отрывки не были печатаемы въ собраніяхъ сочиненій поэта 1827 г и 1835 г. Въ первый разъ они появились въ изданіи 1869 г.

Но любить вспоминать онъ были прежнихъ лѣтъ,
И море бурное, и столько жъ бурный свѣтъ,
Мечтанья юности, восторги сладострастья,
Обманы радости и вѣтреннаго счастья;
Милѣе кажется ему родная сѣнь,
Покой отраднѣе, пріятнѣй рощи тѣнь,
Уединенная роскошнѣе природа,
И тихо шепчетъ онъ:—«всего милѣй свобода!»—
О дѣти памяти! о Фебовы сыны!
Пѣвцы безсмертные! кому одолжены
Вы силой творческой небесныхъ вдохновеній?
—«Отзыву прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній».
Они неопытный развить умѣли умъ,
Зажгли, питали въ немъ, хранили пламень думъ!
Образовала васъ природа—не искусство:
Такъ, чувство выражать одно лишь можетъ чувство.
Когда вы кистію волшебною своей
Порывы бурные, волненіе страстей
Прелестно, пламенно и вѣрно выражали,
Вы отголоску ихъ самихъ себѣ внимали.
Ахъ, сколькихъ стоитъ слезъ безсмертія вѣнецъ!
. . . . . .
Но все покоится въ безмолвіи ночномъ,
И вѣжды томныя сомкнулись тихимъ сномъ.
Воспоминанія небесный, свѣтлый Геній
Къ намъ ниспускается на крыльяхъ сновидѣній.
Въ плѣнительныхъ мечтахъ, одушевленныхъ имъ,
И къ играмъ, и трудамъ обычнымъ мы спѣшимъ:
Пастухъ беретъ свирѣль, владѣлецъ багряницу,
Художникъ кисть свою, поэтъ свою цѣвницу,
Потомокъ рыцарей, взлелѣянный войной,
Сверкающимъ мечемъ махаетъ надъ главой.
. . . . . .
Доколѣ памяти животворящій свѣтъ
Еще не озарилъ туманной бездны лѣтъ,
Текли въ безвѣстности вѣка и поколѣнья;
Все было жертвою безгласнаго забвенья:
Дѣла великія не славились молвой,
Подъ камнемъ гробовымъ незнаемъ тлѣлъ герой.
Преданья свѣтъ блеснулъ,—и камни гласъ пріяли.
Вѣка минувшіе изъ тьмы своей возстали;
Народы поздніе урокамъ внемлютъ ихъ,
Какъ гласу мудрому наставниковъ сѣдыхъ.

1820

Кавказа дивныя, волшебныя картины!
Свободный городъ Римъ! бестящіе Аѳины!
Великолѣпный рядъ тріумфовъ и честей!
Съ какимъ волненіемъ внималъ я съ юныхъ дней
Безсмертнымъ повѣстямъ Плутарха, Ѳукидида!
Я Персовъ поражалъ съ дружиной Леонида;
Съ отцомъ Виргиніи отмщеніемъ пылалъ:
Казалось, грудь мою пронзилъ его кинжалъ;
И, подданный Царя, защитникъ вѣрный трона,
Въ восторгѣ трепеталъ при имени Катона.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но любопытный умъ въ одной ли тьмѣ преданій
Найдетъ источники уроковъ и познаній?—
Нѣтъ; все вокругъ меня гласитъ о прежнихъ дняхъ.
Блуждая странникомъ въ незнаемыхъ краяхъ,
Я всюду шествую, минувшимъ окруженный;
Я вопрошаю прахъ дряхлѣющей вселенной:
И грады, и поля, и сей безмолвный рядъ
Рукою времени набросанныхъ громадъ.
Событій прежнихъ лѣтъ свидѣтель молчаливый,
Со мной бесѣдуетъ ихъ прахъ краснорѣчивый.
Здѣсь отвѣчаютъ мнѣ оракулы временъ.
Смотрите,—видите-ль, дымится Карѳагенъ!
Полнеба Африки пожарами пылаетъ!
Съ протяжнымъ грохотомъ Пальмира упадаетъ!
Какъ волны дымныя бѣгущихъ облаковъ,
Мелькаютъ предо мной событія вѣковъ.
Печать минувшаго повсюду мною зрима....
Поля Авзоніи! державный пепелъ Рима!
Глашатаи чудесъ и славы прежнихъ лѣтъ!
Съ благоговѣньемъ васъ привѣтствуетъ Поэтъ.
Смотрите, какъ, вѣка незримо пролетая,
Твердыни древнія и горы подавляя,
Бросая гробъ на гробъ, свергая храмъ на храмъ,
Остатки гордыя являютъ Рима намъ
Великолѣпныя, безсмертныя громады!
Вотъ здѣсь висящихъ рѣкъ шумѣли водопады,
Вотъ здѣсь входили въ Римъ когорты плебеянъ,
Обремененныя богатствомъ дальнихъ странъ;
Чертоговъ, портиковъ вездѣ я зрю обломки,
Гдѣ начерталъ рѣзецъ Римлянъ дѣянья громки.
Не смѣла времени разрушить ихъ рука,

И возлегли на прахъ усталые вѣка.
Все, все вѣщаетъ здѣсь уму, воображенью.
Внимайте времени нѣмому поученью!
Познайте тлѣнія незыблемый законъ!
Изъ-подъ развалинъ сихъ вѣщаетъ глухо онъ:
«Все гибнетъ, все падетъ,—и грады, и державы»...
О колыбель наукъ, величія и славы!
Отчизна свѣтлая героевъ и боговъ!
Святая Грецiя! теперь толпы рабовъ
Блуждаютъ на брегахъ божественной Эллады;
Ко храму ветхому Діаны иль Паллады
Шалашъ пристроилъ свой лѣнивый рыбаловъ!
Ты-бъ не узналъ, Солонъ, страну своихъ отцовъ:
Подъ чуждымъ скипетромъ главой она поникла;
Никто не слышитъ тамъ о подвигахъ Перикла;—
Все губитъ, все мертвитъ невѣжества яремъ.
Но неужель для насъ языкъ развалинъ нѣмъ?
Нѣтъ, нѣтъ, лишь понимать умѣйте ихъ молчанье,—
И новый міръ для васъ создастъ воспоминанье.

. . . . . .

Счастливъ, счастливъ и тотъ, кому дано судьбою
Отъ странствій отдохнуть подъ кровлею родною,
Увидѣть милую, священную страну,
Гдѣ жизни онъ провелъ прекрасную весну,
Провелъ невинное, безоблачное дѣтство.
О край моихъ отцовъ! о мирное наслѣдство!
Всегда присутственны вы въ памяти моей:
И въ берегахъ крутыхъ сверкающій ручей,
И свѣтлыя луга, и темныя дубравы,
И сельскихъ жителей привѣтливые нравы —
Пріятно вспоминать младенческіе дни...

. . . . . .

Когда, едва вздохнувъ для жизни неизвѣстной,
Я съ тихой радостью взглянулъ на міръ прелестный,—
Съ какимъ восторгомъ я природу обнималъ!
Какъ свѣтъ прекрасенъ былъ! —Увы! тогда не зналъ
Я буйственныхъ страстей въ безпечности невинной:
Дитя, взлелѣянный природою пустынной,
Ее одну лишь зрѣлъ, внималъ одной лишь ей.
Сіянье солнечныхъ торжественныхъ лучей
Веселье тихое мнѣ въ сердце проливало;
Оно съ природою въ ненастье унывало;
Не зналъ я радостей, не зналъ я мукъ другихъ;
За мигомъ не умѣлъ другой предвидѣть мигъ;

Я слишкомъ счастливъ былъ спокойствіемъ незнанья;
Блаженства чуждые и чуждые страданья,
Часы невидимо мелькали надо мной.....
О, суждено ли мнѣ увидѣть край родной,
Друзей оставленныхъ, друзей всегда любимыхъ,
И сердцемъ отдохнуть въ тѣни дубравъ родимыхъ?..
Тамъ счастье я найду въ отрадной тишинѣ
Не нужны почести, не нужно злато мнѣ:—
Отдайте прадѣдовъ мнѣ скромную обитель.
Забытый отъ людей, дубравъ безвѣстный житель,
Не позавидую надменнымъ богачамъ;
Нѣтъ, нѣтъ, за тщетный блескъ я счастья не отдамъ.
Не стану жертвовать Фортунѣ своевольной
Спокойной совѣстью, судьбой своей довольный;
И пѣсни нѣжныя, и мирный ѳиміамъ
Я буду посвящать отеческимъ богамъ.

Такъ, перешедши жизнь незнаемой тропою,
Свой подвигъ совершивъ, усталою главою
Склонюсь я наконецъ ко смертному одру;
Для дружбы, для любви, для памяти умру;
И все умретъ со мной!—Но вы, любимцы Феба,
Вы вмѣстѣ съ жизнію принявшіе отъ Неба
И думъ возвышенныхъ и сладкихъ пѣсней даръ!
Враждующей судьбы не страшенъ вамъ ударъ:
Свой вѣкъ опередивъ, заранѣ слышитъ Геній
Рукоплесканія грядущихъ поколѣній.

. . . . . .
. . . . . .

XII.

ДѢВУШКѢ.

которая на вопросъ: какъ ее зовутъ? отвѣчала
н е з н а ю.

(Невскій зритель. 1820 г. № 2 стр. 93.)

Незнаю, милая, н е з н а ю!
Краса плѣнительна твоя:
Незнаю я предпочитаю
Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

1820

XIII.

ЭЛЕГІЯ.

(Невскій зритель 1820 г. мартъ стр. 55).

Заснули рощи надъ потокомъ;
Легла на холмы тишина;
Дремало все—но тщетно сна
Я ждалъ на ложѣ одинокомъ.
Сыны души моей больной,
Сыны полуночнаго бдѣнья—
Вокругъ, мѣшаясь съ темнотой,
Мелькали смутныя видѣнья.
«И такъ исчезли» думалъ я,
Весеннихъ лѣтъ мечты златыя,
Часы присиѣли роковые
И вянетъ молодость моя!
Невольникъ истины угрюмой,
Отъ нѣги съ праздною душой,
Живыхъ восторговъ легкій рой
Мнѣ замѣнится хладной думой
И мертвой сердца тишиной!»—
Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ внезапно Купидонъ:
«Объ чемъ вздыхаешь», молвилъ онъ,
Объ чемъ грустишь, неблагодарный?
Оставь печальныя мечты!
Я вѣчно юнъ и я съ тобою!
Еще младенецъ сердцемъ ты;
Не вѣришь мнѣ?—взгляни на Хлою.»

Фридрихсгамъ 15 марта 1820 г.

XIV.

БРАТУ ЛЬВУ.

(ПРИ ОТЪѢЗДѢ ЕГО ВЪ АРМІЮ).

И такъ, мой милый, не шутя,
Сказавъ прости домашней нѣгѣ,
Ты, усъ мечтательный крутя,
На шибко скачущей телѣгѣ,
Отъ насъ увы! далеко прочь,
О насъ увы! не сожалѣя,
Летишь курьеромъ день и ночь
Туда, туда, къ шатрамъ Арея!

1820

И такъ, въ мундирѣ щегольскомъ,
Ты скоро станешь въ ратномъ строѣ
Межъ удальцами удальцомъ!
О милый мой! согласенъ въ томъ:
Завидно счастіе такое!
Не пріобщуся не въ попадъ
Я къ мудрецамъ чрезъ мѣру важнымъ;
Иди! Воинственный нарядъ
Приличенъ юношамъ отважнымъ.
Люблю я бранные шатры,
Люблю безпечность полковую,
Люблю красивые смотры,
Люблю тревогу боевую,
Люблю я храбрыхъ, воинъ мой,
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной,
Летящихъ въ пламень роковой
Толпой веселой и безумной!
Священный долгъ за ними въ слѣдъ
Тебя зоветъ, любовникъ брани;
Ступай, служи Богинѣ бѣдъ,
И къ ней трепещущія длани
Съ мольбой подыметъ твой поэтъ.

XV.

Онъ близокъ, близокъ день свиданья,
Тебя, мой другъ, увижу я!
Скажи, восторгомъ ожиданья
Что-жъ не трепещетъ грудь моя?
Не мнѣ роптать; но дни печали,
Быть можетъ, поздно миновали:
Съ тоской на радость я гляжу,
Не для меня ея сіянье,
И я напрасно упованье
Въ больной душѣ моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
И наслаждаюсь не вполнѣ:
Все мнится, счастливъ я ошибкой,
Я не къ лицу веселье мнѣ.

XVI.

Поэтъ Пизцовъ въ стихахъ тяжеловатъ,
Но я люблю незлобнаго собрата:
Ей, ей! не онъ предъ свѣтомъ виноватъ,
А передъ нимъ природа виновата.

1820

XVII.

ДЕЛЬВИГУ.

Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
Товарищъ радостей минувшихъ,
Товарищъ ясныхъ дней, недавно надо мной
Мечтой веселою мелькнувшихъ?
Ужель душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
Другъ отлученный, другъ далекой,
На Финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ,
Бродящій съ грустью одинокой?
Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
Лишь мнѣ чувствительна утрата,
Уже-ль не ищешь ты въ кругу своихъ друзей
Судьбой отторженнаго брата?
Ты помнишь-ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
Пылая жаждой сладострастья,
Мы жизни ввѣрились и общею тропой
Помчались за мечтою счастья?
«Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!»
За полной чашей мы твердили,
И весело въ струяхъ блестящаго вина
Забвенье сладостное пили.
И вотъ сгустилась ночь, и все въ глубокомъ снѣ—
Лишь дышитъ влажная прохлада.
На стогнахъ тишина! Сіяютъ при лунѣ
Дворцы и башни Петрограда.
Къ знакомцу доброму стучится Купидонъ.
«Пусть дремлетъ труженикъ усталый!
«Проснися, юноша, отвергни», шепчетъ онъ,
«Покой безчувственный и вялый».
«Взгляни, ты видишь-ли: покинувъ ложе сна,
«Передъ окномъ, полуодѣта,
«Томленья страстнаго въ душѣ своей полна,
«Счастливца ждетъ моя Лилета!»
Толпа безумная! напрасно ропщешь ты!
Блаженъ, кто легкою рукою
Весной умѣлъ срывать весенніе цвѣты
И въ мирѣ жилъ съ самимъ собою;
Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
И, равнодушіемъ богатый,
За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ
И наслажденья мигъ крылатый!
Давно румяный Фебъ прогналъ ночную тѣнь,

1820

Давно проснулися заботы,
А баловня забавъ еще покоитъ лѣнь
На ложѣ нѣги и дремоты.
И Лила спитъ еще: любовію горятъ
Младыя, свѣжія ланиты,
И, мнится, поцѣлуй сквозь тонкій сонъ манятъ
Ея уста полуоткрыты.
И гдѣ-жъ брега Невы? гдѣ чашъ веселый стукъ?
Забытъ друзьями другъ заочной,
Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
Какъ блескъ зарницы полуночной!
И я, пѣвецъ утѣхъ, пою утрату ихъ,
И вкругъ меня скалы суровы,
И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
И на ногахъ моихъ оковы.

XVIII.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАФАРУ.

Свободу далъ тоскѣ моей,
Уединенный, я недавно
О наслажденьяхъ прежнихъ дней
Жалѣлъ и плакалъ своенравно.
Все обмануло, думалъ я,
Чѣмъ сердце пламенное жило,
Что восхищало, что томило,
Что было цвѣтомъ бытія!
Наставленъ истиной угрюмой,
Отнынѣ съ праздною душой
Живыхъ восторговъ легкій рой
Я замѣню холодной думой
И сердца мертвой тишиной! *)

XIX.

ФИНЛЯНДІЯ.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ міру современнымъ

*) *Окончаніе стихотворенія* одинаково съ § XIII

1820

Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
Тамъ необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ—и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ, но ясенъ неба сводъ,
На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ
И только-что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ!
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!
Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ Скальда гласъ,
Воспламенный дубъ угасъ,
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ;
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженныя лики!
И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой!
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что-жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!
Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,

1820

Я беззаботливой душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя;
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

XX.

КЪ КОНШИНУ. *).

Повѣрь, мой милый другъ, страданье нужно намъ.
Не испытавъ его, нельзя понять и счастья:
Живой источникъ сладострастья
Дарованъ въ немъ его сынамъ.
Однѣ-ли радости отрадны и прелестны?
Одно-ль веселье веселитъ?
Бездѣйственность души счастливцевъ тяготитъ:
Имъ силы жизни неизвѣстны.
Не намъ завидовать лѣнивымъ чувствамъ ихъ!
Что въ дружбѣ вѣтреной, въ любви однообразной
И въ ощущеніяхъ слѣпыхъ
Души разсѣянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны-ль вы понять
Участья нѣжнаго сердечную услугу?
Способны-ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны-ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?
Но кто постигнутъ рокомъ гнѣвнымъ,
Чью душу тяготитъ мучительный недугъ,
Тотъ дорожитъ врачемъ душевнымъ.
Что, что даетъ любовь веселымъ шалунамъ?
Забаву легкую, минутное забвенье;
Въ ней благо лучшее дано богами намъ
И нуждъ живѣйшихъ утоленье!
Какъ будетъ сладко, милый мой,
Повѣрить нѣжности чувствительной подруги,

*) Коншинъ самъ писалъ стихи; въ «Соревнователѣ» 1821 № 7 стр. 242 за его подписью помѣщено стихотвореніе «Барону К. съ помѣткою Фридрихсгамъ

Скажу-ль? всѣ раны, всѣ недуги,
Все разслабленіе души твоей больной.
Забывъ и свѣтъ и рокъ суровый,
Желанье смутное въ одно желанье слить
И на устахъ ея, въ ея дыханьи пить
Цѣлебный воздухъ жизни новой!
Хвала всевидящимъ богамъ!
Пусть мнимымъ счастіемъ для свѣта мы убоги,
Счастливцы насъ бѣднѣй, и праведные боги
Имъдали чувственность, а чувство дали намъ.

XXI.

Э Л Е Г І Я.

(Соревнователь 1820 г. ч. 99 стр. 196).

На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость,
Невидимо мелькаютъ счастья дни;
Едва блеснутъ и скроются они!
На краткій мигъ узналъ любви я сладость:
О милый другъ--тебя ужъ нѣтъ со мной!
И я одинъ, и на груди стѣсненной
Тоска разлуки годовой.
Гдѣ вы—гдѣ вы любви очарованья?
Не вѣчность ли межъ нами протекла?
Ужель на часъ мнѣ счастьемъ жизнь была?
Ужель одни остались мнѣ желанья!
Я всё имѣлъ, лишился вдругъ всего.
Едва заснулъ—исчезло сновидѣнье;
Одно теперь унылое смущенье,
Осталось мнѣ, отъ счастья моего!

XXII.

К—ВУ.

(Соревнователь 1820 г., ч. 9 стр. 32).

Любви веселый проповѣдникъ
Всегда любезный говорунъ,
Глубокомысленный шалунъ,
Пазона правнукъ и наслѣдникъ
Дана на время юность намъ,
До рокового новоселья,
Пожить не худо для веселья.
Товарищь милый, по рукамъ!

1820

Наука счастья намъ знакома,
Часы—летятъ!—Скорѣй зови
Богиню милую любви!
Скорѣе вѣтреннаго Мома!
Альковъ уютный приготовь!
Наполни чаши золотыя!
Измѣнятъ скоро дни младые,
Измѣнитъ скоро намъ любовь!
Летящій мигъ лови украдкой—
И Гея, Вакхъ еще съ тобой!
Еще полна, другъ милый мой,
Предъ нами чаша жизни сладкой;
Но смерть, быть можетъ, сей же часъ,
Ее съ насмѣшкой опрокинетъ—
И мигомъ въ сердцѣ кровь остынетъ,
И домъ подземный скроетъ насъ.

XXIII.

ВЕСНА.

(элегія)

(Соревнователь 1820 года ч. 10 стр. 88).

Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей!
Сбылись времени угрозы!
Хладѣетъ въ сердцѣ жизнь, и юности моей
Поблѣкли утреннія! розы!
Благоуханный Май воскреснулъ на лугахъ
И пробудилась Филомела,
И Флора милая, на радужныхъ крылахъ
Къ намъ обновленная слетѣла,
Вотще! не для меня долины и лѣса
Одушевились красотою,
И свѣтлой радостью сіяютъ небеса!
Я вяну—вянетъ всё со мною! лѣтъ,
О, гдѣ вы, призраки, невозвратимыхъ
Богатство жизни—вѣра въ счастье?
Гдѣ ты, младого дня плѣнительный разсвѣтъ?
Гдѣ ты, живое сладострастье.
Въ дыханіи весны всё жизнь младую пьетъ
И нѣгу тайнаго желанья!
Всё дышетъ радостью и, мнится, съ кѣмъ-то ждетъ
Обѣтованнаго свиданья!

1820

Лишь я, какъ будто чуждъ природѣ и Веснѣ!
Часы крылатые мелькаютъ;
Но радости принесть они не могутъ мнѣ
И, мнится, мимо пролетаютъ.

XXIV.

ФИНСКИМЪ КРАСАВИЦАМЪ.

(МАДРИГАЛЪ).

(Соревнователь 1820 г. ч. 10 стр. 186).

Такъ—вашъ языкъ еще мнѣ новъ,
Но взоры милыхъ сердцу внятны,
И звуки незнакомыхъ словъ
Давно душѣ моей понятны.
Я не умѣлъ еще любить
Опасны сердцу ваши взгляды!
И сынъ Фрегеи, можетъ быть,
Сильнѣе будетъ сына Лады!

1821.

XXV.

БОЛЬНОЙ.

(Сынъ Отечества. 1821 г. № 8, стр. 37).

Други! радость измѣнила,
Предо мною мраченъ путь,
И болѣзнь мнѣ положила
Руку хладную на грудь.
Други! станьте вкругъ постели
Гдѣ утѣхъ златые дни?
Быстро, быстро пролетѣли
Тѣнью легкою они.
Все прошло; вашъ другъ печальный
Вянетъ въ жизни молодой,
Съ новымъ утромъ погребальный,
Можетъ быть, раздастся вой
И раздвинется могила,
И заснетъ, недвижный, онъ,
И твое лобзанье Лила,
Не прерветъ холодный сонъ.
Что нужды! до новоселья
Поживемъ и пошалимъ,

Въ память прежняго веселья
Шумный кубокъ осушимъ.
Намъ судьба велитъ разлуку...
Какъ-же быть, друзья? вздохнуть,
На распутьи сжать мнѣ руку
И сказать: счастливый путь.

XXVI.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

(Благонамѣренный. 1821 г., ч. 14, стр. 77).

Я видѣлъ: надъ главой моей
Гроза ужасная сбиралась—
И солнце юныхъ дней
На западъ уклонялось.
Я видѣлъ смерть передъ собой:
Она меня крылами покрывала—
И надъ моей подъятая главой
Коса въ рукахъ ея сверкала.
Ужъ близокъ былъ послѣдній часъ,
И слышался во мракѣ ночи
Призывный къ гробу гласъ—
И мракомъ одѣвались очи.
Въ послѣдній разъ изъ облаковъ
Луна унылая блистала;
Въ послѣдній разъ пріютный кровъ
И одръ печальный освѣщала,
Гдѣ, мнилось, я надъ бездною висѣлъ,
Болѣзнью къ ложу пригвожденный,
Обезображенный, страданьемъ отягченный—
И блѣдный свѣтъ луны въ глазахъ моихъ тускнѣлъ.
Уже въ послѣдній разъ
Прощаяся съ землею,
«Помедли, страшный Рокъ, помедли хоть на часъ»!
Молился я съ горячею слезою.
«Ахъ, дай ты мнѣ хоть разъ взглянуть,
Какъ солнышко взойдетъ, какъ закатится;
Дай мигъ еще мнѣ жизнью насладиться;
Дай утромъ разъ еще вздохнуть»!
И небо приняло усердное моленье.
Всевышній мнѣ послалъ у гроба исцѣленье.

1821

Закрылась пропасть подо мной,
И радость свидѣлась съ моей душой;
Воскресли милыя надежды,
Сопутницы бывалыхъ лѣтъ—
И скорбью скованныя вѣжды
Опять узрѣли свѣтъ.

XXVII.

ЛАГЕРЬ.

Разсѣеваетъ грусть пировъ веселый шумъ.
Вчера, за чашей круговою,
Средь братьевъ полковыхъ, въ ней утопивъ мой умъ
Хотѣлъ воскреснуть я душою.
Туманъ полуночный на холмы возлегалъ,
Шатры надъ озеромъ дремали,
Лишь мы не знали сна, и пѣнистый бокалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.
Но что-же? внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ.
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ.
Восторги ихъ мнѣ чужды были.
Того не пріобрѣсть, что сердцемъ не дано.
Рокъ злобный къ намъ ревниво злобенъ:
Одну печаль свою, уныніе одно
Унылый чувствовать способенъ.

XXVIII.

ДЕРЕВНЯ.

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы;
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ;
Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастія, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, спѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлею родимой.
О домъ отеческій! о край всегда любимой!
Родныя небеса! Незвучный голосъ мой,

1821

Въ стихахъ задумчивыхъ васъ пѣлъ въ странѣ чужой;
Вы мнѣ повѣете спокойствіемъ и счастьемъ.
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ и волнъ мятежный ревъ;
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой,
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:
Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеннѣе меча, полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой;
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственныя нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пѣстунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ вни былые!
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ разскажешь имена.
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣетъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Съ тяжелымъ заступомъ явлюся въ огородѣ;
Приду съ тобой садить коренья и цвѣты.
О подвигъ благостный! не тщетенъ будешь ты:
Богиня пажитей признательнѣй Фортуны!
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны,
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
Плодами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и заступа спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катитъ задумчиво пустынныя струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,
У брега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую и тополь осребренный;
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой,

Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепелъ мой,
И вмѣсто мрамора, положитъ на гробницу
И мирный заступъ мой и мирную цѣвницу.

XXIX.

Л И Д Ѣ.

Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ поэтовъ и боговъ.
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
На муравѣ рука съ рукой
Кружатся юноши и дѣвы,
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ
Хариты, вѣтренный Эротъ,
Дріады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими.
Поодаль Музы между тѣмъ,
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ, незримыя никѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Пѣвцу-ли вѣтренно безславить
Плоды возвышенныхъ трудовъ
И легкомыслiе забавить
Игрою гордою стиховъ?
И той не рѣдко, чье воззрѣнье
Даруетъ лирѣ вдохновенье,
Не повѣряетъ онъ его:
Поетъ одинъ, подобный въ этомъ
Пчелѣ, которая со цвѣтомъ
Не дѣлитъ меда своего.

XXX.

П Ѣ С Н Я.

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осенній;
По поднебесью далече
Тучи гонитъ.

1821

На часахъ стоитъ печаленъ
Юный ратникъ;
Онъ уносится за ними
Грустной думой.
О, куда, куда васъ, тучи,
Вѣтеръ гонитъ?
О, куда ведетъ судьбина
Горемыку?
Тошно жить мнѣ: мать родвую
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался.
«Не грусти!» душа дѣвица
Мнѣ сказала.
«За тебя молится будетъ
Другъ твой вѣрный».
Что въ молитвахъ? я въ чужбинѣ
Дни скончаю.
Возвращусь-ли? взоръ твой друга
Не признаетъ.
Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Жить на что мнѣ?
Дай пріютъ земля сырая,
Разступися.
Онъ поетъ, никто не слышитъ
Словъ печальныхъ...
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

XXXI.

БДѢНІЕ.

Одинъ, и пасмурный душою,
Я предъ окномъ сидѣлъ;
Свистѣла буря надо мною,
И глухо дождь шумѣлъ.
Ужь поздно было, ночь сгустилась,
Но сонъ бѣжалъ очей,
О дальномъ дѣтствѣ пробудилась
Тоска въ душѣ моей.
«Увижу-ль васъ, поля родныя,
«Увижу-ль васъ, друзья?
«Губя печалью дни младые,
«Примѣтно вяну я!

1821

«Дни пролетаютъ, годы тоже;
«Межъ тѣмъ блѣднѣетъ свѣтъ!
«Давно-ль покинулъ васъ, и что-же?
«Двоихъ ужъ въ мірѣ нѣтъ!
«И мнѣ назначена могила!
«Умру въ чужой странѣ.
«Умру, и вѣренная Лила
«Не вспомнитъ обо мнѣ!»
Душа стѣснилася тоскою;
Я грустно онѣмѣлъ,
Склонился на руку главою,
Въ окно не зря глядѣлъ.
Очнулся я; румянъ и свѣтелъ
Ужь новый день сіялъ,
И громкой пѣснью ранній пѣтелъ
Мнѣ утро возвѣщалъ.

XXXII.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Вы слишкомъ многими любимы,
Чтобы возможно было вамъ
Знать, помнить всѣхъ по именамъ;
Сіи листки необходимы,
Они не нужны были встарь:
Тогда не знали дружбы модной.
Тогда, Богъ вѣсть! иной дикарь
Сердечный адресъ-календарь
Почелъ-бы выдумкой негодной.
Что толковать о старинѣ!
Стихи готовы. Можетъ статься,
Они для справки обо мнѣ
Вамъ очень скоро пригодятся

XXXIII.

Б—НУ

Пріятель строгій, ты неправъ.
Несправедливы толки злые:
Друзья веселья и забавъ,
Мы не повѣсы записные!
По своеволію страстей
Себѣ мы правилъ не слагали,
Но пылкой жизнью юныхъ дней,

Пока дышалося, дышали;
Любили шумные пиры,
Гостей веселыхъ той поры,
Забавы, шалости любили
И за роскошные дары
Младую жизнь благодарили.
Во имя лучшихъ изъ боговъ,
Во имя Вакха и Киприды,
Мы пѣли счастье шалуновъ,
Сердечно презря крикуновъ
И ихъ ревнивыя обиды.
Мы пѣли счастье дней младыхъ!
Межъ тѣмъ летѣла наша младость:
Порой задумывалась радость
Въ кругу поклонниковъ своихъ;
Въ душѣ больной отъ пищи многой,
Въ душѣ усталой пламень гасъ,
И за стаканомъ, въ добрый часъ,
Засталъ насъ какъ-то опытъ строгой.
Наперстницъ нашихъ, страстныхъ дѣвъ,
Мы поцѣлуи позабыли,
И предъ суровымъ оробѣвъ,
Утѣхи крылья опустили.
Съ тѣхъ поръ, любезный, не посмъ
Мы безразсудныя забавы,
Смиренно дни свои ведемъ
И ждемъ отъ свѣта доброй славы.
Теперь вопросъ я отдаю
Тебѣ на судъ. Подумай, мы-ли
Перемѣнили жизнь свою,
Иль годы насъ перемѣнили?

XXXIV.

ВОДОПАДЪ.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.
Я слышу: свищетъ Аквилонъ,
Качаетъ елію скрыпучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашонъ.
Зачѣмъ съ безшумнымъ ожиданьемъ

1821

Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?
Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.
Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

XXXV.

Н. М. КОНШИНУ.

Живи смѣлѣй, товарищъ мой,
Разнообразь досугъ шутливой!
Люби, мечтай, пируй и пой,
Пренебреги молвы болтливой
И порицаньемъ и хвалой!
О, какъ безумна жажда славы!
Равно исчезнутъ въ безднѣ лѣтъ,
И годы шумные побѣдъ,
И мигъ незнаемый забавы!
Всѣхъ смертныхъ ждетъ судьба одна:
Всѣхъ чередомъ поглотитъ Лета,
И философа болтуна,
И длиноусаго корнета.
И въ молдаванкѣ шалуна
И въ рубищѣ Анахорета.
Познай-же цѣну срочныхъ дней,
Лови пролетное мгновенье!
Исчезнетъ жизни сновидѣнье:
Кто былъ счастливѣй, былъ умнѣй.
Будь друженъ съ Музою моею.
Оставимъ мудрость мудрецамъ;
На что чиниться съ жизнью намъ,
Когда шутить мы можемъ съ нею?

XXXVI.

Н. М. КОНШИНУ.

(Элегія).

Пора покинуть, милый другъ,
Знамена вѣтренной Киприды
И неизбѣжныя обиды
Предупредить, пока досугъ.

1821

Чьихъ ожидать увѣщеваній!
Мы лишены старинныхъ правъ
На своеволіе забавъ,
На своеволіе желаній.
Ужъ отлетаетъ вѣкъ младой,
Ужъ сердце опытнѣе стало:
Теперь ни въ чемъ, любезный мой,
Намъ изступленье не пристало!
Оставимъ юнымъ шалунамъ
Слѣпую жажду сладострастья;
Не упоенія, а счастья
Искать для сердца должно намъ.
Пресытясь буйнымъ наслажденьемъ,
Пресытясь ласками Цирцей,
Шепчу я часто съ умиленьемъ,
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя-ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ-бы, въ счастливой глуши,
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участье
Безпечно вѣровалъ-бы я,
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьѣ бытія?
Гдѣ-жъ обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или съ волненьемъ и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинокой
Я проведу остатокъ дней,
И тихій свѣтъ ея очей
Не озаритъ ихъ тьмы глубокой,
Не озаритъ души моей!

XXXVII.

ОТЪѢЗДЪ.

(элегія).

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Гдѣ дочь любимая природы
Безжизненна весна;

1821

Гдѣ солнце нéхотя сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ,
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ позабытъ молвой гремучей,
Но все душой піитъ,
Свею Музою летучей
оОнъ не былъ позабытъ!
Теперь для сладкаго свиданья
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ угрюмый ихъ!
Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
Пустынную страну,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ
Провелъ мою весну;
Но гдѣ порою житель неба,
Наперекоръ судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Не Музамъ, ни себѣ.

XXXVIII.

ЦВѢТОКЪ.

Съ восходомъ солнечнымъ Людмила
Сорвавъ себѣ цвѣтокъ,
Куда-то шла и говорила:
«Кому отдамъ цвѣтокъ?
«Что торопиться? мнѣ-ль наскучитъ
Лелѣять свой цвѣтокъ?
Нѣтъ! недостойный не получитъ
Душистый мой цвѣтокъ».
И говорилъ ей каждый встрѣчный:
Прекрасенъ твой цвѣтокъ!
Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
Отдай мнѣ твой цвѣтокъ!

1821

Она въ отвѣтъ: сама я знаю,
Прекрасенъ мой цвѣтокъ;
Но не тебѣ, и это знаю,
Другому мой цвѣтокъ».
Красою яркой день сіяетъ:
У дѣвушки цвѣтокъ;
Вотъ полдень, вечеръ наступаетъ:
У дѣвушки цвѣтокъ!
Идетъ. Услада повстрѣчала:
Онъ прелестью цвѣтокъ.
«Ты милъ!—она ему сказала,—
Возьми-же мой цвѣтокъ!»
Онъ что-же дѣвѣ? Онъ спѣсиво:
На что мнѣ твой цвѣтокъ?
Ты мнѣ даришь его; не диво:
Увянулъ твой цвѣтокъ.

XXXIX.

ДЕЛЬВИГУ.

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.
Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.
Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія,
И смерти отрадной страшиться.
Нужды непреклонной слѣпые рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.
Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное,
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему,
Стремимся неяснымъ желаньемъ!...
Вотще! Мы надолго отвержены имъ!
Сіяя красою надъ нами,
На бренную землю безпечно оно
Торжественный сводъ опираетъ...

1821

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ
Сгораетъ средь влаги прохладной,
Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,
Томимся мы жаждою счастья.

XL.

ЭЛЕГІЯ

(Соревнователь. 1821 г. ч. 16, стр. 204).

Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде!
Что въ счастьѣ мнѣ? Мертва душа моя!
«Надѣйся другъ»—сказали мнѣ друзья:
Не поздно-ли ввѣряться мнѣ надеждѣ,
Когда желать почти не въ силахъ я?
Я бременюсь нескромнымъ ихъ участьемъ
И съ каждымъ днемъ я вѣрой къ нимъ бѣднѣй.
Что въ пустотѣ несвязныхъ ихъ рѣчей?
Давнымъ—давно простился я со счастьемъ,
Желательнымъ слѣпой душѣ моей!
Лишь вслѣдъ ему съ унылымъ сладострастьемъ
Гляжу я вдоль моихъ минувшихъ дней.
Такъ нѣжный другъ въ безчувственномъ забвеньи
Еще глядитъ на зыби синихъ волнъ,
На влажный путь, гдѣ въ темномъ отдаленьи
Давно исчезъ отбывшій дружній челнъ.

XLI.

РАЗУВѢРЕНІЕ *).

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,
И, другъ заботливый, больного
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье.
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

*) Помѣщено тамъ-же).

1822.

XLII.

КЪ ДЕЛІИ.

Зачѣмъ, о Делія! сердца младыя ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемаго счастья?
Я видѣлъ вкругъ тебя поклонниковъ твоихъ,
Полуизсохшихъ въ страсти жадной:
Достигнувъ ихъ любви, любовнымъ клятвамъ ихъ
Внимаешь ты съ улыбкой хладной,
Обманывай слѣпцовъ и смѣйся ихъ судьбѣ!
Теперь душа твоя въ покоѣ;
Придется нѣкогда извѣдать и тебѣ
Очарованье роковое!
Не опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей,
Быть можетъ, избранный тобою
Уже не ввѣрится огню любви твоей,
Не тронется ея тоскою.
Когда-жь пора придетъ, и розы красоты,
Вседневно свѣжестью бѣднѣя,
Погибнутъ, отвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты,
Къ чему, безчарная Цирцея?
Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь,
Худыя щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь, какъ нибудь,
Вновь приманить... но не приманишь!
Въ замѣну сновъ младыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады:
Куда-бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивыя досады!
Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Такъ убѣгаетъ усыпленье.
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье.

1822

XLIII.

СЕСТРѢ.

(С. А. Боратынской).

И ты покинула семейный, мирный кругъ!
Ни степи, ни лѣса тебя не задержали;
И ты летишь ко мнѣ на гласъ моей печали—
О милая сестра, о мой вѣрнѣйшій другъ!
Я узнаю тебя, мой ангелъ-утѣшитель,
Наперсница души отъ колыбельныхъ дней;
Не тщетно нѣжности я вѣровалъ твоей
Тогда еще,—тогда достойный твой цѣнитель!
Приди-жъ и радость призови
Въ пріютъ мой, радостью забытой,
Повѣй отрадою душѣ моей убитой
И сердце мнѣ согрѣй дыханіемъ любви!
Какъ чистая роса живитъ своей прохладой
Среди нагихъ степей, спасительной усладой
Такъ оживишь мнѣ чувства ты!

1823.

XLIV.

КЪ Б*.

(Новости Литературы изд. А. Воейковымъи В. Козловымъ 1823 г. ч. III, стр. 28).

И такъ, безпечнаго досуга:
Отвергнувъ сладостный покой,
Ужъ ты въ мечтахъ покинулъ друга,
И новый путь передъ тобой!
Настанетъ скоро день желанный,—
И воинъ мой, противнымъ страхъ,
Надвинувъ шлемъ съ мечемъ въ рукахъ,
Летитъ на голосъ славы бранной.
Иди! Воинственный нарядъ,
Приличенъ юности отважной.
Люблю я пушекъ громъ протяжный;
Лыблю красивый вахтпарадъ;
Люблю питомцевъ шумной славы.
Смотри сомкнулись въ ратный строй!
Идутъ—блестящей полосой
Горятъ ихъ шлемы величавы!

1822—23

Идутъ—вскипѣлъ кровавый бой:
Люблю ихъ видѣть въ битвѣ шумной,
Летящихъ въ пламень роковой,
Толпой веселою и бурной.
И вотъ—подъ тѣнію шатровъ,
Дружины вѣтреныхъ героевъ
Поютъ за чашею славу боговъ
И стыдъ низложенныхъ враговъ!
Спѣши же къ нимъ, любовникъ брани:
Ступай, служи богинѣ бѣдъ
И къ ней съ мольбою твой поэтъ
Подыметъ трепетныя длани.
Зовутъ—лети въ опасный путь!
Да идетъ много разъ—губитель!
Люби, рубись—и вѣчно будь
Въ кипящей брани побѣдитель.

XLV.

ВЕСНА.

На звукъ цѣвницы голосистой,
Толпой забавъ окружена,
Летитъ прекрасная весна.
Благоухаетъ воздухъ чистой,
Земля воздвиглась ото сна.
Утихли вьюги и мятели,
Текутъ потоками снѣга;
Опять въ горахъ трубятъ рога,
Опять зефиры налетѣли
На обновленные луга.
Надъ урной мшистою Наяда
Проснулась въ сумракѣ вѣтвей,
Стрясаетъ инеи съ кудрей,
И, разломавъ оковы хлада,
Заговорилъ ея ручей.
Восторги духъ мой пробудили.
Звучатъ и блещутъ небеса;
Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,
Пастушьи пѣсни огласили
Долины, горы и лѣса.
Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты, въ печаль обличена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измѣна

1823

Еще судьбѣ не прощена!
Унынье въ грудь къ тебѣ тѣснится,
Не видишь ты красы луговъ.
О если-бъ щедростью боговъ
Могла ко смертнымъ возвратиться
Пора любви съ порой цвѣтовъ!

XLVI.

ДЕЛЬВИГУ.

Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путемъ однимъ пойдемъ до двери гроба,
И тщетно намъ за грозною бѣдой
Бѣду грознѣй пошлетъ судьбины злоба.
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ?
Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я почти лишенный силъ?
Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
Надеждою возвышенной и новой.
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ;
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унизился душою?
Ты самъ порой глубокую печаль
Въ душѣ носилъ, но что? не мнѣ-ли ввѣрить
Спѣшилъ ее? И дружба не всегда-ль
Хоть нѣсколько могла ее умѣрить?
Забытые Фортуною слѣпой.
Мы ей на зло другъ въ другѣ все имѣли,
И дружества твердя обѣтъ святой,
Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
О! вѣрь мнѣ въ томъ: чѣмъ жребій ни грозитъ.
Упорствуя въ старинной непріязни,
Душа моя не вѣдаетъ боязни,
Души моей ничто не измѣнитъ!
Такъ, милый другъ! позволятъ-ли мнѣ боги
Ярмо заботъ сложить когда-нибудь
И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
По-прежнему-ль ко мнѣ пребудутъ строги,—
Всегда я твой. Судьей души моей
Ты долженъ быть и въ вёдро и въ ненастье,
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленье счастье;

1823

Въ дни бѣдствія я знаю гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
Чего-жъ робѣть на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой.
Еще позволь желаніе одно
Мнѣ произнесть: молюся я судьбинѣ,
Чтобъ для тебя я сталъ отнынѣ,
Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно.

XLVI.

ПАДЕНЬЕ ЛИСТЬЕВЪ.

(Изъ Мильвуа).

Желтѣлъ печально злакъ полей,
Брега взрывалъ источникъ мутной,
И голосистый соловей
Умолкнулъ въ рощи безпріютной.
На преждевременный конецъ
Суровымъ рокомъ обреченный,
Прощался такъ младой пѣвецъ
Съ дубравой сердцу драгоцѣнной:
«Судьба исполнилась моя,
«Прости, убѣжище драгое!
«О прорицанье роковое!
«Твой страшный голосъ помню я;»
—Готовься юноша несчастной!
Во мракѣ осени ненастной
Глубокій мракъ тебѣ грозитъ;
Ужъ онъ зіяетъ изъ Эрева:
Послѣдній листъ падетъ со древа,
Твой часъ послѣдній прозвучитъ!
«И вяну я: лучи дневные
«Вседневно тягче для очей;
«Вы улетѣли, сны златые
«Минутной юности моей!
«Покину все, что сердцу мило.
«Ужъ мглою небо обложило,
«Ужъ позднихъ вѣтровъ слышенъ свистъ!
«Что медлить? время наступило:
«Вались, вались поблекшій листъ!
«Судьбѣ противиться безсильный,
«Я жажду ночи гробовой.
«Вались, вались! мой холмъ могильный
«Отъ грустной матери сокрой!

1823

«Когда-жъ вечернею порою
«Къ нему пустынною тропою,
«Вдоль незабвеннаго ручья,
«Придетъ поплакать надо мною
«Подруга нѣжная моя:
«Твой легкій шорохъ въ чуткой сѣни,
«На берегахъ Стигійскихъ водъ,
«Моей обрадованной тѣни
«Да возвѣститъ ея приходъ!»
Сбылось! Увы! судьбины гнѣва
Покорствомъ бѣдный не смягчилъ:
Послѣдній листъ упалъ со древа,
Послѣдній часъ его пробилъ!
Близъ рощи той его могила.
Съ кручиной тяжкою своей,
Къ ней часто матерь приходила...
Не приходила дѣва къ ней!

XLVIII.

ЛЕТА.

Душъ холодныхъ упованье,
Непріязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляетъ Элизей!
Такъ! достоинъ ты укора:
Для чего въ твоихъ водахъ
Погибаетъ безъ разбора
Память горестей и благъ?
Прочь съ нещаднымъ утѣшеньемъ!
Я минувшее люблю
И во вѣкъ утѣхъ забвеньемъ
Мукъ забвенья не куплю.

XLIX.

ДВѢ ДОЛИ.

Дало двѣ доли Провидѣнье
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.
Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой пасмѣшливой знакомъ.

1821

Надѣйтесь, юноши кипящіе,
Летите: крылья вамъ даны;
Для васъ и замыслы блестящіе,
И сердца пламенные сны.
Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть,
Гоните прочь ихъ рой прелестительный.
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.
Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ:
Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.

L.

РАЗМОЛВКА.

Мнѣ о любви твердила ты шутя
И холодно, сознаться можешь въ этомъ.
Я исцѣленъ; нѣтъ, нѣтъ я не дитя!
Прости, я самъ теперь знакомъ со свѣтомъ.
Кого жалѣть? печальнѣй доля чья?
Кто отягченъ утратою прямою?
Легко рѣшить: любимымъ не былъ я;
Ты, можетъ быть, была любима мною.

LI,

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Желанье счастія въ меня вдохнули боги:
Я требовалъ его отъ неба и земли.
И въ слѣдъ за призракомъ, манящимъ издали,
Жизнь перешелъ до полъ-дороги;
Но прихотямъ судьбы я болѣ не служу.
Счастливый отдыхомъ, на счастіе похожимъ,
Отнынѣ съ рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожимъ.

1823

LII.

С. Д. П.

Приманкой ласковыхъ рѣчей
Вамъ не лишить меня разсудка!
Конечно, многихъ вы милѣй,
Но васъ любить плохая шутка!
Вамъ не нужна любовь моя:
Не слишкомъ заняты вы мною;
Не нѣжность,—прихоть вашу я
Признаньемъ страстнымъ успокою.
Вамъ дорогъ я, твердите вы,
Но лишній плѣнникъ вамъ дороже;
Вамъ очень милъ я, но увы!
Вамъ и другіе милы тоже.
Съ толпой соперниковъ моихъ
Я состязаться не дерзаю,
И превосходной силѣ ихъ
Безъ битвы поле уступаю.

LIII.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Такъ! для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ.
Я не забылъ тебя, почтенный Аристипъ,
И дружбу нѣжную, и Русскія Аѳины!
Не Вакховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
Въ нескромной юности нескромно пѣтыхъ мной,
Не шумной суеты, прославленной толпой,
Лишенье тяжко мнѣ въ краю, гдѣ Финну нищу
Отчизна мертвая едва даруетъ пищу.
Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ тягостно отсутствіе друзей,
Лишенье тягостно бесѣды мнѣ твоей,
То наставительной, то сладостно-отрадной;
Въ ней, сердцемъ жадный чувствъ, умомъ познаній жадной,
И сердцу и уму я пищу находилъ.
Счастливецъ! дни свои ты Музамъ посвятилъ
И бодро дѣйствуешь прекрасные полвѣка
На полѣ умственнымъ усилій человѣка;
Искусства нѣжныя и дѣятельный трудъ,
Занявъ, украсили свободный твой пріютъ.
Живитель сердца—трудъ; искусства—наслажденья.
Еще не породивъ прямого просвѣщенья,
Избытокъ породилъ бездѣйственную лѣнь.

1823

На міръ снотворную она нагнала тѣнь,
И чадамъ роскоши, обремененнымъ скукой,
Довольство бѣдности тягчайшей было мукой;
Искусства низошли на помощь къ намъ тогда:
Уже отвыкнувшихъ отъ грубаго труда,
Къ трудамъ возвышеннымъ они воспламенили
И праздность упражнять роскошно научили;
Быть можетъ, счастіемъ обязаны мы имъ.
Какъ бѣденъ страждущій бездѣйствіемъ своимъ!
Печальный, жалкій рабъ тупого усыпленья,
Не постигаетъ онъ души употребленья;
Въ дремоту грубою всечасно погруженъ,
Отвыкнулъ чувствовать, отвыкнулъ мыслить онъ,
На собственныхъ пирахъ вздыхаетъ онъ украдкой,
Что длятся для него мгновенья жизни краткой.
Они въ углу моемъ не длятся для меня!
Судьбу младенчески за строгость не виня
И взявъ съ тебя примѣръ, поэзію, ученье
Призвалъ я украшать свое уединенье.
Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
Пришельца новаго пугающіе взоръ,
Чужихъ безбрежныхъ водъ свинцовая равнина,
Напѣвы грустные протяжныхъ пѣсенъ Финна,
Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ
Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.
Я побѣдилъ ее, и, не убитъ неволей,
Еще я бытія владѣю лучшей долей,
Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
То вопрошаю я преданіе вѣковъ,
Всемірныхъ перемѣнъ читая въ нихъ причины;
Наставленъ давнею превратностью судьбины,
Учусь покорствовать судьбинѣ я своей;
То занятъ свойствами и нравами людей,
Поступковъ ихъ ищу прямыя побужденья,
Вникаю въ сердце ихъ, слѣжу его движенья,
И въ сердцѣ разуму отчетъ стараюсь дать!
То вдохновеніе, Парнаса благодать,
Мнѣ душу радуетъ восторгами своими:
На мигъ обвороженъ, на мигъ обманутъ имп,
Дышу свободнѣе, и лиру взявъ свою,
И дружбу, и любовь, и негу я пою.
Осмѣливаясь пѣть, я помню преткновенья
Самолюбиваго искусства пѣснопѣнья;
Но всякому свое, и мать племенъ людскихъ,

Усердья полная ко благу чадъ своихъ,
Природа каждаго даря особой страстью:
Намъ разные пути прокладываетъ къ счастью,
Кто блескомъ почестей плѣненъ въ душѣ своей;
Кто созданъ для войны и любитъ стукъ мечей;
Любезны пѣсни мнѣ. Когда-то для забавы
Я, праздный, посѣтилъ Парнасскія дубравы
И воды свѣтлыя Кастальскаго ручья;
Тамъ къ хорамъ чистыхъ дѣвъ прислушивался я,
Тамъ очарованный, влюбился я въ искусство
Другимъ передавать въ согласныхъ звукахъ чувство,
И, не страшась толпы взыскательныхъ судей,
Я умереть хочу съ любовію моей.
Такъ, скуку для себя считая бѣдствомъ главнымъ,
Я духа предаюсь порывамъ своенравнымъ;
Такъ, безъ усилія ведетъ меня мой умъ
Отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ!
Но ни души моей восторги одиноки,
Ни любомудрія полезные уроки,
Ни пѣсни мирныя, ни легкія мечты,
Воображенія случайные цвѣты,
Среди глухихъ лѣсовъ и скалъ моихъ унылыхъ,
Не замѣняютъ мнѣ людей для сердца милыхъ!
И часто, грустію невольною объятъ,
Увидѣть-бы желалъ я пышный Петроградъ,
Вести желалъ-бы вновь свой вѣкъ непринужденной
Въ кругу дѣтей искусствъ и нѣги просвѣщенней;
Апелла, Фидія желалъ-бы навѣщать,
Съ тобой желалъ-бы я бесѣдоать опять,
Мужъ, дарованьями, душою превосходный,
Въ стихахъ возвышенный и въ сердцѣ благородный!
За то не въ первый разъ взываю я къ богамъ:
Отдайте мнѣ друзей,—найду я счастье самъ!

1824.

LIV.

НЕВѢСТѢ.

(А. Я. В.)

(Альманахъ Царское село 1830 г. стр. 234.)

Не разъ Гимена клеветали—
Его бездушнымъ торговцомъ,
Брюзгой, ревнивцемъ и глупцомъ,
Попеременно называли...

1824

Какъ свѣтъ его ни назови,
У васъ онъ будетъ, безъ сомнѣнья,
Достойнымъ сыномъ уваженья,
И братомъ пламенной любви?

Роченсальмъ.
1824 г.

LV.

ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?
Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.
«Безуменъ ты и всѣ твои желанья»
Мнѣ первый опытъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на вѣкъ.
Но для чего души разувѣренье
Совершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?
Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой.
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.
«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) «захочу
«И страстнаго отрадному безстрастью
«Тебя я научу.
«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».
Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ

Промолвилъ ей: «о гостья роковая!
Печаленъ твой привѣтъ!
«Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.
«Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.
«Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ.
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти».

LVI.

А Г Л А Ѣ.

О своенравная Аглая!
Отъ всей души я васъ люблю,
Хотя, другимъ не подражая,
Довольно рѣдко васъ хвалю.
На вашихъ ужинахъ веселыхъ,
Гдѣ любятъ смѣхъ, и даже шумъ,
Гдѣ не кладутъ оковъ тяжелыхъ
Намъ ни на сердце, ни на умъ,
Гдѣ для глупца или невѣжды
Словъ не размѣриваемъ мы,
Я основалъ свои надежды
И счастье нынѣшней зимы.
Ни въ чемъ не слѣдуя пристрастью,
Даете цѣну вы всему:
И остроумью, и уму,
И удовольствію, и счастью.
Свѣтъ пренебрегши, въ добрый часъ,
И притѣснительную моду,
Всему и всѣмъ забавить васъ
Вы дали полную свободу;
И потому далеко прочь

Отъ васъ бѣжитъ причудницъ мука,
Жеманства пасмурная дочь,
Всегда зѣвающая Скука.
Иной порою, знаю самъ,
Я васъ браню по пустякамъ.
Простите мнѣ мои укоры!
Не умъ одинъ дивится вамъ,
Опасны сердцу ваши взоры:
Они лукавы, я слыхалъ,
И щекотливѣе другого,
Отъ упоенія слѣпого
Спасти разсудокъ свой желалъ.
Я въ немъ теперь едва-ли воленъ,
И часто пасмурной душой
За то я вами недоволенъ,
Что недоволенъ самъ собой.

LVII.

Р И М Ъ.

Ты былъ-ли, гордый Римъ, земли самовластитель,
Ты былъ-ли, о свободный Римъ?
Къ нѣмымъ развалинамъ твоимъ
Подходитъ съ грустію ихъ чуждый навѣститель.
За что утратилъ ты величье прежнихъ дней?
За что, державный Римъ, тебя забыли боги?
Градъ пышный, гдѣ твои чертоги?
Гдѣ сильные твои, о родина мужей?
Тебѣ-ли измѣнилъ побѣды мощный Геній?
Ты-ль на распутіи временъ
Стоишь въ позорище племенъ,
Какъ пышный саркофагъ погибшихъ поколѣній?
Кому еще грозишь съ твоихъ семи холмовъ?
Судьбы-ли всѣхъ державъ ты грозный возвѣститель?
Или, какъ призракъ обвинитель,
Печальный предстоишь очамъ твоихъ сыновъ?

LVIII.

П Р И З Н А Н Ь Е.

Притворной нѣжности не требуй отъ меня,
Я сердца моего не скрою хладъ печальной.
Ты права, въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любви первоначальной.

4*

1824

Напрасно я себѣ на память приводилъ
И милый образъ твой, и прежнія мечтанья.
Безжизненны мои воспоминанья.
Я клятвы далъ, но далъ ихъ выше силъ.
Я не плѣненъ красавицей другою,
Мечты ревнивыя отъ сердца удали;
Но годы долгіе въ разлукѣ протекли,
Но въ буряхъ жизненныхъ развлекся я душою.
Ужъ ты жила невѣрной тѣнью въ ней;
Уже къ тебѣ взывалъ я рѣдко, принужденно,
И пламень мой, слабѣя постепенно,
Собою самъ погасъ въ душѣ моей.
Вѣрь, жалокъ я одинъ. Душа любви желаетъ,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполнѣ упоеваетъ
Насъ только первая любовь.
Грущу я; но и грусть минуетъ, знаменуя
Судьбины полную побѣду надо мной.
Кто знаетъ? мнѣніемъ сольюся я съ толпой;
Подругу, безъ любви, кто знаетъ? изберу я.
На бракъ обдуманный я руку ей подамъ
И въ храмѣ стану рядомъ съ нею
Невинной, преданной быть можетъ лучшимъ снамъ,
И назову ее моею,
И вѣсть къ тебѣ придетъ; но не завидуй намъ:
Обмѣна тайныхъ думъ не будетъ между нами,
Душевнымъ прихотямъ мы воли не дадимъ:
Мы не сердца подъ брачными вѣнцами,
Мы только жребіи свои соединимъ.
Прощай! мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избралъ, путь новый избери;
Печаль безплодную разсудкомъ усмири
И не вступай, молю, въ напрасный судъ со мною!
Не властны мы въ самихъ себѣ,
И въ молодыя наши лѣты
Даемъ поспѣшные обѣты,
Смѣшные, можетъ быть, всевидящей судьбѣ.

LIX.

ЛУТКОВСКОМУ.

Влюбился я, полковникъ мой,
Въ твои военные разсказы;
Проказы жизни боевой
Никакъ веселыя проказы!

1824

Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго лѣнтяя;
Но мнѣ война еще милѣй,
И я люблю, тебѣ внимая,
Жужжанье пуль и звукъ мечей.
Какъ сердце жаждетъ бранной славы,
Какъ духъ кипитъ, когда порой,
Мнѣ хвалитъ ратныя забавы
Мой беззаботливый герой!
Прекрасный видъ! въ вѣсельи дикомъ,
Вы мчитесь.... блескъ, огонь и громъ!
Бѣгущій врагъ покрытъ стыдомъ,
И страшный бой, съ побѣднымъ кликомъ,
Вы запиваете виномъ!
А Епендорфскія трофеи!
Проказникъ, счастливый вполнѣ,
Съ веселымъ сыномъ Цитереи
Ты дружно жилъ и на войнѣ!
Стоятъ враги толпою жадной
Кругомъ окоповъ городскихъ;
Ты, воинъ мой, защитникъ ихъ.
Съ тобой семьею безотрадной
Толпа красавицъ городскихъ.
Ты сна не знаешь: чуть проглянулъ
День лучезарный сквозь туманъ,
Ужъ рыцарь мой на вражій станъ
Съ дружиной быстрою нагрянулъ;
Врагамъ иль смерть, иль строгій плѣнъ!
Межъ тѣмъ красавицы младыя
Пришли толпой съ высокихъ стѣнъ
Глядѣть на игры боевыя;
Сраженья видъ ужасенъ имъ,
Дивятся подвигамъ твоимъ,
Шлютъ къ небу теплыя молитвы,
Да возвратится невредимъ
Любезный воинъ съ лютой битвы!
О! кто-бы жадно не купилъ
Молитвы сей покоемъ, кровью!
И ты не разъ увѣнчанъ былъ
И бранной славой и любовью.
Когда-жъ пѣвцу дозволитъ рокъ
Узнать, какъ ты, веселье боя
И заслужить хотя листокъ
Изъ лавровъ милаго героя?

1824

LX.

Г. З.

Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ
Глаза поднять на васъ бѣда:
Вы ихъ встрѣчаете всегда
Съ лицемъ сердитымъ, непривѣтнымъ.
Я полонъ страстною тоской,
Но нѣтъ! разсудка не забуду
И на нескромный пламень мой
Отвѣта требовать не буду.
Не терпитъ Богъ младыхъ проказъ
Ланить увядшихъ, впалыхъ глазъ:
Надежды были-бы напрасны,
И къ нимъ не ими я влекомъ.
Любуюсь вами какъ цвѣткомъ,
И счастливъ тѣмъ, что вы прекрасны.
Когда я въ очи вамъ гляжу,
Предавшись нѣжному томленью,
Слегка о прошломъ я тужу;
Но радъ, что сердце нахожу
Еще способнымъ къ упоенью.
Межъ мудрецами былъ чудакъ:
«Я мыслю», пишетъ онъ, «итакъ
Я несомнѣнно существую».
Нѣтъ! любишь ты, и потому
Ты существуешь: я пойму
Скорѣе истину такую.
Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
Япетовъ сынъ (гласитъ преданье)
Одушевилъ свое созданье,
И наказалъ его Зевесъ.
Неумолимый, Прометея
Къ скаламъ Кавказа приковалъ,
И сердце вранъ ему клевалъ;
Но дерзость жертвы разумѣя
Кто приговоръ не осуждалъ?
Въ огнѣ волшебныхъ вашихъ взоровъ
Я занялъ сердца бытіе:
Вашъ гнѣвъ достойнѣе укоровъ,
Чѣмъ преступленіе мое.
Но не сержусь я, шутка водитъ
Моимъ догадливымъ перомъ.
Я захожу въ вашъ милый домъ,

Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ
Душою праздный съ давнихъ поръ,
Еще твержу любовный вздоръ,
Еще беру прельщенья мѣры,
Какъ по привычкѣ прежнихъ дней,
Онъ ароматы жжетъ безъ вѣры
Богамъ чужимъ душѣ своей.

LXI.

Ф Е Я.

Порою ласковую Фею
Я вижу въ обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служить готова мнѣ она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я.
Но что-же? странно и во снѣ
Непокупное счастье мнѣ:
Всегда дарамъ своимъ предложитъ
Условье нѣкое она,
Которымъ, злобно смышлена,
Ихъ отравитъ иль уничтожитъ
Знать, самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы;
Знать, міру явному дотолѣ
Нашъ бѣдный умъ порабощенъ,
Что переноситъ, поневолѣ,
И въ міръ мечты его законъ!

LXII.

Нѣтъ, обманула васъ молва:
Попрежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я оиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца.
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

1825.

LXIII.

ОПРАВДАНІЕ.

Рѣшительно печальныхъ строкъ моихъ
Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить;
Не тронулась ты нѣжнымъ чувствомъ ихъ
И презрѣла мнѣ сердце успокоить!
Не оживу я въ памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновенъ я: я былъ невѣренъ ей;
Нѣтъ жалости къ тоскѣ моей глубокой!
Виновенъ я, я славилъ женъ другихъ....
Такъ! но когда ихъ слухъ предубѣжденной
Я обольщалъ игрою струнъ моихъ,
Къ тебѣ летѣлъ я думой умиленной,
Тебя я пѣлъ подъ именами ихъ.
Виновенъ я: на балахъ городскихъ,
Среди толпы весельемъ оживленной,
При гулѣ струнъ, въ безумномъ вальсѣ мча
То Делію, то Дафну, то Лилету,
И всѣмъ троимъ готовый, сгоряча,
Произнести по страстному обѣту,
Касаяся душистыхъ ихъ кудрей
Лицемъ моимъ, объемля жадной дланью
Ихъ стройный станъ; такъ! въ памяти моей
Ужъ не было подруги прежнихъ дней,
И преданъ былъ я новому мечтанью!
Но къ нимъ ли я любовію пылалъ?
Нѣтъ, милая! Когда въ уединеньи
Сердечную я совѣсть вопрошалъ:
Ихъ находя въ моемъ воображеньи,
Тебя одну въ душѣ я обрѣталъ!
Привѣтливыхъ, послушныхъ безъ ужимокъ,
Улыбчивыхъ для шалости младой,
Изъ-за угла Паѳосскихъ пилигримокъ
Я сторожилъ вечернею порой.
На мигъ одинъ ихъ своевольный плѣнникъ,
Я только былъ шалунъ, а не измѣнникъ.
Нѣтъ! болѣе надменна, чѣмъ нѣжна,
Ты все еще обидъ своихъ полна...
Прости-жъ на вѣкъ! но знай, что двухъ виновныхъ,
Не одного, найдутся имена
Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ.

1825

LXIV.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую;
Но все отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
Огонь любви—огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу объятую имъ!
Кто заглушитъ воспоминанія
О дняхъ блаженства и страданія,
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь?
Тогда я ожилъ бы для радости,
Для сновъ златыхъ цвѣтущей младости,
Тебѣ открылъ бы душу вновь.

LXV.

ЧЕРЕПЪ.

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльной!
Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! какъ сильно поражонъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!
Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:
Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ монхъ
Глава твоя внезапно провѣщала!
Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!
Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.
Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ:
Не *для тебя нп* мудрость, ни всезнанье!

1825

Намъ надобны и страсти и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ и тишину кладбища!
Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитъ:
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

LXVI.

ЗВѢЗДА.

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
Въ безмолвіи ночномъ
Горитъ, блеститъ кругомъ луны,
На небѣ голубомъ.
Взгляни на звѣзды: между нихъ
Милѣе всѣхъ одна!
За что-же? ранѣе встаетъ
Ярчей горитъ она?
Нѣтъ! утѣшаетъ свѣтъ ея
Разставшихся друзей:
Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,
Встрѣчаются на ней.
Она на небѣ чуть видна,
Но съ думою глядитъ,
Но взору шлетъ отвѣтный взоръ
И нѣжностью горитъ.
Съ нея въ лазоревую ночь
Не сводимъ мы очесъ,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.
Себѣ звѣзду избралъ-ли ты?
Въ безмолвіи ночномъ
Ихъ много блещетъ и горитъ
На небѣ голубомъ.
Не первой вставшей сердце ввѣрь,
И, суетный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови.
Ту назови своей звѣздой,
Что съ думою глядитъ,
И взору шлетъ отвѣтный взоръ,
И нѣжностью горитъ

1825

LXVII.
ЕЛИЗІЙСКІЯ ПОЛЯ.

Бѣжитъ невѣрное здоровье,
И каждый день готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣдній бытія;
Ты не спасешь меня, Киприда!
Пробьютъ урочные часы,
И низойдетъ къ брегамъ Аида
Пѣвецъ веселья и красы.
Простите, вѣтренные други,
Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей
Дѣлилъ я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Гдѣ-бъ не жилъ я, мнѣ все равно:
Тамъ тоже славить отъ бездѣлья
Я стану дружбу и вино.
Не измѣнясь въ подземномъ мірѣ,
И тамъ, на шаловливой лирѣ,
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафнѣ и Темирѣ
Неприхотливую любовь.
О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны;
Вѣрь: въ закоцитной сторонѣ
Пріемъ радушный будетъ мнѣ:
Со мною Музы были дружны!
Тамъ въ очарованной тѣни,
У струй гдѣ нѣжатся поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мнѣ они.
Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни
Я навѣщу, о други, васъ,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумнаго похмѣлья
Вы соберетесь въ праздный часъ,
Приду я съ вами Вакха славить;
А къ вамъ молитва объ одномъ:
Приборъ покойнику оставить
Не позабудьте за столомъ.

1825

Межъ тѣмъ за тайными брегами,
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ, добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.
И вамъ, чрезъ день или другой,
Законъ губительный Зевеса
Велитъ покинуть міръ земной;
Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса
Знакомой дружеской толпой:
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданью возгремитъ,
И огласятъ привѣты наши
Весь необъемлемый Аидъ!

АВРОРѢ КАРЛОВНѢ ШЕРНВАЛЬ *).

(БЫВШЕЙ ЗАМУЖЕМЪ ЗА П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ, А ПОТОМЪ ЗА А. Н. КАРАМЗИНЫМЪ).

Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари;
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари!
Пылкій юноша не сводитъ
Взоровъ съ милой и порой
Мыслитъ съ тихою тоской:
«Для кого она выводитъ
Солнце счастья за собой?»

---

*) Это стихотвореній было первоначально написано по-французски; вп слѣдствіи переведено на русскій языкъ. Вотъ первоначальный текстъ:

A AURORE C.....

(АВРОРѢ III).

Oh qu'il te sied, ce nom d'Aurore
Adolescente au teint vermeil!
Verse lumière, et plus encore
Aux coeurs dont tu romps le sommeil.
Entends la voix déjà souffrante
De la jeunesse prévoyante:
«Pour qui se leve ce beau jour ?
Pour qui cette Aurore charmante
Sera-t-elle soleil d'amour?»

1825

LXIX.

ДЕЛЬВИГУ.

Я безразсуденъ—и не диво!
Но разсудителенъ-ли ты,
Всегда преслѣдуя ревниво
Мои любимыя мечты?
«Не для нея прямое чувство!
«Одно коварное искусство
«Я вижу въ Делiи твоей;
«Не вѣрь прелестницѣ лукавой!
«Самолюбивою забавой
«Твои восторги служатъ ей».
Не обнаружу я досады,
И проницательность твоя
Хвалы достойна, вѣрю я;
Но не находитъ въ ней отрады
Душа смятенная моя.
Я вспоминаю голосъ нѣжный
Шалуньи ласковой•моей,
Рѣчей открытыхъ складъ небрежный,
Огонь ланитъ, огонь очей;
Я вспоминаю день разлуки,
Послѣдній, долгій разговоръ,
И полный нѣги, полный муки,
На мнѣ покоившійся взоръ;
Я перечитываю строки,
Гдѣ, увлеченія полна,
Въ любви счастливые уроки
Мнѣ самому даетъ она,
И говорю въ тоскѣ глубокой:
«Уже-ль обманутъ я жестокой?
«Или все, все въ безумномъ снѣ
«Безумно чудилося мнѣ?
«О, страшно мнѣ разувѣренье,
«И объ одномъ мольба моя:
«Да вѣчнымъ будетъ заблужденье,
«Да вѣкъ безумцемъ буду я»...
Когда же съ вѣрою напрасной
Взываю я къ судьбѣ глухой,
И вскорѣ опытъ роковой
Очамъ доставитъ свѣтъ ужасной,
Пойду я странникомъ тогда
На край земли, туда, туда,

1825

Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ,
Гдѣ поневолѣ стынетъ кровь,
Гдѣ, можетъ быть, сама любовь
Въ озябломъ сердцѣ потухаетъ...
Иль нѣтъ: подумавши путемъ,
Останусь я въ углу своемъ,
Скажу. вздохнувъ: «Горюнъ неловкой!
Грусть простодушная смѣшна;
Не лучше-ль плутомъ быть съ плутовкой,
Шутить любовью, какъ она?
Я объ обманщицѣ тоскую:
Какъ здравымъ смысломъ я убогъ!
Уже-ль обманщицу другую
Мнѣ не пошлетъ въ отраду Богъ?»

LXX.

Л— ОЙ.

Когда неопытенъ я былъ,
У красоты самолюбивой,
Мечтатель, слишкомъ прихотливой,
Я за любовь любви молилъ;
Я трепеталъ въ тоскѣ желанья
У ногъ волшебницъ молодыхъ:
Но тщетно взоръ во взорахъ ихъ
Искалъ отвѣта и узнанья!
Огонь утихъ въ моей крови;
Покинувъ службу Купидона,
Я промѣнялъ сады любви
На верхъ безплодный Геликона.
Но свѣтлый міръ унылъ и пустъ,
Когда душѣ ничто не мило:
Руки пожатье замѣнило
Мнѣ поцѣлуй прекрасныхъ устъ.

LXXI.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
Другой страдаетъ на престолѣ;
На высотѣ земныхъ судьбинъ,
И въ незамѣтной, низкой долѣ,
Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ.
Мы всѣ блаженствуемъ равно,

1825

Но всѣ блаженствуемъ раалично;
Удѣломъ нашимъ рѣшено,
Какъ наслаждаться намъ прилично,
И кто намъ лучшій далъ совѣтъ,
Иль Эпикуръ иль Эпиктетъ?
Меня тягчилъ печалей грузъ;
Но не упалъ я передъ рокомъ,
Нашелъ отраду въ пѣсняхъ Музъ
И въ равнодушіи высокомъ,
И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородить я умѣлъ.
Хвала вамъ, боги! Предо мной
Вы оправдалися отнынѣ!
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ,
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ!

LXXII.

ВЕСЕЛЬЕ И ГОРЕ.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!
Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: прости!
Недолго розно побродили,
Чрезъ день сошлись въ концѣ пути!

LXXIII.

Б У Р Я.

Завыла буря, хлябь морская
Клокочетъ и реветъ, и черные валы
Идутъ, до неба возставая,
Бьютъ, гнѣвно пѣняся, въ прибрежныя скалы.
Чья непріязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила въ тучи облака
И на краю небесъ ненастье зародила?
Кто, возмутивъ природы чинъ,
Горами влажными на землю гонитъ море?
Не тотъ-ли злобный духъ, геенны властелинъ,

Что̀ по вселенной рознилъ горе?
Что̀ человѣка подчинилъ
Желаньямъ, немощи, страстямъ и разрушенью
И на творенье ополчилъ
Всѣ силы, данныя творенью?
Земля трепещетъ передъ нимъ,
Онъ небо заслонилъ огромными крылами
И двигаетъ ревущими водами,
Бунтующимъ могуществомъ своимъ!
Когда придетъ желанное мгновенье,
Когда волнамъ твоимъ я ввѣрюсь, океанъ?
Но знай: красой далекихъ странъ
Не очаровано мое воображенье.
Подъ небомъ лучшимъ обрѣсти
Я лучшей доли не сумѣю:
Вновь не смогу душей моею
Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.
Межъ тѣмъ отъ прихоти судьбины,
Межъ тѣмъ отъ медленной отравы бытія,
Въ покоѣ раболѣпномъ я
Ждать не хочу своей кончины.
На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ,
Она отраднѣе гордынѣ человѣка!
Какъ жаждалъ радостей младыхъ
Я на зарѣ младого вѣка:
Такъ нынѣ, океанъ, я жажду бурь твоихъ!
Волнуйся, возставай на каменныя грани;
Онъ всеселитъ меня, твой грозный, дикій ревъ,
Какъ зовъ къ давно-желанной брани,
Какъ мощнаго врага мнѣ чѣмъ-то лестный гнѣвъ.

1826.

LXXIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(Невскій Альманахъ 1826 г. стр. 90.)

Что въ вашъ Альбомъ я напишу?
Вамъ похвалы не будутъ лестны:
Прелестны вы—я вамъ скажу,
Но всѣ твердятъ, что вы прелестны.

1825—26

LXXV.

КЪ АННЕТѢ.

(Сѣверные Цвѣты—на 1826 г. стр. 15.)

Когда Климена подарила
На память это мнѣ кольцо,
Ея умильное лицо,
Ея улыбка говорила:
Оно твое; когда нибудь
Сама и вся твоей я буду;
Лишь ты меня не позабудь,
А я тебя не позабуду!
И черезъ день я былъ забытъ.
Теперь кольцо ея, Аннета,
Твой вѣчный другъ тебѣ даритъ:
Увы, недобрая примѣта
Тебя, быть можетъ, поразитъ!
Но неспособенъ я къ измѣнѣ:
Носи его и не тужи,
А въ оправданіе Клименѣ
Ея обѣты мнѣ сдержи.

1826.

LXXVI.

Л. С. ПУШКИНУ.

Повѣрь, мой милый! твой поэтъ
Тебѣ соперникъ не опасный!
Онъ на закатѣ юныхъ лѣтъ,
На утренней зарѣ ты юности прекрасной.
Живаго чувства полный взглядъ,
Уста цвѣтущія, румяныя ланиты,
Влюбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говорятъ
Съ душой догадливой Хариты.
Когда съ тобой наединѣ
Порой красавица стихи мои похвалитъ,
Тебя напрасно опечалитъ
Ея вниманіе ко мнѣ:
Она торопитъ пробужденье
Младаго сердца твоего
И вынуждаетъ у него
Свидѣтельство любви, ревнивое мученье
Что добраго въ моей судьбѣ,

1826.

И что я пріобрѣлъ, красавицъ воспѣвая?
Одно: моимъ стихомъ Харита молодая,
Быть можетъ, выразитъ любовь свою къ тебѣ!
Счастливый баловень Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его вѣрнѣй,
И за притворныя обиды
Лишь плату требовать умѣй.
А мнѣ, мнѣ предоставь таить огонь безплодный,
Рожденный иногда воззрѣньемъ красоты,
Умомъ оспаривать сердечныя мечты
И чувство прикрывать улыбкою холодной.

LXXVII.

НАДПИСЬ.

На портретъ Гривоѣдова.

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

LXXVIII.

ПРОГОНЫ ЖИЗНИ.

Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ:
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми роковые
Прогоны жизни платимъ мы.

LXXIX.

Г. З.

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой
Я только пѣлъ мои печали:
Холодные стихи дышали
Души холодною тоской;

1826

Кога-бъ тогда вы мнѣ предстали
Быть можетъ грустный мой удѣлъ,
Вы облегчили-бъ. Нѣтъ! едва-ли!
Но я-бы пламеннѣе пѣлъ.

LXXX.

ОЖИДАНЬЕ.

(Подражаніе Парни).

Она придетъ! къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими;
Пріютъ укромный будетъ намъ
Подъ сими вязами густыми!
Волненьемъ страстнымъ я томимъ;
Но близь любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ
И сокращаемъ наслажденье.

LXXXI.

Не трогайте Парнасскаго пера,
Не трогайте, пригожія вострушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
Любовь-ли вамъ оставить забытьи
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются
Уносятъ ихъ Летійскіе струи:
Не пальчикахъ чернила остаются.

LXXXII.

Д. ДАВЫДОВУ.

Пока съ въ сторгомъ я внимаю
Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ Музъ не охладѣлъ,
Покуда Русскій я душою,
Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
Въ который дружеской рукою
Пожалъ Давыдовъ руку мнѣ!
О ты, который въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчалъ

1826

И гласомъ пылкихъ пѣснопѣній
Сердца томилъ и волновало!
Такъ, такъ! покуда сердце живо,
Въ воспоминаньи горлѣливо
Хранить я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ томъ лирой, Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народѣ славной бородой!

1827.

LXXXIII.

А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Очарованье красоты
Въ тебѣ не страшно намъ:
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ;
Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь за край земной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

LXXXIV.

Когда взойдетъ денница золотая,
Горитъ эѳиръ.
И ото сна встаетъ благоухая
Цвѣтущій міръ,
И славитъ все существованья сладость,—
Съ душой твоей
Что въ пору ту? Скажи, живая радость,
Тоска-ли въ ней?
Когда на дѣвъ цвѣтущихъ и привѣтныхъ,
Передъ тобой,
Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь ихъ томныхъ взоровъ сладость,—
Съ душой твоей,
Что въ пору ту? Скажи, живая радость,
Тоска-ли въ ней?
Страдаю я! Изъ-за дубравы дальной
Взойдетъ заря.

1827

Міръ озаритъ, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья въ сладость!
Душѣ моей
Противенъ онъ. Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.
Что, красоты, почти всегда лукавой,
Мнѣ долгій взоръ?
Обманчивъ онъ! Знакомъ съ его отравой
Я съ давнихъ поръ.
Обманчивъ онъ! Его живая сладость
Думѣ моей
Страшна теперь! что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

LXXXV.

НАЯДА.

Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы
Дремотѣ предаетъ усталыя красы;
И часто вижу я, какъ нимфа молодая,
На ложѣ лиственномъ покоится нагая,
На руку бѣлую, подъ говоръ ключевой,
Склоняясь челомъ, вѣнчаннымъ осокой.

LXXXVI.

И ты поэтъ, и онъ поэтъ;
Но разницу межъ васъ находятъ:
Его стихи выходятъ въ свѣтъ,
Твои стихи въ печать выходятъ.

LXXXVII.

БОГДАНОВИЧУ.

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты,
Гдѣ благоденствуютъ отжившіе поэты,
О Душенькинъ поэтъ, прими мои стихи!
Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи,
И, надоѣвъ живымъ посланьями своими,
Несчастнымъ мертвецамъ скучать рѣшаюсь имп.
Нѣтъ нужды до того! Хочу въ досужный часъ
Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнассъ,
Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый и нѣжный,
Всегда *плѣнительный*, хоть нѣсколько небрежный,

1827

Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты
Дающій милый видъ сердечной простоты,
И, часто наготу рисуя намъ безчинно,
Почти безстыднымъ быть умѣющій невинно.
Не хладной шалостью, но сердцемъ внушена,
Веселость ясная въ стихахъ твоихъ видна;
Мечты игривыя тобою были пѣты.
Въ печаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
И на лицѣ земли все какъ-то не по нихъ.
Ну чтожъ? поклонъ, да вонъ? Увы! не въ этомъ дѣло;
Ни жить имъ, ни писать не надоѣло,
И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
Жуковскій виноватъ: онъ первый между нами
Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.
Прости ему Господь! Но что же? всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивыя враки,
У всѣхъ унынiемъ одѣлося чело,
Душа увянула, и сердце отцвѣло.
Какъ терпитъ публика безуміе такое,
Ты спросишь? Публикѣ наскучило простое,
Мудреное теперь любезно для нее:
У вѣка дряхлаго испортилось чутье.
Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не столько просвѣщенный,
Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенный:
Вѣнцы свои дарилъ, и простъ, и толковитъ,
Онъ только истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
Но нѣтъ явленія безъ творческой причины:
Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины!
Она любила Музъ, и ты-ли позабылъ,
Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
Я думаю въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
Понынѣ тѣнь твоя отъ радости трепещетъ,
Воспоминая день, сей день, когда пѣвца,
Еще за милый трудъ нездавшаго вѣнца,
Она, друзья ея, достойно наградили
И скромнаго его такъ лестно изумили,
Страницы Душеньки читая наизусть.
Сердца завистниковъ стѣснила злая грусть,
И на другой-же день разспросы о поэтѣ
И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ

1827

Кто вкуса божествомъ теперь служилъ бы намъ?
Кто въ наши времена, и прозѣ и стихамъ
Провозглашая судъ разборчивой и правой,
Завѣдывать-бы могъ Парнасскою управой?
О, добрый нашъ народъ имѣетъ для того
Особенныхъ судей, которые его,
Въ листахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ,
Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ;
Даруетъ между насъ и славу и позоръ
Торговой логики смышленный приговоръ.
О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова,
Но слушай, какъ честятъ они одинъ другаго:
Товарищъ каждаго глупецъ, невѣжда, враль;
Повѣрить надо имъ, хотя повѣрить жаль.
Какъ быть писателю? Въ пустынѣ благодатной,
Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,
Какъ ты, философъ мой, таиться безъ грѣха,
Избрать въ совѣтники кота и пѣтуха,
И, въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства,
Въ искусствѣ находить возмездіе искусства!
Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ,
Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
Благоуханный дымъ отъ жертвы безкорыстной!
Такъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописной,
Неподражаемый, и цѣлую орду
Злыхъ подражателей родившій на бѣду,
Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣтренникъ блестящій,
Все подъ перомъ своимъ шутя животворящій
(Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
Недавно отъ него товарищъ твой Назонъ
Посланье получилъ), любимцы вдохновенья
Не могутъ побѣдить высокаго влеченья
И между насъ поютъ, какъ нѣкогда Орфей
Между мохнатыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.
Безсмертіе въ вѣкахъ имъ будетъ воздаяньемъ!
А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
Но рвеніемъ горя полезнымъ быть и имъ,
Я правды красоту даю стихамъ моимъ,
Желаю доказать людскихъ суетъ ничтожность,
И хладной мудрости высокую возможность.
Что мыслю, то пишу. Когда-то веселѣй
Я славилъ на зарѣ своихъ цвѣтущихъ дней
Законы сладкіе любви и наслажденія!
Другія времена, *другія* вдохновенья:

1827

Теперь важнѣй мой умъ, зрѣлѣе мысль моя,
Опять, когда умру, повеселѣю я;
Тогда безпечныхъ Музъ безпечнаго питомца
Прими, Философъ мой, какъ стараго знакомца.

LXXXVIII.

Ты ропщешь, важный журналистъ,
На наше модное маранье;
Все та же пѣсня: «вѣтра свистъ,
Листовъ древесныхъ увяданье»...
Понятно намъ твое страданье;
И безъ того освистанъ ты;
И такъ подваловъ достоянье,
Родясь гніютъ твои листы.

LXXXIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ СОФІИ.

Мила, какъ Грація, скромна
Какъ Сандрильона;
Подобно ей, красой она
Достойна трона.
Пріятна лира ей моя;
Но что мнѣ въ этомъ?
Быть королемъ *) желалъ-бы я,
А не поэтомъ.

CX.

А. Н. М.

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ:
Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
Сномъ разслабленья засыпалъ.
Когда, довѣрясь ихъ измѣнѣ,
Уже готовъ у моды ты
Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
Ея тафтяные цвѣты,
Прости, я громко негодую;
Прости, наставникъ и пророкъ,
Я съ укоризной указую
Тебѣ на лавровый вѣнокъ.
Когда по ребрамъ крѣпко стиснутъ
Пегасъ удалымъ сѣдокомъ,
Не горе, ежели прихлыснутъ
Его критическимъ хлыстомъ.

*) *Въ оперѣ Сандрильона* король влюбляется и женится на Сандрильонѣ.

XCI.

Какъ сладить съ глупостью глупца?
Ему въ попадъ не скажешь слова;
Другова проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ житьѣ другова.
Онъ всѣмъ превратно поражонъ,
И все на выворотъ онъ видитъ:
И безтолково любитъ онъ,
И безтолково ненавидитъ.

XCII.

Свои стихи То-въ піитъ
Покроемъ Пушкина кроитъ,
Но славы громкой не получитъ,
И я котенка вижу въ немъ,
Который, право не путемъ,
На голосъ лебедя мяучитъ.

XCIII.

Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ
Мою хорошенькую Музу;
Все обернуть умѣетъ онъ
Въ безславье нашему союзу.
Морочитъ добрыхъ онъ людей,
А слыть красоточкѣ моей
У нихъ негодницей обидно.
Поэтъ Клеонъ смѣшной злодѣй!
Ему-же послѣ будетъ стыдно.

XCIV.

РАЗЛУКА.

Разстались мы; на мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя;
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего,
Лишь началъ сонъ... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

1827

XCV.

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье:
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье!
Сойдетъ-ли сонъ и взоръ сомкнетъ-ли мой,
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье.
Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

XCVI.

Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!
Въ ней говоритъ
И жаръ ланитъ
И вздохъ случайной...
О! я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови тайной!
Въ душѣ твоей
Ужъ нѣтъ покоя:
Давнымъ давно я
Читаю въ ней.
Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!

XCVII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

(ПОДРАЖАНІЕ МИЛЬВУА).

На кровы ближняго селенья
Нисходитъ вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
Часы летѣли какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда изъ ней
Случится дѣвицѣ моей
Унесть во взорахъ пламень томный,
Мечту любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листокъ нескромный.

XCVIII.

Чувствительны мнѣ дружескія пѣни,
Но искренно забылъ я Геликонъ
И признаюсь: неприхотливой лѣни
Мнѣ нравится приманчивый законъ;
Охота пѣть ужъ не владѣетъ мною:
Она прошла, погасла, какъ любовь.

1827

Опять любить, играть струнами вновь
Желалъ-бы я, но утомленъ душою.
Иль жить нельзя отрадою иною?
Съ бездѣйствіемъ любезенъ мнѣ союзъ;
Лелѣемый счастливымъ усыпленьемъ,
Я не хочу притворнымъ изступленьемъ
Обманывать ни юныхъ дѣвъ, ни Музъ.

XCIX.

ВЪ АЛЬБОМЪ .

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла,
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты,
И какъ русалка ты хохочешь.

C.

Когда-бъ избрать возможно было мнѣ
Любой удѣлъ, любое счастье въ мірѣ,
Я-бъ не хотѣлъ быть славнымъ на войнѣ,
Я-бъ не хотѣлъ играть на громкой лирѣ,
Я злата-бы себѣ не пожелалъ;
Но блага всѣ единымъ именуя,
То, дайте мнѣ, богамъ-бы я сказалъ,
Чѣмъ Д.... ... понравиться могу я.

CI.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Перелетай къ веселью отъ веселья,
Какъ отъ цвѣтка бѣжитъ къ цвѣтку дитя;
Не успѣвай, за суетой бездѣлья,
Задуматься, подумать и шутя.
Пускай тебя къ Коринамъ не причислятъ;
Играй, мой другъ, играй и вѣрь мнѣ въ томъ,
Что многіе о милой Лизѣ мыслятъ,
Когда она не мыслитъ ни о чемъ.

1827

СП.

С. Д. П.

Неизвинительной ошибкой,
Скажите, долго-ль будетъ вамъ
Внимать съ холодною улыбкой
Любви, укорамъ и мольбамъ?
Однѣ побѣды вамъ извѣстны;
Любовь нечаянно узнавъ,
Какихъ лишитеся вы правъ
И меньше-ль будете прелестны?
Ко мнѣ, примѣрно, нѣжной ставъ,
Вы наслажденья лишены-ли
Дурачить плѣнниковъ другихъ
И строгой быть, какъ прежде были,
Къ толпѣ соперниковъ моихъ?
Еще-ли нужно размышленье!
Любви простое упоенье
Васъ не довольствуетъ вполнѣ;
Но съ упоеньемъ поклоненье
Соединить не трудно мнѣ;
И вашъ угодникъ постоянной
Поперемѣнно я-бы могъ—
Быть съ вами запросто въ диванной,
Въ гостинной быть у вашихъ ногъ.

СШ.

Идилликъ новый на искусъ
Представленъ былъ предъ Аполлона.
«Какъ пишетъ онъ?» спросилъ у Музъ
Богъ безпристрастный Геликона;
«Никакъ негодный онъ поэтъ?
—Нельзя сказать—«Съ талантомъ?»—Нѣтъ.
Ошибокъ важныхъ, правда, мало;
Да пишетъ онъ довольно вяло.
—«Я понялъ васъ; въ судѣ моемъ
Не озабочусь я нисколько:
Впередъ ни слова мнѣ о немъ,
Изъ списковъ выключить—и только».

1827

CIV.

КЪ Д. (ДЕЛЬВИГУ).

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ ЕГО ЖЕНИТЬБЫ.

(Славянинъ, 1827 г., ч. II, стр. 77).

Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ
Безстыдныхъ, бѣшеныхъ, но добрыхъ шалуновъ;
Съ безчинствомъ дружескимъ веселыхъ ихъ пировъ.
И съ нашимъ счастьемъ вольнодумнымъ
Благовоспитанный, степенный Гименей
Пристойно замѣнилъ проказника Амура,
И вѣтренныхъ подругъ, и вѣтренныхъ друзей,
И сластолюбца Эпикура
Теперь для двухъ коварныхъ глазъ,
Воздержнымъ будешь ты, смѣшнымъ и постояннымъ;
Спасайся, милый... Но, подчасъ,
Не позавидуй окаяннымъ.

CV.

ЖУРНАЛИСТЪ ФИГЛЯРИНЪ И ИСТИНА.

(Москв. телеграфъ 1827 г. ч. XV отд. II. стр. 5. *)

Онъ точно! онъ безспорно
Зотовъ журналистъ,
Марающій задорно
Свой оглашенный листъ!
А это что за дура?
Вѣдь Истина, ей ей!
Давно-ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьемъ наведена,
Занятіямъ мараки
Мѣшать пришла она.

CVI.

ТОВАРИЩАМЪ.

Такъ! отставного шалуна
Вы вновь шалить не убѣждайте,
Иль золотыя времена
Младыхъ затѣй ему отдайте!

---

*) Въ Современникѣ 1854 г. № 10 стр. 159 стихотвореніе это названо: «На виньетку представляющую господина за писменнымъ столомъ, а возлѣ него Истину».

Перемѣняютъ годы насъ
И съ ними вмѣстѣ наши нравы:
Отъ всей души люблю я васъ,
Но ваши чужды мнѣ забавы.
Ужъ вакхъ увѣнчанный плющомъ,
Со мной по улицамъ не бродитъ,
И къ вашимъ нимфамъ вечеркомъ
Меня шатаясь не заводитъ.
Весельчакамъ я заперъ дверь,
Я пресыщенъ ихъ буйнымъ счастьемъ,
И замѣнилъ его теперь
Пристойнымъ, тихимъ сладострастьемъ.
Въ пылу начальномъ дней младыхъ
Неодолимы наши страсти;
Проказимъ мы, но мы у нихъ
Не у себя тогда во власти.
Въ свсей отвагѣ молодой
Товарищъ вашъ блажилъ довольно;
Не видитъ онъ нужды большой
Вновь сумасбродить добровольно,

CVI.

Тебѣ я младость шаловливу,
О сынъ Венеры! посвятилъ:
Меня ты плохо наградилъ,
Далъ мало сердцу на разживу
Подобно мнѣ любилъ-ли кто?
И что-жъ я вспомню не тоскуя?
Два, три, четыре поцѣлуя!...
Быть такъ; спасибо и за то.

CVII.

ЭПИГРАММА.

Окогченная летунья,
Эпиграмма хохотунья,
Эпиграмма егоза
Трется, вьется средь народа
И завидитъ лишь урода,
Разомъ вцѣпится въ глаза.

1827

CVIII.

Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ,
Жужжаньемъ ихъ наводитъ сонъ.
Не говорю: зачѣмъ онъ пишетъ,
Но для чего читаетъ онъ?

CIX.

ГНѢДИЧУ.

Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ,
Не уважаешь ты бездѣлокъ стихотворныхъ;
Не угодитъ тебѣ сладчайшій изъ пѣвцовъ
Развратной прелестью изнѣженныхъ стиховъ:
Возвышенную цѣль поэтъ избрать обязанъ.
Къ блестящимъ шалостямъ, какъ прежде, не привязнъ,
Я правиламъ твоимъ послѣдовать-бы могъ;
Но ты-ли мнѣ велишь оставить мирный слогъ
И ѣдкой желчію напитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки?
Миролюбивый нравъ дала судьбина мнѣ.
И счастья моего искалъ я въ тишинѣ;
Зачѣмъ я удялюсь отъ столь разумной цѣли?
И, звуки легкіе пастушеской свирѣли
Въ неугомонный лай неловко превратя,
Зачѣмъ себѣ враговъ надѣлаю шутя?
Страшусь ихъ множества и злобы ихъ опасной.
Полезенъ обществу сатирикъ безпристрастнной:
Дыша любовію къ согражданамъ своимъ,
На ихъ дурачества онъ жалуется имъ.
То укоризнами возставъ на злодѣянье,
Его приводитъ онъ въ благое содроганье;
То ѣдкой силою забавнаго словца
Смиряетъ попыхи надутаго глупца;
Онъ нравовъ опекунъ и вмѣстѣ правды воинъ.
Все такъ; но кто владѣть перомъ его достоинъ?
Острота затѣйливыхъ, насмѣшекъ ѣдкихъ даръ
Язвительныхъ стиховъ какой-то злобный жаръ,
И ихъ старательно подобранные звуки
За безпристрастіе забавныя поруки!
Но если полную свободу мнѣ дадутъ,
Того-ль я устрашу, кому не страшенъ судъ?
Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приходитъ.

1827

Того-ли оскорбитъ язвительный языкъ!
Онъ совѣсть усыпилъ, къ позору онъ привыкъ.
Но слушай: человѣкъ, всегда корысти жадный,
Берется-ли за трудъ навѣрно безнаградный?
Купецъ разсчетливый изъ добрыхъ барышей
Ввѣряетъ корабли случайностямъ морей;
Изъ платы, отогнавъ сладчайшую дремоту,
Поденьщикъ до зари выходитъ на работу;
На славу громкую надеждою согрѣтъ,
Въ трудахъ возвышенныхъ, возвышенный поэтъ,
Но рвенью моему, что будетъ воздаяньемъ?
Не слава-ль громкая? я бѣденъ дарованьемъ.
Стараясь въ нѣкій умъ соотчичей привесть,
Я благодарность ихъ мечталъ-бы пріобрѣсть,
Но право смысла нѣтъ во словѣ: благодарность,
Хоть намъ и нравится его высокопарность.
Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ ней Филидцыныхъ оставшійся одинъ,
Но смѣло духъ ея хранившій въ вѣкѣ новомъ,
Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать Царя;
Когда прекрасному влеченію послушный,
Внимать ему любилъ Монархъ великодушный,
Изъ благодарности, о немъ у тѣхъ и тѣхъ
Какіе толки шли?—«Кричитъ онъ громче всѣхъ,
О благѣ общества какъ будто-бы хлопочетъ,
А право риторствомъ похвастать больше хочетъ;
Катономъ смотритъ онъ, но тонкаго льстеца
Отъ насъ не утаитъ подъ строгостью лица».—
Такъ, лучшимъ подвигамъ людское развращенье
Придумать силится дурное побужденье;
Такъ, исключительно посредственность любя,
Спѣшитъ высокое унизить до себя;
Такъ самыхъ доблестей завистливо трепещетъ,
И чтобъ не вѣрить имъ, на оныя клевещетъ!
. . . . . .
. . . . . .
Нѣтъ, нѣтъ! разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благонравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогуществѣ болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество.

1827

Изъ насъ, я думаю, не скажетъ ни единой
Осинѣ: дубомъ будь, иль дубу—будь осиной;
Межъ тѣмъ какъ странны мы! Межъ тѣмъ любой изъ насъ
Переиначить свѣтъ задумывалъ не разъ.

CXI.

КЪ—ВУ

ответъ.

Чтобъ очаровывать сердца,
Чтобъ возбуждать рукоплесканья,
Я слышалъ, будто для пѣвца
Всего нужнѣе дарованье.
Путей къ Парнассу много есть:
Звѣоту можно произвесть
Поэмой длинной, громкой одой,
И ввѣкъ того не пріобрѣсть,
Чего намъ не дано природой.
Когда старикъ Анакреонъ,
Сынъ вѣрный нѣги и прохлады,
Веселый пѣлъ амфоровъ звонъ
И сердцу памятные взгляды:
Въ слѣдъ за толпой младыхъ забавъ,
Богини пѣсней, миновавъ
Пѣвцовъ усерднѣйшихъ Эллады,
Ему внимать изъ-подтишка
Съ вершины Пинда поспѣшали
И балагура старика
Вѣнкомъ безсмертья увѣнчали.
Такъ своенравно Аполлонъ
Намъ раздаетъ свои награды;
Другому богу Геликонъ
Отдать хотѣлось-бы съ досады!
Напрасно до поту лица
О славѣ Фофановъ хлопочетъ:
Ему отказанъ даръ пѣвца;
Трудится онъ, а Фебъ хохочетъ.
Межъ тѣмъ, даря веселью дни,
Едва-ли Батюшковъ, Парни
О прихотливой вспоминами,
И что-жъ? нечаянно они
Ее въ Цитерѣ повстрѣчали.

1827

Плѣнснъ-ли Хлоей, Дафной ты,
Возми Тибулову цѣвницу,
Воспой побѣды красоты,
Воспой души своей царицу;
Когда-же любишь стукъ мечей,
Съ высокой музою Омира
Пускай поетъ вражды царей
Твоя воинственная лира.
Равны всѣ Музы красотой.
Несходство ихъ въ одной одеждѣ;
Старайся нравиться любой,
Но полюби ты Феба прежде.

CXII.

О Н А.

Есть что-то въ ней, что̀ красоты прекраснѣй,
Что говоритъ не съ чувствами,—съ душой;
Есть что-то въ ней надъ сердцемъ самовластнѣй
Земной любви и прелести земной.
Какъ сладкое душѣ воспоминанье,
Какъ милый свѣтъ родной звѣзды твоей,
Какое-то влечетъ очарованье
Къ ея ногамъ и подъ защиту къ ней.
Когда ты съ ней, мечты твоей неясной—
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты—и только лишь прекрасной
Присутствіемъ душа твоя полна.
Бредешь-ли ты дорогою возвратной,
Съ ней разлучась, въ пустынный уголъ твой,—
Ты полонъ весь мечтою необъятной,
Ты полонъ весь таинственной тоской.

1828.

CXIII.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

Есть бытіе, но именемъ какимъ
Его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье;
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничитъ разумѣнье,
Онъ въ полнотѣ понятья своего,
А между тѣмъ какъ волны на него

Одни другихъ мятежнѣй, своенравнѣй,
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ:
Какъ будто-бы своей отчизнѣ давней,
Стихійному смятенью отданъ онъ;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Онъ видитъ свѣтъ другимъ не откровенный.
Созданье-ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума соображенье
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?
Не вѣдаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущіе года;
Событія вставали, развивались,
Волнуяся подобно облакамъ,
И полными эпохами являлись
Отъ времени до времени очамъ;
И наконецъ я видѣлъ безъ покрова
Послѣднюю судьбу всего живого.
Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты;
Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ:
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ;
Все на землѣ движеніемъ дышало
Все на землѣ какъ будто ликовало.
Исчезнули безплодные года,
Оратаи по воли призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали
Посѣвы имъ, и хищный звѣрь исчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ,
И царствовалъ повсюду свѣтлый міръ.
Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!
Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!
Прошли вѣка. Яснѣть очамъ моимъ

Видѣніе другое начинало:
Что человѣкъ? что вновь открыто имъ?
Я гордо мнилъ, и что-же мнѣ предстало?
Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали:
Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
Влеченіемъ всесильнымъ увлекало.
Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья.
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе,
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ безплодны пребывали.
Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися во гробахъ
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.
И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;

Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

CXIV.

РОДИНА.

Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ и вновь
Я вижу васъ родныя степи,
Моя начальная любовь.
Степнова неба сводъ желанной,
Степнова воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.
Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ
И скромный домъ въ садовой чащѣ—
Пріютъ младенческихъ годовъ.
Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.
Ко благу пылкое стремленье
Отъ неба было мнѣ дано;
Но обрѣло-ли раздѣленье,
Но принесло-ли плòдъ оно?...
Я братьевъ зналъ; но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече бѣдствуютъ иные,
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.
Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.
Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.
Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней, милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.

1828

Пускай о свѣтѣ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердцу сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

1829.

CXV.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Подъ бурею судебъ, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытія,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу съ отрадою на близкую могилу,
Привѣтствую ее, покой ея люблю,
И цѣпи отряхнуть я самъ себя молю.
Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мнѣ; и ближніе, друзья,
Мое грядущее и молодость моя,
И обѣщанія въ груди сокрытой Музы,
Все обольстительно скрѣпляетъ жизни узы,
И далеко ищу, какъ жребій мой ни строгъ,
Я жить и бѣдствовать услужливый предлогъ.

CXVI.

Люблю деревню я и лѣто,
И говоръ водъ и тѣнь дубровъ,
И благовоніе цвѣтовъ:
Какой душѣ не мило это?
Быть такъ, прощаю комаровъ!
Но признаюсь—пустыни житель,
Покой пустынный въ ней любя,
Комаръ двуногій, гость-мучитель,
Нѣтъ, не прощаю я тебя.

.CXVII.

СТАРИКЪ.

Вѣнчали розы, розы Леля,
Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ младой:
Я былъ счастливый пустомеля
И дѣвамъ нравился порой.
Я помню ласки ихъ живыя,

Лобзанья полныя огня...
Но пролетѣли дни младые;
Они не смотрятъ на меня!
Какъ быть? У яркаго камина,
Въ укромной хижинѣ моей,
Накрою чтолъ, поставлю вина
И соберу моихъ друзей.
Пускай вѣнокъ, сплетенный Лелемъ,
Не обновится никогда;
Года, увѣнчанные хмѣлемъ,
Еще прекрасные года.

CXVII.

Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь!
На хлопоты вставая до звѣзды,
Какой нибудь да пакостью означишь
Ты каждый день безъ цѣли. безъ нужды!
Ты самъ себя, и простъ и поделъ вкупѣ,
Эпитимьей затѣйливой казнишь:
Заботливо толчешь ты уголь въ ступѣ
И только-что лицо свое пылишь.

CXVIII.

Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ:
Какой-же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что наконецъ подсмотрятъ очи зорки?
Что̀ наконецъ поймета надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что точный смыслъ народной поговорки.

CXIX.

Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ·
Но я живу, и на землѣ мое
Кому нибудь любезно бытіе:
Его найдетъ далекій моя потомокъ
Въ моихъ стихахъ. Какъ знать? Душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи,
И какъ нашелъ я друга въ поколѣньи,
Читателя найду въ потомствѣ я.

1829

CXX.

Глупцы не чужды вдохновенья;
Какъ свѣтлымъ дѣтямъ Аонидъ
И имъ оно благоволитъ:
Слетая съ неба, всѣ рассенья
Равно весна животворитъ.
Что-жъ это сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ пріобрѣтетъ?
Его капустою раздуетъ,
А лавромъ онъ не разцвѣтетъ.

CXXI.

Не подражай: своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ;
Доратовъ-ли, Шекспировъ-ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творитъ себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный!
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ.

CXXII.

БѢСЕНОКЪ.

Слыхалъ я, добрые друзья,
Что наши прадѣды въ печали
На помощь бѣса призывали:
Имъ подражаю въ этомъ я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не съ проклятымъ сатаной
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;
Узнайте: ласковый бѣсенокъ
Меня младенцемъ навѣщалъ
И колыбель мою качалъ
Подъ шопотъ легкихъ побасенокъ.
Съ тѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
Между мужами возмужалъ,
Но для него еще ребенокъ.
Случится-ль горе иль бѣда,
Иль безотчетно иногда

1829

Сгрустнется мнѣ въ моей кануркѣ,—
Махну рукой: по старинѣ
На сѣромъ волкѣ, сивкѣ-буркѣ
Онъ мигомъ явится ко мнѣ.
Больному духу здравьемъ свиснетъ,
Бобами думу разведетъ,
Живой водой веселье вспрыснетъ,
А горе мертвою зальетъ.
Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Гляжу на свѣтъ и, видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Насильемъ сверженный законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущенъ:
Проворно шапку-невидимку
На шаръ земной наброситъ онъ;
Или, въ мгновеніе зеницы,
Чудесный коврикъ самолетъ
Онъ подо мною развернетъ,
И коврикъ тотъ въ сады жаръ-птицы
Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
Меня по воздуху несетъ.
Прощай, владѣнье грустной были,
Меня смущавшее досель:
Я отъ твоей бездушной пыли
Уже за тридевять земель.

CXXIII.

КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подъ управой ихъ двоякой,
И атмосферу и умы
Сжимаетъ холодъ одинакій,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ
Она спѣшитъ на Югъ прекрасной
Подъ Авзонійскій небосклонъ,
Одушевленной, сладострастной,
Гдѣ въ кущахъ, въ портикахъ палатъ
Октавы Тассовы звучатъ;
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
Рафаэль дышетъ на холстѣ,

1829

Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,
Но гдѣ не стыдно, можетъ быть,
Герои, міра властелины,
Вашъ Капитолій позабыть
Для Капитолія Корины;
Гдѣ жизнь, игрива и легка,
Тамъ лучше ей: чего-же болѣ?
Зачѣмъ-же тяжкая тоска
Сжимаетъ сердце поневолѣ?
Когда любимая краса
Послѣднимъ сномъ смыкаетъ вѣжды,
Мы полны ласковой надежды
Что ей открыты небеса,
Что лучшій міръ ей уготованъ,
Что славой вѣчною свѣтло
Тамъ заблеститъ ея чело;
Но скорбный духъ не уврачованъ,
Душѣ стѣсненной тяжело,
И неутѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и лучшій міръ.

CXXIV.

СМЕРТЬ.

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый оставъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.
О дочь верховнаго Эфира!
О свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.
Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равноѣсья дикихъ силъ,
Въ твое хранение Всемогущій
Его устройство поручилъ.
И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ его лія
И въ немъ, прохладнымъ дуновеньемъ,
Смиряя буйство бытія.
Ты укрощаешь возстающій
Въ безумной силѣ ураганъ,

Ты, на брега свои бѣгущій,
Вспять возвращаешь Океанъ.
Даешь предѣлы ты растенью,
Чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ
Земли губительною тѣнью,
Злакъ не возсталъ-бы до небесъ.
А человѣкъ! святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.
Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою-же рукою
Ты властелина и раба.
Недоумѣнье, принужденье—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

CXXV.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(К. К. Янишъ) *).

Альбомъ походитъ на кладбище:
Для всѣхъ открытое жилище,
Онъ также множествомъ именъ
Самолюбиво испещренъ.
Увы! народъ добросердечной
Равно туда, или сюда,
Несетъ надежду жизни вѣчной
И трепетъ страшнаго суда.
Но я, смиренно признаюся,
Я не надѣюсь, не страшуся;
Я въ вашихъ памятныхъ листахъ
Спокойно имя помѣщаю:
Философъ я; у васъ въ глазахъ
Мое ничтожество я знаю.

CXXVI.

Хвала, маститый нашъ Зоилъ!
Когда-то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастливыми стихами,
Бѣсилъ Жуковскій вслѣдъ за нимъ,

*) Каролинѣ Карловнѣ Янишъ, впослѣдствіи—Павловой.

Вотъ Пушкинъ бѣситъ. Какъ любимъ,
Какъ отличенъ ты небесами!
Три поколѣнія пѣвцовъ
Тебя красой своихъ вѣнцовъ
Въ негодованье приводили:
Пекись о здравіи своемъ,
Чтобы подобно первымъ тремъ
Другіе три тебя бѣсили.

1830.

CXXVII.

ЭПИГРАММА.

(Сѣверные цвѣты на 1830 г. стр.7.)

Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ
На свой аршинъ онъ славу нашу мѣритъ;
Но позабылъ, что нѣтъ клейма на немъ,
Что одному задору свѣтъ не вѣритъ.
Какъ дружескимъ онъ вздоромъ восхищенъ!
Какъ бѣшено своимъ доволенъ онъ!
Онъ хвалится горячею душою;
Голубчикъ мой. Увѣрься наконецъ,
Что изъ глупцовъ, извѣстныхъ подъ луною
Смѣшнѣе всѣхъ нашъ пламенный глупецъ.

CVI.

ОТРЫВОКЪ.

Онъ.

Подъ этой липою густою
Со мною сядь, мой милый другъ;
Смотри: какъ живо все вокругъ!
Какой зеленой пеленою
Къ рѣкѣ нисходитъ этотъ лугъ!
Какая свѣжая дуброва
Глядится съ берега другова
Въ ея веселое стекло!
Какъ небо чисто и свѣтло!
Все въ тишинѣ; едва смущаетъ
Живую сѣнь и чуткій токъ
Благоуханный вѣтерокъ:
Онъ сердцу счастье навѣваетъ!
Молчишь ты?

1830

Она

О любезный мой!
Всегда я счастлива съ тобой
И каждый мигъ равно ласкаю.

Онъ.

Я съ умиленною душой
Красу творенья созерцаю.
Отъ этихъ водъ, лѣсовъ и горъ
Я на эфирную обитель,
На небеса подъемлю взоръ
И думаю: великъ Зиждитель,
Прекраснъ міръ! Когда-же я
Воспомню тою-же порою,
Что въ этомъ мірѣ ты со мною,
Подруга милая моя...
Нѣтъ сладкимъ чувствамъ выраженья,
И не могу въ избыткѣ ихъ
Невольныхъ слезъ благодаренья
Остановить въ глазахъ моихъ.

Она.

Воздай тебѣ, Создатель вѣчный!
О чемъ еще Его молить!
Ахъ! объ одномъ: не пережить
Тебя, другъ милый, другъ сердечный.

Онъ.

Ты грустной мыслію меня
Смутила. Такъ! сегодня зрѣнье
Плѣняетъ свѣтъ веселый дня,
Плѣняетъ Божіе творенье;
Теперь въ рукѣ моей твою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голосъ узнаю...
А завтра... завтра... какъ ужасно!
Мертвецъ незрящій и глухой,
Мертвецъ холодный!.. Лучъ дневной
Въ глаза ударитъ мнѣ напрасно;
Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь!
Я не проснусь! И что мы знаемъ?

Не только завтра, сей-же часъ
Меня не будетъ! Кто изъ насъ
Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой?

Она.

Что съ тобой?
Зачѣмъ твое воображенье
Предупреждаетъ Провидѣнье?
Богъ милосердъ, другъ милый мой!
Здоровы, молоды мы оба:
Еще далеко намъ до гроба.

Онъ.

Но все-жъ умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

Она.

Что же милой?
Есть бытіе и за могилой,
Намъ обѣщалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,
Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
Гдѣ всѣ земныя опасенья
Съ земною пылью отряхнемъ.
Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Онъ.

Такъ, Всемогущій безъ нее
Насъ искушалъ-бы выше мѣры:
Такъ, есть другое бытіе!
Уже-ли нѣкогда погубитъ
Во мнѣ онъ то, что мыслитъ, любитъ,
Чѣмъ онъ созданье довершилъ,
Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ
Міръ повторилъ онъ отраженьемъ,
И Самъ Себя изобразилъ?
Уже-ли творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только?.. Нѣтъ, не вѣрю я.
Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ, достойный
Поникъ гонимою главой,
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.

Какъ! не терпящая смѣшенья
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
На хаосъ нравственный воззрѣнья
Не броситъ мудрость Божества?
Какъ! между братьями своими
Мы видимъ правыхъ и благихъ,
И превзойденъ дѣтьми людскими,
Не правъ, не благъ Создатель ихъ?...
Нѣтъ! мы въ юдоли испытанья,
И есть обитель воздаянья:
Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Она.

Зачѣмъ въ такія размышленья
Ты погружаешься душой?
Уже-ли нужны, милый мой,
Для убѣжденныхъ убѣжденья?
Премудрость вышняго Творца
Не намъ изслѣдовать и мѣрить:
Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.
Пойдемъ: грустна я въ самомъ дѣлѣ,
И отъ мятежныхъ словъ твоихъ,
Я признаюсь во мнѣ доселѣ
Сердечный трепетъ не затихъ.

CXXIX.

МУЗА.

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

1830

CXXX.

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

Въ небѣ нашемъ исчезаетъ
И, красой своей горда,
На другое востекаетъ
Переходная звѣзда;
Но на вѣкъ-ли съ ней проститься?
Нѣтъ, предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль воротиться
На старинный небосклонъ.
Небо наше покидая,
Ты-ли, милая звѣзда,
Небесамъ другова края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки въ желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь.

CXXXI.

ЖУРНАЛИСТЫ.

Что пользы вамъ отъ шумныхъ вашихъ преній?
Кипитъ война; но что-же? никому
Побѣды нѣтъ! Сказать-ли почему?
Ни у кого ни мыслей нѣтъ, ни мнѣній
Хотите-ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать кого-нибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой словесной перестрѣлкой
Морочить свѣтъ и множить пустяки,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой:
Благословясь, схватитесь за виски.

CXXXII.

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ:
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

1830

CXXXIII.

ПОДРАЖАТЕЛЯМЪ.

Когда печалью вдохновенный
Пѣвецъ печаль свою поетъ,
Скажите: отзывъ умиленный
Въ какомъ онъ сердцѣ не найдетъ?
Кто, вѣковыхъ проклятій жаденъ,
Дерзнетъ осмѣивать ее?
Но для притворства всякій хладенъ:
Плачъ подражательный досаденъ,
Смѣшно жеманное вытье.
Не напряженнаго мечтанья
Огнемъ услужливымъ согрѣтъ,
Постигнулъ таинства страданья
Душемутительный поэтъ.
Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
Сердечныхъ судорогъ цѣною
Онъ выраженье ихъ купилъ.
И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ пѣснопѣвца окружонъ,
И чтимъ земными племенами
Подобно мученику онъ.
А ваша Муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участіе въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

CXXXIV.

С. Л. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.

Нежданное родство съ тобой даруя,
О какъ судьба была ко мнѣ добра!
Какой сестрѣ тебя уподоблю я,
Ея рукой мнѣ данная сестра!
Казалося, любовь въ своемъ пристрастьи
Мнѣ счастіе дала до полноты;
Умножила ты дружбой это счастье,
Его могла умножить только ты.

1830

CXXXV.

ЭПИГРАММА.

(Литературная газета изд. Дельвигомъ 1830 г. № 32, стр. 258).

«Онъ вамъ знакомъ. Скажите, кстати,
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?»
— Затѣмъ, что онъ не дворянинъ.—
«Ага! Нѣтъ дѣйствій безъ причинъ.
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?» — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ. — «Вотъ что».

CXXXVI.

ГЕНРІЕТТѢ ЗОНТАГЪ.

(Литературная газета изд. Дельвигомъ, 1830 г. № 49, стр. 102).

И къ намъ ты прилетѣлъ, волшебный соловей,
Изъ странъ счастливѣйшихъ Германіи своей,
Гдѣ долго средь похвалъ, въ отчизнѣ вдохновенья
Твои воздушныя носились пѣснопѣнья.
Едва на Сѣверѣ раздался голосъ твой,
Какъ трели звучныя весеннія пѣвицы —
И съ петерпѣніемъ двѣ славныя столицы
Спѣшатъ хваленья дань излить передъ тобой,
Привѣтствуя тебя съ восторгомъ благороднымъ.
О Зонтагъ! Не однимъ талантомъ превосходнымъ,
Сей музыкой души, плѣнять умѣешь ты:
И прелестью очей и силой красоты,
Сирена дивная, ты насъ очаровала:
Всѣ совершенства вдругъ въ тебѣ природа — мать
Рукою щедрою волшебно сочетала.
Когда-жъ престанемъ мы тебѣ рукоплескать,
Когда престанешь ты гармоніей небесной
Нашъ духъ переносить въ какой-то міръ чудесной
И миловидностью лазоревыхъ очей
Какъ небомъ лучшихъ странъ плѣнять нашъ Сѣверъ хладный—
Мы будемъ дорожить и памятью твоей,
Какъ сладостной мечтой, какъ мыслію отрадной.

С.-Петербургъ.
23-го августа, 1830 г.

CXXXVII.

И М Я.

(Литературная газета изд. Дельвигомъ 1830 г. № 51, стр. 116).

Есть имя тайнаго значенья,
Невыразимой красоты,
Въ немъ всѣ восторги упоенья
Вся прелесть чувства и мечты
Одной душѣ оно такъ страстно,
Такъ выразительно звучитъ,
Во всѣхъ устахъ равно прекрасно
Языкомъ сердца говоритъ.
Сей звукъ волшебенъ, какъ отчизны
Для странника напѣвъ родной,
Онъ сладокъ, какъ источникъ жизни
Въ странѣ безводной и глухой.
При звукѣ семъ всегда волненье
Тотъ смертный чувствуетъ въ крови,
Кто отъ людей таитъ мученье
И слезы пламенной любви.
Всегда стремленьемъ неизвѣстнымъ
Полна тоской страдальца грудь,
Когда объ имени прелестномъ
При немъ помянетъ кто-нибудь.

CXXXVIII.

Хотя ты малый молодой,
Но пожилую мудрость кажешь:
Ты слова лишняго не скажешь
Въ бесѣдѣ самой распашной,
Пріязни глупой съ первымъ встрѣчнымъ
Ты съ горяча не заведешь,
Къ ногамъ вертушки не падешь
Ты пастушкомъ простосердечнымъ;
Воздержнымъ голосомъ твоимъ
Никто крикливо не хвалимъ,
Никто сердито не осуженъ.
Всѣмъ этимъ хвастать не спѣши:
Не рѣдкій умъ на это нуженъ,
Довольно дюжинной души.

1830

1831.

CXXXIX.

ЛАЗУРНЫЯ ОЧИ.

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными:
О! въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣтится!
И если прекрасная
Съ любовію томною
На миломъ покоитъ ихъ,
Онъ мирно блаженствуетъ:
Во вѣкъ не смутитъ его
Сомнѣнье мятежное.
И кто не довѣрится
Сіянью ихъ чистому,
Эфирной ихъ прелести,
Небесной души ея
Небесному знаменью?
Страшна мнѣ, друзья мои,
Краса черноокая;
За темной завѣсою
Душа ея кроется;
Любовникъ пылаетъ къ ней
Любовью тревожною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣетъ довѣриться.
Какой-то недобрый духъ
Качалъ колыбель ея:
Одѣлася тьмой она,
Вспылала причудою,
Закралося въ серце къ ней
Лукавство лукаваго.

CXL.

ЭКСПРОМТЪ.

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтитескій древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
Снятся упадшихъ чертоговъ колонны!

CXLI.

МОЙ ЭЛИЗІЙ.

Не славь, обманутый Орфей,
Мнѣ Элизійскія селенья:
Элизій въ памяти моей
И не кропимъ водой забвенья.
Въ немъ міръ цвѣтущей старины
Умершихъ тѣни населяютъ,
Привычки жизни сохраняютъ
И чувствъ ея не лишены.
Тамъ живъ ты, Дельвигъ! Тамъ за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юныя мечты.

CXLII.

ЭПИГРАММА.

Денница (альмонахъ на 1831 г., стр. 197).

I.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнассѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

II *).

Повѣрьте мнѣ—Фигляринъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ—
Не должно красть; кто на руку не чистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ.
Не надобно въ судѣ кривить душой;
Не хорошо живиться клеветой;
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!—
—Ну, чтожъ? Богъ съ нимъ! все это къ правдѣ близко,
А кажется и ново для него.

---

*) Эпиграмма эта напечатана и въ Современникѣ (1854 № 10 стр. 159) въ числѣ стихотвореній Баратынскаго сообщенныхъ И. С. Тургеневымъ, начинается она такъ:

«Повѣрьте мнѣ»—Зоиловъ журнолистъ
Намъ говоритъ (вдругъ сталъ онъ педагогомъ)
Не должно красть; и т. д.

1832.

CXLIII.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
Въ дни необузданныхъ страстей,
Со мною жилъ превратный геній
Наперсникъ юности моей.
Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
Во мнѣ питалъ и раздувалъ;
Но соразмѣрностей прекрасныхъ
Въ душѣ носилъ я идеалъ:
Когда лишь праздниковъ смятенья
Алкалъ безумецъ молодой,
Поэта мѣрныя творенья
Блистали стройной красотой.
Страстей порывы утихаютъ,
Страстей мятежныя мечты
Передо мной не затмѣваютъ
Законовъ вѣчной красоты;
И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ.

CXLIV.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ, буйства молодого
Пѣвецъ роскошный и лихой!
По волѣ случая слѣпого
Я познакомился съ тобой
Въ тѣ осмотрительныя лѣта,
Когда смиренная діэта
Нужна здоровью моему,
Когда и тощный опытъ свѣта
Меня наставилъ кой-чему,
Когда отъ бурныхъ увлеченій
Желаннымъ отдыхомъ дыша,
Для благочинныхъ размышленій
Созрѣла томная душа;
Но я люблю восторгъ удалый,
Разгульный жаръ твоихъ стиховъ.
Дай руку мнѣ: ты славный малый,

Ты въ цвѣтѣ жизни, ты здоровъ,
И неумѣренную радость,
Счастливецъ, славить ты въ правахъ;
Звучитъ лирическая младость
Въ твоихъ лирическихъ грѣхахъ.
Не буду строгимъ моралистомъ,
Или бездушнымъ журналистомъ;
Приходитъ все своимъ чредомъ.
Послушный голосу природы,
Предупредить не долженъ годы
Ты педантическимъ перомъ;
Другого счастія поэтомъ
Ты позже будешь, милый мой,
И самъ искупишь передъ свѣтомъ
Проказы Музы молодой.

CXLV.

Н. Е. Б. . . .

Двойною прелестью опасна,
Лицомъ задумчива, рѣчами весела,
Какъ одалиска ты прекрасна
И какъ пастушка ты мила.
Душой невольно встрепенется,
Кто на красавицу очей не возведетъ;
Холодный старецъ улыбнется,
А пылкій юноша вздохнетъ.

1833.

CXLVI.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.
Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что̀ проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою *мыслью* онъ міръ облетѣлъ,

Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.
Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Изведанъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.
И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

CXLII.

КОЛЬЦО.

С. Э—тъ.

Дитя мое, она сказала,
Возмешь иль нѣтъ мое кольцо?
И головою покачала,
Съ участьемъ глядя ей въ лицо.
Знай, друга дастъ тебѣ, дѣвица,
Кольцо счастливое мое:
Ты будешь думъ его царица,
Его второе бытіе.
Но договоръ судьбой ревнивой
Съ прекраснымъ даромъ сопряженъ,
И красотѣ самолюбивой
Тяжелъ, я знаю, будетъ онъ.
Свѣтъ, къ ней суровый, не примѣтитъ
Ея привѣтливыхъ очей,

Ея улыбку хладно встрѣтитъ
И не пойметъ ея рѣчей.
Вотще ей разумъ, дарованья,
И чувствъ и мыслей прямота:
Ихъ свѣтъ оставитъ безъ вниманья,
Обезобразитъ клевета.
И долго, долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ съ поникшей головою,
Одна съ унынiемъ своимъ.
Но дѣвы нѣжной не обманетъ
Мое счастливое кольцо:
Ей судiя ея предстанетъ,
И процвѣтетъ ея лицо.
Внимала дѣва молодая,
Невиннымъ взоромъ весела
И, тайный жребiй свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.
Иди-жъ съ надеждою веселой!
Творецъ тебя благослови
На подвигъ долгiй и тяжелой
Всезабывающей любви.
И до свершенья договора,
Въ твои ненастливые дни,
Когда нужна тебѣ опора,
Мнѣ, другъ мой, руку протяни.

1835.

CXLVIII.

ЗАПУСТѢНIЕ *).

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь
Не въ дни веселые живительнаго Мая,
Когда, зелеными вѣтвями помавая,
Манишь ты путника въ свою густую тѣнь:
Когда ты вѣешь ароматомъ
Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ.
Подъ очарованный твой кровъ
Замедлилъ я моимъ возвратомъ.
Въ осенней наготѣ стояли дерева
И непривѣтливо чернѣли;

*) Описанiе д. Мары, Тамбовской губ. Кирсановскаго уѣзда.

Хрустѣла подъ ногой замерзлая трава
И листья мертвые волнуяся шумѣли!
Съ прохладой рѣзкою дышалъ
Въ лицо мнѣ запахъ увяданья;
Но не весенняго убранства я искалъ,
А прошлыхъ лѣтъ воспоминанья.
Душой задумчивый, медлительно я шелъ
Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами;
Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ.
Увы! рука его изглажена годами!
Стези заглохшія, мечтаешь, пѣшеходъ
Случайно протопталъ. Сошелъ я въ долъ завѣтный,
Долъ, первыхъ думъ лелѣятель привѣтный!
Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;
Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...
Вотще! лишенные хранительной преграды,
Далече воды утекли,
Ихъ ложе поросло травою,
Пріютъ хозяйственный въ немъ ульи обрѣли;
И легкая тропа исчезла предо мною.
Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!
Но вотъ, по прежнему, лѣсистымъ косогоромъ,
Дорожка смѣлая ведетъ меня.... обвалъ
Вдругъ проглотилъ ее.... Я сталъ
И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;
Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.
Иду я: гдѣ бесѣдка тлѣетъ
И въ прахѣ передъ ней лежатъ ея столпы,
Гдѣ остовъ мостика дряхлѣетъ.
И ты, величественный гротъ,
Тяжело-каменный, постигнутъ разрушеньемъ
И угрожаешь ужъ паденьемъ.
Бывало, въ лѣтній зной прохлады полный сводъ!
Что-жъ? пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей.
Тотъ не былъ мыслію, тотъ не былъ сердцемъ хладенъ,
Кто, безымянной нѣги жаденъ,
Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ,
Кто, преклоняя слухъ къ таинственному шуму
Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей питалъ

Ему сочувственную думу.
Давно кругомъ меня о немъ умолкнулъ слухъ,
Пріяла прахъ его далекая могила,
Мнѣ память образа его не сохранила,
Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;
Здѣсь, другъ мечтанья и природы,
Я познаю его вполнѣ:
Онъ *) вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,
Онъ славить мнѣ велитъ лѣса, долины, воды;
Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую несрочную весну,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной тѣни невянущихъ дубровъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

CXLIX.

Наслаждайтесь: все проходитъ!
То благой, то строгій къ намъ,
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и къ бѣдамъ.
Чуждъ онъ долгаго пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.
Не ропщите: все проходитъ,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводитъ
Насъ суровая бѣда.
И веселью, и печали,
На измѣнчивой землѣ,
Боги праведные дали
Одинакіе крилѣ.

CL.

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ гдѣ возросла,
Невластная сойти. Небесные свѣтила,
Назначеннымъ путемъ, невѣдомая сила

*) *Поэтъ говоритъ о своемъ отцѣ.*

Влечетъ. Бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ:
Мятежные мечты смиримъ иль позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,
И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
Безумецъ! не она-ль, не вышняя-ли воля
Даруетъ страсти намъ?....
О, тягостна для насъ.....
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною,
И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

CLI.

Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ
Я искушалъ ее сначала:
Она словамъ моимъ внимала
Съ тупымъ, безсмысленнымъ лицомъ.
Въ ней разбудить огонь желаній
Еще надежду я хранилъ
И сладострастныхъ лобызаній
Языкъ живой употребилъ...
Она глядѣла также тупо,
Потомъ разгнѣвалася глупо.
Бѣги за нею, модный свѣтъ,
Плѣняйся дѣвой идеальной!
Владѣю тайной я печальной:
Ни сердца въ ней, ни пола нѣтъ.

CLII.

ЯЗЫКОВУ.

Бывало, свѣтъ позабывая
Съ тобою счастливымъ пѣвцомъ,
Твоя Камена молодая
Вѣнчалась гроздьемъ и плющемъ
И пѣсни вѣтреныя пѣла,
И къ ней, безумна и слѣпа,
То, увлекаясь, пламенѣла
Любовью грубою толпа;
То, на свободные напѣвы
Сердяся въ ханжествѣ тупомъ,
Она ругалась чудной дѣвы

1835

Ей непонятнымъ божествомъ.
Во взорахъ пламень вдохновенья,
Огонь восторга на щекахъ,
Былъ жаръ хмѣльной въ ея глазахъ,
Или румянецъ вожделѣнья...
Она высоко рождена,
Ей много славы подобаетъ:
Лишь для любовника она
Нарядъ Менады надѣваетъ;
Яви-жъ, яви ее скорѣй,
Пѣвецъ, въ достойномъ блескѣ міру:
Наперсницѣ души твоей
Дай діадему и порфиру;
Державный санъ ея открой,
Да изумитъ своей красой,
Да величавый взоръ смущаетъ
Ея злословнаго судью,
Да въ ней хулитель твой познаетъ
Мою царицу и свою.

CLIII.

МОНАСТЫРКѢ.

Храни свое неопасенье,
Свою неопытность лелѣй;
Передъ тобою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣтникѣ своемъ,
И въ свѣтѣ сердцу будь послушной
И монастыркой благодушной
Останься долго, долго въ немъ.
Пусть для тебя преображаемъ
Игрой младенческой мечты,
Онъ вѣкъ не рознитъ съ тихимъ раемъ,
Въ которомъ расцвѣтала ты.

CLIV.

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ его мертвящій,

Отыдетъ, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?
Освобожусь воображеньемъ
И крылья духа подыму
И пробужденнымъ вдохновеньемъ
Природу снова обниму?
Вотще-ль мольбы? напрасны-ль пѣни?
Увижу-ль снова ваши сѣни
Сады поэзіи святой?
Увижу-ль васъ, ея свѣтила?
Вотще! Я чувствую могила
Меня живого приняла
И, легкій даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла.

CLV.

А. А. Ф...ОЙ.

Вы-ль дочерь Евы клкъ другая,
Вы-ль, передъ зеркаломъ своимъ
Власы роскошные вседневно убирая,
Ихъ блескомъ шелковымъ любуясь передъ ними,
Любуясь ясными очами,
Обворожительнымъ лицомъ
Блестящей Граціи, предъ вами
Живописуемой услужливымъ стекломъ,
Вы-ль угадать могли свое предназначенье?
Какъ, вмѣсто женской суеты,
Въ душѣ довольной кратоты
Затрепетало вдохновенье?
Прекрасный, дивный мигъ! Возликовалъ Парнассъ,
Хариту какъ сестру Камены окружили,
Отъ міра мелочей вы взоры отвратили:
Открылся новый міръ для васъ.
Мы встрѣтилися въ немъ. Блестящими стихами
Вы обольстительно привѣтили меня.
Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами
Мнѣ искра вашего огня.
Забуду-ли я васъ? забуду-ль ваши звуки?
Въ душѣ признательной отозвались они.
Пусть бездну между насъ раскроетъ духъ разлуки,
Пускай летятъ за днями дни:

1835

Пребудетъ неразлучна съ вами
Моя сердечная мечта,
Пока плѣняюся я лирными струнами,
Покуда радуетъ мнѣ душу красота.

CLVI.

Я не любилъ ея, я зналъ,
Что не она поймётъ поэта,
Что на языкъ души, душа въ ней безъ отвѣта.
Чего-жъ безумецъ въ ней искалъ?
Зачѣмъ стихи мои звучали
Ея восторженной хвалой,
И малодушно возвѣщали
Ея владычетво и плѣнъ постыдный мой?
Зачѣмъ ввѣрялъ я съ умиленьемъ
Ей всѣ мечты души моей?.,
Туманъ упалъ съ моихъ очей:
Ея бѣгу я съ отвращеньемъ!
Такъ, омраченные виномъ,
Мы недостойному порою
Жмемъ руку дружеской рукою,
Привѣтствуемъ его съ осклабленнымъ лицомъ,
Краснорѣчиво изливаемъ
Всѣ думы сердца передъ нимъ;
Ошибки темное сознаніе хранимъ,
Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
Умомъ взволнованнымъ своимъ.
Очнувшись, странному забвенію дивимся,
И незаконнаго наперсника стыдимся,
И отъ противнаго лица его бѣжимъ.

CLVII.

Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупитъ заблужденье
И укротитъ бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая,
И міръ отдастъ причастницъ своей.

1835

CLVIII.

О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка:
Сегодня манитъ мотылька,
Прельщаетъ пчелку золотую,
Къ нему съ любовью мошка льнетъ,
И стрекоза его поетъ;
Утратилъ свѣжесть молодую
И чередой своей поблекъ,—
Гдѣ пчелка, мошка, мотылекъ?
Забытъ онъ роемъ ихъ летучимъ,
И никому въ немъ нужды нѣтъ;
А тутъ зерномъ своимъ падучимъ,
Онъ зарождаетъ новый цвѣтъ.

CLIX.

МАДОНА.

Въ Италіи гдѣ-то, но въ полѣ пустомъ,
(Не зрѣлость жилья на полмили кругомъ),
Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка.
Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все-таки голодъ имъ часто знакомъ.
И дочка порою душой унывала;
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.
Не плачь, не кручинься ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка ее.
Не плачь, перемѣнится доля крутая:
Придетъ намъ на помощь Мадона святая.
Да ликъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ:
Смотри, какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ
Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою;
И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она, съ умиленнымъ и кроткимъ лицомъ,
На живопись темную взоръ подымала,
Что́ уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.
Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ,
Дочь плачетъ и ропщетъ, старушка молчитъ
Съ утра по руинамъ бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь, непасытный.
Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.
Налавку садился пришлецъ утомленный,

Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.
«Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О, какъ не узнать мнѣ? Корреджій, твоя!
«И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и Царскій дворецъ возгордится!
«Старушка, продай мнѣ картину свою,
Тебѣ за нее я сто піастровъ даю».
—Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—
«Я двѣсти даю, согласися продать».
—Синьоръ, Синьоръ! бѣдность грѣшно искушать.
Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ,
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.
Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.
Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.
За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой свое безбѣдно живетъ.
Такъ, Вѣру и Геній въ едино сливая,
Равно оправдала ихъ Дѣва святая.

CLX.

КЪ Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ *)

О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ.
Скажу-ль? мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!
Я сердце предаю сердечному союзу:
Приди, мечты мои разсѣй;
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей!
И покори себѣ бунтующую Музу.

CLXI.

Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ,
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ, средь этихъ голыхъ скалъ,
Я, дни весны моей опальной

*) Супругѣ поэта.

1835

Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ собою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживилъ
И, ихъ разсѣянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я:
Вотъ гдѣ унылый я бродилъ,
Гдѣ, на судьбину негодуя,
Я вѣру въ счастье отложилъ!

CLXII (*).

Есть милая страна, есть уголъ на землѣ,
Куда, гдѣ-бъ ни былп: средь буйственнаго стана,
Въ садахъ Армидиныхъ, на быстромъ кораблѣ,
Браздящемъ весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Гдѣ, чужды низменныхъ страстей,
Житейскимъ подвигамъ предѣлъ мы назначаемъ,
Гдѣ міръ надѣемся забыть когда-нибудь
И вѣжды старыя сомкнуть
Послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ желаемъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я помню ясный, чистый прудъ;
Подъ сѣнію березъ вѣтвистыхъ,
Средь мирныхъ водъ его, три острова цвѣтутъ.
Свѣтлѣя нивами межъ рощъ своихъ волнистыхъ,
За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумитъ
И брызжетъ мельница. Деревня, лугъ широкой,
А тамъ счастливый домъ... туда душа летитъ.
Тамъ не хладѣлъ-бы я и въ старости глубокой!
Тамъ сердце томное, больное обрѣло
Отвѣтъ на все что въ немъ горѣло
И снова для любви, для дружбы расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.

(*) *Описаніе сельца* Мураново, Москов. губ., Дмитріевскаго уѣзда, пын *влад. С. В. Шутята.*

Зачѣмъ-же томный вздохъ и слезы на глазахъ?
Она (*), съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ,
Она, которой нѣтъ, мелькнула предо мною.
Почій, почій легко подъ дерномъ гробовымъ:
Воспоминаніемъ живымъ
Не разлучимся мы съ тобою!
Мы плачемъ... но прости! Печаль любви сладка,
Отрадны слезы сожалѣнья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разувѣренья.

CLXIII.

ПРИ ПОСЫЛКѢ БАЛА С. Э. (**)

Тебѣ-ль, невинной и спокойной,
Я приношу въ нескромный даръ
Разсказъ, гдѣ страсти недостойной
Изображенъ преступный жаръ?
И безобразной, и мятежной,
Онъ не плѣнитъ твоей мечты;
Но что? на память дружбы нѣжной
Его быть можетъ, примешь ты.
Жилецъ семейственнаго круга,
Такъ въ даръ пріемлетъ домосѣдъ
Отъ путешественника-друга
Пустыни дальной дикій цвѣтъ.

CLXIV.

К. А. ТИМАШЕВОЙ.

Вамъ все дано съ щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владѣете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой.
Что-жъ грусть поетъ блестящая пѣвица?
Что-жъ томны взоры красоты?
Печаль, печаль—души ея царица,
Владычица ея мечты.
Вамъ счастья нѣтъ иль, на одно мгновенье
Блеснувши, лучъ его погасъ;
Но счастливъ тотъ, кто слышитъ ваше пѣнье,
Но счастливъ тотъ, кто видитъ васъ.

(*) Наталья Львовна Энгельгардъ сконч. чахоткой.
(**) Софьѣ Львовнѣ *Энгельгардъ*.

CLXV.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ;
Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.
Зачѣмъ тоскуя
Въ окно слѣжу я
Мятели летъ!
Любимцу счастья
Кровъ отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пылъ летучій
Мнѣ веселятъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечтаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.
О Провидѣнье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытія.
Скорбя душою,
Въ тоскѣ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней.
И подъ мятежной
Мятелью бѣдъ,
Любовью нѣжной
Ея согрѣтъ,
Забуду вскорѣ
Крутое горе,
Какъ въ этотъ мигъ
Забылъ природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мятежный крикъ.

CLXVI.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна! какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!
Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!
Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхой листъ,

Какъ прежде, подъ моей ногой,
И шуменъ и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ,
Незримый, жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.
Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой птичка! съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!
Зачѣмъ такъ радуетъ ее
И солнце, и весна?
Ликуетъ-ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?
Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нее
Онъ дивный унесетъ!

CLXVII.

Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ *).

Своенравное прозванье
Далъ я милой въ ласку ей:
Безотчетное созданье
Дѣтской нѣжности моей;
Чуждо явнаго значенья,
Для меня оно символъ
Чувствъ, которыхъ выраженья
Въ языкахъ я не нашелъ.
Вспыхнувъ полною любовью
И любви посвящено,
Не хочу, чтобъ суесловью
Было вѣдомо оно:
Что въ немъ свѣту? Но сомнѣнье
Если духъ ей возмутитъ,
О, его въ одно мгновенье
Это имя побѣдитъ;
Но въ томъ мірѣ, за могилой,
Гдѣ нѣтъ образовъ, гдѣ нѣтъ
Для узнанья, другъ мой милой,
Здѣшнихъ чувственныхъ примѣтъ,

*) *Супругѣ поэта.*

Имъ безсмертье я привѣчу,
Къ безднамъ имъ воскликну я,
Да душѣ моей навстрѣчу
Полетитъ душа твоя

CLXVIII.

Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ
Лѣсное эхо я будилъ,
И вѣрный откликъ въ лѣсѣ дикомъ
Меня смятенно веселилъ.
Пора другая наступила:
И рифма юношу плѣнила,
Лѣсное эхо замѣня.
Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармонію стиховъ:
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

1835—1842.

CLXIX.

СУМЕРКИ.

Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Какъ жизни общіе призывы,
Какъ увлеченья суеты,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаянія мечты;
Понятны вамъ всѣ дуновенья,
Которымъ въ морѣ бытія
Послушна наша ладія.
Вамъ приношу я пѣснопѣнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя,
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты,
И между тѣмъ высокой,
Любви добра и красоты.
Счастливый сынъ уединенья,
Гдѣ сердца вѣтреные сны,
И мысли праздныя стремленья
Разумно мной усыплены;
Гдѣ другу мира и свободы

Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,
И позабылъ, какъ-бы во гробѣ,
Но добровольно, шумный свѣтъ.
Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой.
Ищу я васъ; гляжу, что съ вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшіе меня
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что вамъ даруетъ Провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ Небо васъ?
И возношу молящій гласъ:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минетъ скорбный часъ!
Звѣзда разрозненной Плеяды!
Такъ изъ глуши моей стремлю
Я къ вамъ заботливые взгляды,
Вамъ высшей благости молю;
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

CLXX.

О Б Ѣ Д Ы.

(Утренняя заря 1840 г. стр. 184).

Я не люблю хвастливые обѣды,
Гдѣ сто обжоръ, не вѣдая бесѣды,
Жуютъ и спятъ. Къ чему такой садомъ?
Хотите-ли, чтобъ умъ, воображенье
Привелъ обѣдъ въ счастливое броженье,
Чтобъ духъ игралъ съ играющимъ виномъ,
Какъ знатоки Эллады завѣщали?
Старайтеся, чтобъ гости за столомъ,
Не менѣе Каменъ своимъ числомъ,
Числа Харитъ у васъ не превышали.

1835—42

CLXXI.

ЗВѢЗДЫ.

(Утренняя заря 1840 г. стр. 226).

Мою звѣзду я знаю, знаю,
И мой бокалъ
Я наливаю, наливаю,
Какъ наливалъ.
Гоненьямъ рока, злобѣ свѣта
Смѣюся я:
Живетъ, не здѣсь, въ звѣздахъ Моэта
Душа моя!
Когда-жъ коснутся устъ прелестныхъ
Уста мои, —
Не нужно мнѣ ни звѣздъ небесныхъ
Ни звѣздъ Аи!

CLXXII.

ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.
Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла.
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Носитъ понтъ торговли грузъ,
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ Музъ!
Блеститъ зима дряхлѣющаго міра,
Блеститъ! Суровъ и блѣденъ человѣкъ,
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса. брега лазурныхъ рѣкъ.
Цвѣтетъ Парнасъ! Предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ.
Послѣдній сынъ аттической природы,
Возникъ Поэтъ; идетъ онъ и поетъ.

1835—42

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля;
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!
Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эолъ бурнопогодной,
Плодотворятъ онѣ сердца людей;
Живительнымъ дыханіемъ развита.
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита,
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.
И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Гордымъ сердцемъ покоримся
Думамъ робкимъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!
Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ. Персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но гордыя главы не преклонилъ.
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на земли уединенья нѣтъ!
Человѣку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И привѣтливо оно;
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ.
Оно шумитъ передъ скалой Левкада.
На ней пѣвецъ мятежный, думы полнъ,
Стоитъ. . въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала..... тѣнь Сафо!... пѣсни волнъ...

1835—42

Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой безполезный даръ!
И попрежнему блистаетъ
Хладной роскошію свѣтъ;
Серебритъ и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ.
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣке гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

CLXXIII.

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.
Гонитъ въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолѣтняго отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай.

CLXXIV.

НОВИНСКОЕ.

А. С. Пушкину.

Она, улыбкою своей,
Поэта въ жертвы пригласила,
Но не любовь отвѣтомъ ей,
Взоръ ясный думой осѣнила.
Нѣтъ, это былъ сей легкій сонъ,
Сей тонкій сонъ воображенья,
Что посылаетъ Аполлонъ
Не для любви, для вдохновенья.

1835—42

CLXXV.

ПРИМѢТЫ.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.
Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.
На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
Крутясь и подъемля щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала.
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.
Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

CLXXVI.

Всегда и въ пурпурѣ и въ златѣ,
Въ красѣ негаснущихъ страстей,
Ты не вздыхаешь объ утратѣ
Какой-то младости твоей.
И юныхъ Грацій ты прелестнѣй!
И твой закатъ пышнѣй чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

CLXXVII.

Увы! Творецъ не первыхъ силъ!
На двухъ статейкахъ утомилъ
Ты кой-какое дарованье!
Лишенный творческой мечты,

Уже въ жару нездравомъ ты
Коверкать сталъ правописанье!
Неаполь возмутилъ рыбарь
И, власть пріявъ, какъ мудрый царь,
Двѣнадцать дней онъ градомъ правилъ.
Но что-же? непривычный умъ,
Уставъ отъ вѣнценосныхъ думъ,
Его въ тринадцатый оставилъ!

CLXXVIII.

НЕДОНОСОКЪ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.
Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
Ивеселыми крылами
Ластюсь къ нимъ какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.
Но ненастье зареветъ,
И до облакъ сводъ небесный,
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный.
Бѣдный духъ! ничтожный духъ!
Дуновенье роковое
Вьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.
Бури грохотъ, бури свистъ!
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій!
Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянуся-ли на землю:
Грозно, черно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.

1835—42

Смутно слышу я порой
Кличъ враждующихъ народовъ,
Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачъ недужнаго младенца...
Слезы льются изъ очей:
Жаль земнаго поселенца!
Изнывающій тоской
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ,
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ—скорби тѣсныхъ!
Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся, чуждъ земного края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.
Міръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

CLXXIX.

АЛКИВІАДЪ.

блокотясь передъ мѣдью, образъ его отражавшей,
Дланью слегка приподнявъ кудри златыя чела,
)ный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ и, смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали перстомъ;
ѣвы, тайно любуясь челомъ благородно-открытымъ,
Нехотя взоръ отводя, хмурили брови свои.
нъ-же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣди глядясь, а въ грядущемъ,
умалъ: къ лицу-ли ему будетъ лавровый вѣнокъ?

CLXXX.

РОПОТЪ.

раснаго лѣта отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то къ лицу, то къ перстамъ?
то одарилъ тебя жаломъ, властнымъ прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцѣлуй?
ы изъ мечтателя мирнаго, нѣгъ Европейскихъ питомца,
Дикаго Скифа творишь, жаднаго смерти врага.

1835—42

CLXXXI.

МУДРЕЦУ.

Тщетно межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей: покой
Намъ, изволеньемъ Зевеса брошеннымъ въ міръ коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно.
Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ.
Міра невѣжда, младенецъ, какъ-будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель!

CLXXXII.

Филида съ каждою зимою,
Зимою новою своей,
Пугаетъ большей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей,
И, Афродита гробовая,
Подходитъ, словно къ ложу сна,
За ризой ризу опуская,
Къ одру послѣднему она.

CLXXXIII.

БОКАЛЪ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты, мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ...
Ты не встрѣченъ братьей шумной,
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной,
Я сегодня пью одинъ.
Чѣмъ душа моя богата,
Все твое, о другъ Ан!
Нынѣ мысль моя не сжата,
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково-оживленной,
Разногласною толпой.
Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;

1824—35

Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
На смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ,
Изліяньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!
Вотъ теперь со мной бесѣдуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповѣдуй,
Иль отравы бытія;
Серцу милыя преданья
Благодатно оживи,
Или прошлыя страданья
Мнѣ на память призови!
О, бокалъ уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья,
Словно чашей круговой:
Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней,
Иль небесныя мечты.
И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму, пророкъ
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ безплодномъ развлеченьи
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеньи
Мгла падетъ съ его очей!

CLXXXIV.

Были бури, непогоды,
Да младые были годы!
Въ день ненастный, часъ гнетущій,
Грудь подыметъ вздохъ могучій;
Бойкой пѣснью разольется:
Скорбь-невзгода распоется!
А какъ вѣкъ-то, вѣкъ-то старой
Обручится съ лютой карой,
Грузъ двойной съ груди удалой
Ужъ не сброситъ вздохъ удалой;
Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ!

1835—42

CLXXXV.

Па что вы дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.
Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!
И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно
Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня!

CLXXXVI.

А Х И Л Л Ъ.

Влага Стикса закалила
Дикой силы полноту,
И кипящаго Ахилла
Бою древнему явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.
Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли долею своей
Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?
Омовенъ ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ.
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ!

CLXXXVII.

Сначала мысль, воплощена
Въ поэму сжатую Поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она

Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена
Въ свободной прозѣ романиста;
Болтунья старая затѣмъ
Она, подъемля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

CLXXXVIII.

Еще какъ патріархъ не древенъ я; моей
Главы не умастилъ таинственный елей;
Неносвященныхъ рукъ бездарно возложенье.
И я даю тебѣ мое благословенье
Во знаменьи иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою главой склонись, о ты,
Подобіе цвѣтовъ царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

CLXXXIX.

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грезъ, дѣтей волшебной тьмы,
Видѣній дня боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.
Ощупай возмущенный мракъ:
Исчезнетъ, съ пустотой сольется
Тебя пугающій призракъ,
И заблужденью чувствъ твой ужасъ улыбнется.
О сынъ фантазіи! ты, благодатныхъ Фей
Счастливый баловень, и тамъ, въ заочномъ мірѣ
Веселый семьянинъ, привычный гость на пирѣ
Неосязаемыхъ властей!
Мужайся, не слабѣй душою
Передъ заботою земною:
Ей исполинскій видъ даетъ твоя мечта;
Коснися облака нетрепетной рукою, —
Исчезнетъ; а за нимъ опять передъ тобою
Обители духовъ откроются врата.

1835—42

CXC *).

Здравствуй, отрокъ сладкогласной!
Твой разсвѣтъ зарей прекрасной
Озаряетъ Аполлонъ!
Честь возникшему Піиту!
Малолѣтную Хариту
Ранней лирой тронулъ онъ.
Съ утра дней счастливъ и славенъ,
Кто тебѣ, мой мальчикъ, равенъ?
Только жавронокъ живой,
Чуткой грудію своею,
Съ первымъ солнцемъ, полный всею
Наступающей весной.

CXCI.

Что за звуки мимоходомъ
Ты поешь передъ народомъ,
Старецъ нищій и слѣпой!
И, какъ псовъ враждебныхъ стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издѣваясь надъ тобой.
А съ тобой издавна тѣсенъ
Былъ союзъ Камены пѣсенъ,
И бесѣдовалъ ты съ ней
Безымянной, роковою,
Съ дня какъ первый разъ тобою
Былъ услышанъ соловей.
Бѣдный старецъ! слышу чувство
Въ сильной пѣсни... Но искусство,
Старцевъ старѣе оно:
Эти радости, печали,
Музыкальныя скрижали
Выражаютъ ихъ давно!
Опрокинь-же свой треножникъ!
Ты избранникъ, не художникъ!
Попеченья Геній твой
Да отложитъ въ здѣшнемъ мірѣ:
Тамъ, быть можетъ, въ горнемъ клирѣ
Звученъ будетъ голосъ твой.

---

*) *Сыну своему Льву* Евг. по поводу первой его стихотворной этюды.

CXCII.

Все мысль, да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ;
Все тутъ, да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И смерть, и жизнь, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, органъ, кисть! счастливъ кто влекомъ
Къ нимъ чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная.

CXCIII.

СКУЛЬПТОРЪ.

Глубокій взоръ вперивъ на камень,
Художникъ Нимфу въ немъ прозрѣлъ
И пробѣжалъ по жиламъ пламень,
И къ ней онъ сердцемъ полетѣлъ.
Но безконечно вожделѣнной,
Уже онъ властвуетъ собой:
Неторопливой, постепенной
Рѣзецъ съ богини сокровенной
Кору снимаетъ за корой.
Въ заботѣ сладостно-туманной
Не часъ, не день, не годъ уйдетъ,
А съ предугаданной, желанной
Покровъ послѣдній не падетъ.
Покуда, страсть уразумѣя
Подъ лаской вкрадчивой рѣзца,
Отвѣтнымъ взоромъ Галатея
Не увлечетъ, желаньемъ рдѣя,
Къ побѣдѣ нѣги мудреца.

CXCIV.

ОСЕНЬ.

1.

И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ,
Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ,
И лучъ его, въ зерцалѣ зыбкомъ водъ,
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла вiется вкругъ холмовъ;
Росой затоплены равнины;

1835—42

Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубровъ,
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

2.

И вотъ Сентябрь! и вечеръ года къ намъ
Подходитъ. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эолъ,
Предъ нимъ помчится прахъ летучій;
Качаяся, завоетъ роща; долъ
Покроетъ листъ ея падучій;
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ запѣнится рѣка.

3.

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатыя воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ,
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразитъ.

4.

А между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ сбираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долинъ,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ.
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ,
Подъ тяжкой ношею скрипящихъ,
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

5.

Дни сельскаго, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпъ стучитъ, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся.

1835—42

Или зима! на строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага;
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага:
Съ семьей своей вкусить онъ безъ заботъ,
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

6.

А ты, когда вступаешь въ осень дней
Оратай жизненнаго поля,
И предъ тобой во благостынѣ всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды,
Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее сбираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты:

7.

Ты также-ли какъ земледѣлъ богатъ?
И ты какъ онъ съ надеждой сѣялъ;
И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ...
Любуйся-же, гордись воставшимъ имъ,
Считай твои пріобрѣтенья!..
Увы! къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

8.

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенныхъ искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушенъ.

1835—42

9.

Но если-бы негодованья крикъ,
Но еслибъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ,
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
Изаживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ!

10.

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!
Проси, сажай гостей своихъ за пиръ
Затѣйливый, замысловатый!
Что лакомству пророчитъ онъ утѣхъ!
Какимъ разнообразьемъ брашенъ
Блистаетъ онъ!.. Но вкусъ одинъ во всѣхъ,
И какъ могила людямъ страшенъ:
Садись одинъ и тризну соверши
По радостямъ земнымъ твоей души!

11.

Какое-же потомъ въ груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней
Послѣднее вихревращенье:
Пусть, въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ,
Умъ безполезный сердца трепетъ
Угомонитъ, и тщетныхъ жалобъ въ немъ
Удушитъ запоздалый лепетъ
И примешь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

12.

Иль, отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Цвѣтущій брегъ за мглою черной,
Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ
Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ

И бытія мятежнымъ голосамъ,
Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ,
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній не понятъ былъ тобой.

13.

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь, съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ:
Знай, внутренней своей во вѣки ты
Не передашь земному звуку
И легкихъ чадъ житейской суеты
Не посвятишь въ свою науку:
Знай, горняя, иль дольная она
Намъ на землѣ не для земли дана.

14.

Вотъ буйственно несется ураганъ,
И лѣсъ подъемлетъ говоръ шумной,
И пѣнится, и ходитъ Океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Такъ иногда толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,
И звучный отзывъ въ ней находитъ;
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
Что страстное земное перешолъ.

15.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вспять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
Пусть замѣнитъ ее другая:
Не явствуетъ землѣ ущербъ одной,
Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекій вой,
Равно какъ въ высотахъ Эфира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ.

16.

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми клѣсами обилья,

Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы годины бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.

CXCV.

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людскихъ предъ нами обнажившій
Двѣ области: сіянія и тьмы
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикій смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намекъ.

CXCVI.

Р И Ф М А.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
На стогнахъ Греческихъ недавнихъ городовъ,
Онъ пѣлъ, питомецъ Музъ, онъ пѣлъ среди валовъ
Народа жаднаго восторговъ мусикійскихъ:
Въ немъ вѣра полная въ сочувствіе жила.
Свободнымъ и широкимъ метромъ,
Какъ жатва, зыблемая вѣтромъ,
Его гармонія текла.
Толпа вниманіемъ окована была
Пока, могучимъ сотрясеньемъ
Вдругъ побѣжденная, плескала безъ конца
И струны звучныя пѣвца
Дарила новымъ вдохновеньемъ.
Когда на Греческій амвонъ,
Когда на Римскую трибуну
Ораторъ восходилъ, и славословилъ онъ,
Или оплакивалъ народную Фортуну,
И устремлялися всѣ взоры на него,
И силой слова своего
Витія властвовалъ народнымъ произволомъ:

Онъ зналъ, кто онъ; онъ вѣдать могъ,
Какой могучій правитъ Богъ
Его торжественнымъ глаголомъ.
Но нашей мысли торжищъ нѣтъ,
Но нашей мысли нѣтъ форума!..
Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ,
Высокъ полетъ его иль нѣтъ,
Велика-ль творческая дума?
Самъ судія и подсудимый,
Скажи: твой безпокойный жаръ —
Смѣшной недугъ иль высшій даръ,
Рѣши вопросъ неразрѣшимый.
Среди безжизненнаго сна,
Средь гробового хлада свѣта,
Своею ласкою поэта
Ты, Рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, съ роднаго брега,
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

1842—1843.

CXCVII.

С. Н. КАРАМЗИНОЙ.

(При посылкѣ Сумерекъ).

Сближеньемъ съ вами, на мгновенье,
Я очутился въ той странѣ,
Гдѣ, въ оны дни, воображенье
Такъ сладко, складно лгало мнѣ.
На умъ, на сердце мнѣ излили
Вы благодатныя струи,
И чудотворно превратили
Въ день ясный сумерки мои.

1842—43

CXCVIII

НА СМЕРТЬ ЛЕРМОНТОВА. *)

Когда твой голосъ, о Поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановитъ,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловитъ;
Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронетъ?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонетъ,
И тихій гробъ твой посѣтитъ,
И надъ умолкшей Аонидой
Рыдая пепелъ твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой?
Никто! но сложится пѣвцу
Канонъ намеднишнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ,

CXCIX.

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужъ пилъ Летійскія струи;
Слегка сѣдѣющій мой волосъ
Любилъ за право на покой;
Но вотъ къ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветъ и будитъ мой.
Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,
Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей!

---

*) Стихотвореніе это напечатано впервые съ другими въ Современник 1854 г. и въ примѣчаніи къ нимъ знаменитый беллетристъ Иванъ Серг. Тур гепевъ говорилъ слѣдующее: «Кромѣ дозволенія напечатать эти стихотворенія я получилъ отъ г-жи Баратынской небольшое, но драгоцѣнное, собраніе писем ея покойнаго мужа къ ней, и Пушкину и др. и также нѣсколько писемъ Дель вига къ Баратынскому. Письма эти, вмѣстѣ съ небольшой вступительной ста тьей, также назначены мною въ вашъ журналъ, но прежде чѣмъ посылать их вамъ я рѣшаюсь обратится съ просьбой ко всѣмъ друзьямъ и пріятелям Баратынскимъ: не захотятъ ли тѣ изъ нихъ, у которыхъ находятся его пись ма, прислать ихъ мнѣ въ копіяхъ, для пріобщенья къ собранія писемъ, пору ченному мнѣ лѣстной довѣренностн г-жи Баратынской. Однако изданіе это не состоялось.

1842—43

Спасибо! молодость вторую,
И человѣческимъ сынамъ
Досель безвѣстную, пирую
Я въ зависть Флакку, въ славу вамъ.

CC.

Люблю я васъ, богини пѣнья,
Но вашъ чарующій находъ,
Сей сладкій трепетъ вдохновенья—
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.
Любовь Каменъ съ враждой Фортуны—
Одно. Молчу! Боюся я,
Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили-бы перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.
И отрываюсь, полный муки,
Отъ Музы ласковой ко мнѣ
И говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

CCI.

НА ПОСѢВЪ ЛѢСА.

Опять весна, опять смѣется лугъ,
И веселъ лѣсъ своей младой одеждой,
И поселянъ неутомимый плугъ
Браздитъ поля съ покорствомъ и надеждой.
Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей,
Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды,
Ужъ дольный міръ уходитъ отъ очей,
Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды.
Ужъ та зима главу мою сребритъ,
Что̀ грѣетъ сѣвъ для будущаго міра,
Но прагъ земли не перешелъ піитъ,
Къ ея сынамъ еще взываетъ лира.
Великъ Господь! Онъ милосердъ, но правъ.
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья;
Прощаетъ Онъ безумію забавъ,
Но никогда пирамъ злоумышленья.
Кого измялъ души моей порывъ,
Тотъ вызвать могъ меня на бой кровавой,
Но подо мной, сокрытой ровъ изрывъ,
Свои рога вѣнчалъ онъ грозной славой!
Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,

1842—43

Любилъ, ласкалъ ихъ, пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.
Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
Да хрящъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елѣй, дубовъ и сосенъ.
И пусть! Простяся съ лирою моей,
Я вѣрую: ее замѣнятъ эти
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти.

CCII.

МОЛИТВА.

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

1844.

CCIII.

Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ *).

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя—
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.
Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою:
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
Я приникалъ главой моей мятежной,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

CCIV.

ПИРОСКАФЪ.

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны
Вотъ надъ кормою сталъ капитанъ.
Визгнулъ свистокъ его. Братствуя съ паромъ,

*) Супругѣ поэта.

Вѣтру нашъ парусъ раздался не даромъ;
Пѣнясь глубоко вздохнулъ океанъ!
Мчимся: колеса могучей машины
Роютъ волнистое лоно пучины,
Парусъ надулся. Берегъ исчезъ.
Наединѣ мы съ морскими волнами,
Только что чайка вьется за нами
Бѣлая, рѣя межъ водъ и небесъ.
Только вдали, океана жилица,
Чайкѣ подобна, водъ его птица.
Парусъ развивъ какъ большое крыло,
Съ бурной стихіей въ томительномъ спорѣ,
Лодка рыбачья качается въ морѣ:
Съ брегомъ набрежное скрылось, ушло!
Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!
Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога:
Жадныя длани я къ ней простиралъ!
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадитъ меня немочь морская:
Пѣною здравья брызжетъ мнѣ валъ!
Нужды нѣтъ: близко-ль, далеко-ль до брега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Ѳетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной!

CCV.

ДЯДЬКѢ-ИТАЛЬЯНЦУ *).

Бѣглецъ Италіи, Жьячинто дядька мой,
Янтарный виноградъ, лимонъ ея златой
Тревожно бросившій, корыстью уязвленный,
И въ край, суровый край, снѣгами покровенный,
Приставшій съ выборомъ загадочныхъ картинъ,
Гдѣ что-то различалъ и видѣлъ ты одинъ—

*) Жьячинто Боргезе.

Прости нашъ здравый смыслъ: прости мы, та изъ націй.
Гдѣ брату вашему всѣхъ меньше спекуляцій.
Никто ихъ не купилъ. Вздохнувъ, оставилъ ты
Въ глушь Сѣвера тебя привлекшія мечты;
За то воскресъ въ тебѣ сей умъ, на все пригодный,
Твой Итальянскій умъ, и съ нашимъ очень сходный.
Ты счастливъ былъ, когда тебѣ коё-что далъ
Почтенный для тебя богатый генералъ,
Чтобъ, въ силу строгаго съ тобою договора,
Ты далъ мнѣ благодать не русскаго надзора.
Благодаря боговъ, съ тобой за этимъ въ слѣдъ,
Другъ другу не были мы чужды двадцать лѣтъ.
Москва насъ приняла, разставшихся съ деревней.
Ты былъ вожатый мой въ столицѣ нашей древней.
Всѣхъ макаронщиковъ тогда узналъ я въ ней,
Ментора моего полуденныхъ друзей.
Увы! оставивъ тамъ могилу дорогую,
Опять увидѣли мы вотчину степную,
Гдѣ волею небесъ узналъ я бытіе,
О сынъ Авзоніи, для бурь, какъ ты свое;
Но гдѣ, вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кровъ обрѣлъ, и позже гробъ спокойной.
Ты полюбилъ тебя презрѣвшую семью
И, съ жизнію ея сливая жизнь свою.
Ея событьями въ глуши чужого края
Былого своего преданья заглушая,
Безропотно сносилъ морозы нашихъ зимъ;
Въ нашъ краткій лѣтній жаръ, тобою былъ любимъ
Оврагъ подъ сѣнію дубовъ прохладовѣйныхъ.
Участникъ нашихъ слезъ и праздниковъ семейныхъ,
Въ дни траура главой сѣдой ты поникалъ;
Но ускорялъ шаги и членами дрожалъ,
Какъ въ утро зимнее, порой, съ предѣловъ свѣта,
Питомца твоего, недавняго корнета,
Къ колѣнамъ матери кибитка принесетъ,
И скорбный взоръ ея минутно оживетъ.
Но что! Радушному предѣлу благодарной,
Нѣтъ! ты не забывалъ отчизны лучезарной!
Везувій, Колизей; гротъ Капри, храмъ Петра,
Имѣлъ ты на устахъ отъ утра до утра,
Именовалъ ты намъ и Принцевъ и Прелатовъ
Земли, гдѣ зрѣлъ дивясь Суворовскихъ солдатовъ,
Входящихъ (вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,
Что, по твоимъ словамъ, со стогновъ гонятъ псовъ)

1844

Въ густой пыли побѣдъ, въ грозѣ небритыхъ бородъ,
Рядами стройными въ классическій твой городъ;
Земли, гдѣ годъ спустя, тебѣ предсталъ и онъ,
Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ,
Минутный Царь Царей, но дивный Кондотьери,
Ужъ зиждущій свои гигантскія потери.
Скрывая власти гладъ, тогда морочилъ васъ
Онъ звонкой пустотой революціонныхъ фразъ.
Народъ ему зажегъ привѣтственныя плошки;
Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки,
Которыя, среди блестящихъ общихъ грезъ,
Ты контрибуціи назначенной принесъ:
Едва ты узнику печальному Британца
Простилъ военную систему Корсиканца.
Что на твоемъ вѣку, толь благо, то-ли зло
Возникло, при тебѣ въ преданье перошло:
Въ Альпійскихъ молніяхъ, пріемлемый опалой,
Свой ратоборный духъ, на битвѣ не усталой,
Въ картечи эпиграммъ Суворовъ испустилъ
Злодѣй твой на скалѣ пустынной опочилъ;
Ты самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянныя дѣти;
Когда, свидѣтели превратностей судьбы,
Они, глубокій взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждыя за жизненною чашей,
На Итальянскій гробъ въ оградѣ церкви нашей.
А я, я, съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей,
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей!
Во славѣ солнечной Неаполь твой нагорной,
Въ парахъ пурпуровыхъ и въ зелени узорной,
Неувядаемой,—амфитеатръ дворцовъ
Надъ яркой пеленой лазоревыхъ валовъ;
И Цицероновъ домъ, и злачную пещеру,
Священную поднесъ Камены суевѣру;
Гдѣ спитъ великій прахъ властителя стиховъ,
Того, кто въ сей землѣ волкановъ и цвѣтовъ,
И ужасовъ и нѣгъ, взлелѣялъ Эпопею,
Гдѣ въ мракѣ тартара открылъ онъ путь Энею,
Явилъ его очамъ чудесный садъ утѣхъ,
Обитель сладкую тѣней блаженныхъ тѣхъ,
Что, крѣпки въ опытахъ земного треволненья,
Сподобились вкусить эвирныхъ струй забвенья.
Неаполь! До него среди садовъ твоихъ
Сердца мятежныя отыскивали ихъ.

1844

Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы
Пріюты отдыховъ и Марія и Силлы.
И кто, безчувственный, среди твоихъ красотъ,
Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсъ, иль гротъ,
Гдѣ-бъ скрылся (не на часъ, какъ эти полубоги,
Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги),
Но чтобъ незримо слить въ безсмыслiи златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.
И въ сей Италіи, гдѣ все—каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безымянный листъ такъ преданно обликъ
Давно изъ Божества разжалованный ликъ,
Потомъ съ чела его повиснулъ полусонно:—
Все беззаботному дыханью благосклонно,
Ужиться ты не могъ, и, помня сладкій югъ,
Духъ предалъ строгому дыханью нашихъ вьюгъ;
Не сѣтуя о томъ, что за предѣлы міра
Онъ улетѣть-бы могъ на крыліяхъ Зефира!
О тайны душъ! межъ тѣмъ какъ сумрачный поэтъ,
Дитя Британіи, влачившій столько лѣтъ
По знойнымъ берегамъ груди своей отравы,
У миртовъ, у оливъ, у моря и у лавы,
Молилъ разсѣянья отъ думы роковой,
Владѣющей его измученной душой,
Напрасно! (устъ его, какъ древле устъ Тантала,
Струя желанная насмѣшливо бѣжала!)—
Миръ сердцу твоему далъ пасмурный навѣсъ,
Мятелью полгода скрываемыхъ небесъ,
Отчизна тощихъ мховъ, степей и древъ иглистыхъ!
О спи! безгрезно спи въ предѣлахъ нашихъ льдистыхъ.
Лелѣй по своему твой подземельный сонъ,
Нашъ бурнодышущій, полночный Аквилонъ,
Не хуже вѣющій забвеньемъ и покоемъ,
Чѣмъ вздохи южные съ душистымъ ихъ упоемъ.

POST SCRIPTUM

отъ редактора изданія.

Когда уже печатались послѣдніе листы настоящаго тома, нами было получено изданіе сочиненій Баратынскаго кіевскаго книгопродавца Іогансона, но и это изданіе равно какъ и изданія: г-жи Павловой и г-на Суворина составляютъ перепечатку лишь старыхъ изданій.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Томъ второй.

ПОЭМЫ.

ПИРЫ.

Друзья мои! я видѣлъ свѣтъ,
На все взглянулъ я вѣрнымъ окомъ.
Душа полна была суетъ,
И долго плылъ я общимъ токомъ...
Безумству долгъ мой заплачонъ,
Мнѣ что-то взоры прояснило;
Но, какъ премудрый Соломонъ,
Я не скажу: все въ мірѣ сонъ!
Не все мнѣ въ мірѣ измѣнило.
Бывалъ обманутъ сердцемъ я,
Бывалъ обманутъ я разсудкомъ;
Но никогда еще, друзья,
Обманутъ не былъ я желудкомъ.
Признаться каждый долженъ въ томъ,
Любовникъ, иль поэтъ, иль воинъ:
Лишь беззаботный гастрономъ
Названья мудраго достоинъ.
Хвала и честь его уму!
Дарами нужными ему
Земля усѣяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чуждъ,
Среди веселостей вседневныхъ,
Не знаетъ онъ душевныхъ нуждъ,
Не знаетъ онъ и мукъ душевныхъ.
Трудясь надъ смѣсью риѳмъ и словъ,
Поэты наши чуть не плачутъ;
Своихъ почтительныхъ рабовъ
Порой красавицы дурачутъ;
Иной храбрецъ, въ отцовскій домъ
Явясь уродомъ съ поля славы,
Подозрѣвалъ себя глупцомъ:

О богъ стола, о добрый Комъ,
Въ твоихъ утѣхахъ нѣтъ отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей;
Служить любви еще прекраснѣй,
Пріятно драться; но ей-ей,
Друзья, обѣдать безопаснѣй:
Какъ не любить родной Москвы!
Но въ ней не градъ первопрестольной,
Не золоченыя главы,
Не гулъ потѣхи колокольной,
Не сплетни вѣстницы-молвы
Мой умъ плѣнили своевольной.
Я въ ней люблю весельчаковъ,
Люблю роскошное довольство
Ихъ продолжительныхъ пировъ,
Богатой знати хлѣбосольство
И дарованья поваровъ.
Тамъ прямо веселы бесѣды,
Вполнѣ уваженъ хлѣбосолъ,
Вполнѣ торжественны обѣды,
Вполнѣ богатъ и лакомъ столъ.
Ужъ онъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ
И беззаботными гостями
Съ благоговѣньемъ окруженъ.
Еще не сѣли; всѣ въ молчаньи,
И каждый гость вблизи стола
Съ веселой ясностью чела
Стоитъ въ роскошномъ ожиданьи.
И сквозь прозрачный легкій паръ
Сіяютъ лакомыя блюды,
Златыхъ плодовъ, десерта груды...
Зачѣмъ удѣлъ мой слабый даръ!
Но такъ весной ряды кургановъ,
При пробужденныхъ небесахъ,
Сіяютъ въ пурпурныхъ лучахъ
Подъ дымомъ утреннихъ тумановъ.
Садятся гости. Графъ и князь,
Въ застольномъ дѣлѣ всѣ удалы,
И осушаютъ не лѣнясь
Свои широкіе бокалы:
Они веселье въ сердце льютъ
Они смягчаютъ злые толки;

Друзья мои, гдѣ гости пьютъ,
Тамъ рѣчи вздорны, но не колки.
И начался чудеса:
Смѣшались быстро голоса;
Собранье глухо зашумѣло;
Своихъ собакъ, своихъ друзей,
Пѣвцовъ, героевъ хвалятъ смѣло.
Вино разнѣжило гостей
И даже умъ ихъ разогрѣло.
Тутъ все торжественно встаетъ,
И каждый гость, какъ мужъ толковой,
Узнать въ гостиную идетъ,
Чему смѣялся онъ въ столовой.
Межъ тѣмъ однимъ-ли богачамъ
Доступны праздничныя чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступятъ ихъ пирамъ.
Въ углу безвѣстномъ Петрограда,
Въ тѣни древесъ, во мракѣ сада,
Тотъ домикъ помните-ль, друзья,
Гдѣ наша вѣрная семья,
Оставя скуку за порогомъ,
Соединялась въ шумный кругъ
И безъ чиновъ съ румянымъ богомъ
Дѣлила радостный досугъ?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блестки острыхъ словъ,
И вѣки сердце проживало
Въ немного пламенныхъ часовъ.
Столъ покрывала ткань простая;
Не восхищалися на немъ
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоцѣннымъ хрусталемъ:
И между тѣмъ сынамъ веселья
Въ стекло простое богъ похмѣлья
Лилъ черезъ край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звѣздящаяся влага
Не даромъ взоры веселитъ:
Въ ней укрывается отвага,
Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ игрѣ своей не терпитъ плѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,

Подобье жизни молодой.
Мы въ ней заботы потопляли,
И средь восторженныхъ затѣй
Пѣвцы, пируя, восклицали:
Слѣпая чернь благоговѣй!
Любви слѣпой, любви безумной
Тоску въ душѣ моей тая,
Насилу, милые друзья,
Дѣлить восторгъ бесѣды шумной
Тогда осмѣливался я.
Что потакать мечтѣ унылой,
Кричали вы, смѣлѣе пей!
Развеселись товарищъ милой,
Для насъ живи, забудь о ней!
Вздохнувъ, разсѣянно послушной,
Я пилъ съ улыбкой равнодушной;
Свѣтлѣла мрачная мечта,
Толпой скрывалися печали,
И задрожавшія уста,
«Богъ съ ней!» невнятно лепетали.
И гдѣ-жъ измѣнница-любовь?
Ахъ, въ ней и грусть—очарованье!
Я испытать желалъ-бы вновь
Ея знакомое страданье!
И гдѣ-жъ вы, рѣзвые друзья,
Вы, кѣмъ жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой:
И каждый съ ропотомъ вздохнулъ
И брату руку протянулъ
И вдаль побрелъ своей дорогой;
И каждый въ горести нѣмой,
Быть можетъ, праздною мечтой
Теперь былое пролетаетъ,
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминаетъ.
О если-бъ, теплою мольбой
Обезоруживъ гнѣвъ судьбины,
Перенестись отъ скалъ чужбины
Мнѣ можно было въ край родной!
(Мечтать позволено Поэту).
У водъ домашняго ручья
Друзей, разбросанныхъ по свѣту,
Соединилъ-бы снова я.
Дубравой темной осѣненной,

Родной отцамъ моихъ отцовъ,
Мой домъ, свидѣтель двухъ вѣковъ,
Поникнулъ кровлею смиренной.
За много лѣтъ до нашихъ дней
Тамъ въ чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И съ ними шумно пировали...
Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты Дельвигъ мой,
Мой братъ по Музамъ и по лѣни,
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой.
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья.
Слѣпой владычицей суетъ
Отъ колыбели позабытый,
Чѣмъ угоститъ анахоретъ,
Въ смиренной хижинѣ укрытый?
Его пустынничій обѣдъ
Не будетъ лакомый, но сытый.
Веселый будетъ-ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,
И дни и годы пролетѣли,
И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцемъ ни владѣло,
Подобно утреннему сну,
Все измѣнило, улетѣло!
Увы! на память намъ придутъ
Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
Что на Парнасѣ берегутъ
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ;
Плоды счастливаго забвенья,

Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья...
Не обрѣсти замѣны имъ!
Чему-же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ безжизненныя лѣта
Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
Пускай на вѣкъ исчезла младость,
Пируйте, други: стукомъ чашъ
Авось приманенная радость
Еще заглянетъ въ уголъ нашъ.

Э Д А.

Э Д А. *)

Чего робѣешь ты при мнѣ,
Другъ милый мой, малютка Эда?
За что, за что наединѣ
Тебѣ страшна моя бесѣда?
Вѣрь, не коваренъ я душой;
Тамъ, далеко, въ странѣ родной,
Сестру я добрую имѣю,
Сестру чудесной красоты:
Я нѣжно, нѣжно друженъ съ нею,
И на нее похожа ты.
Давно... что дѣлать?.. но такая
Ужъ наша доля полковая!
Давно я, Эда, не видалъ
Родного счастливаго края,
Сестры моей не цѣловалъ!
Лицомъ она, будь сердцемъ ею;
Мечтѣ моей не измѣни
И мнѣ любовію твоею
Ея любовь напомяни!
Мила ты мнѣ. Веселье, муку,
Все жажду я дѣлить съ тобой:
Не уходи, оставь мнѣ руку!
Довѣрься мнѣ, другъ милый мой!
Съ улыбкой вкрадчивой и льстивой,
Такъ говорилъ гусаръ красивой
Финляндкѣ Эдѣ. Русь была
Ему отчизной. Въ горы Фина
Его недавно завела
Полковъ бродячая судьбина.
Суровый край: его красамъ,

---

*) А. С. Пушкинъ по поводу поэмы Эда написалъ Баратынскому слѣдующее посланіе:

«Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя чухоночка, ей—ий,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ—прямой чухонецъ».

Пугаясь дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады;
Тамъ долъ очей не веселитъ;
Гранитной лавой онъ облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный;
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думы·
Не міра-ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?
Въ доселѣ счастливой глуши,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, красой души
Блистала Эда молодая.
Прекраснѣй не было въ горахъ:
Румянецъ нѣжный на щекахъ,
Летучій станъ, власы златые
Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
И очи блѣдно-голубые
Подобны финскимъ небесамъ.
День гаснулъ, скалы позлащал.
Предъ хижиной своей одна
Сидѣла дѣва молодая,
Лицомъ спокойна и ясна.
Подсѣлъ онъ скромно къ дѣвѣ скромной,
Завелъ онъ кротко съ нею рѣчь;
Ея не мыслила пресѣчь
Она въ задумчивости томной,
Внимала слабымъ сердцемъ ей.
Такъ роза первыхъ вешнихъ дней
Лучамъ невѣрнымъ довѣряетъ:
Почуя теплый вѣтерокъ,
Его любзаньямъ открываетъ
Благоуханный свой шипокъ,
И не предвидитъ хладъ суровый,
Мертвящій хладъ, дохнуть готовый.
Въ рукѣ гусара моего
Давно рука ея лежала:

Въ забвеньи сладкомъ у него
Она ея не отнимала.
Онъ къ сердцу бѣдную прижалъ:
Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ.
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ,
И наконецъ въ такихъ словахъ
Ему Финляндка отвѣчала:
«Ты мной давно уже любимъ:
Зачѣмъ-же нѣтъ? Ты добродушенъ,
Всегда заботливо послушенъ
Малѣйшимъ прихотямъ моимъ.
Онѣ докучливы бывали;
Меня ты любишь, вижу я:
Душа признательна моя.
Ты мнѣ любезенъ: не всегда-ли
Я угождать тебѣ спѣшу?
Я съ каждымъ утромъ приношу
Тебѣ цвѣты; я подарила
Тебѣ кольцо; всегда была
Твоимъ весельемъ весела;
Съ тобою грустнымъ я грустила.
Что-жъ? Я и въ этомъ погрѣшила:
Намъ строго, строго не велятъ
Дружиться съ вами. Говорятъ,
Что вѣроломны, злобны всѣ вы;
Что васъ бѣжать должны-бы дѣвы,
Что какъ-то губите вы насъ;
Что пропадешь, когда полюбишь:
И ты, я думала не разъ,
Ты, можетъ быть, меня погубишь?»
— «Я твой губитель, Эда? я?
Тогда пускай мнѣ казнь любую
Пошлетъ Небесный Судія!
Нѣтъ, нѣтъ я съ тѣмъ тебя цѣлую!»
— «На что? зачѣмъ? какой мнѣ стыдъ!»
Младая дѣва говоритъ
Ужъ поздно. Встать, бѣжать готова
Съ негодованіемъ она.
Но держитъ онъ. «Постой! два слова!
Постой! ты взорами сурова:
Уже-ль ты мной оскорблена?

О, нѣтъ, останься; мигъ забвенья,
Минуту шалости прости!»
— «Я не сержуся; но пусти!»
— «Твой взоръ исполненъ оскорбленья,—
И ты лицомъ не можешь лгать:
Позволь, позволь для примиренья
Тебя еще поцѣловать».
— «Оставь меня!»
— «Мой другъ прекрасной!
И за ребяческую блажь
Ты неизвѣстности ужасной
Меня безжалостно предашь!
И не поймешь мое страданье!
И такова любовь твоя!
Другъ милый мой, одно лобзанье,
Одно, иль ей не вѣрю я!»
И дѣва бѣдная вздохнула,
И милый ликъ свой, до того
Отвороченный отъ него,
Къ нему тихонько обернула.
Какъ онъ самимъ собой владѣлъ!
Съ какою медленностью томной,
И между тѣмъ какъ будто скромной,
Напечатлѣть онъ ей умѣлъ
Свой поцѣлуй! Какое чувство
Ей въ грудь младую влилъ онь имъ!
И лобызаніемъ такимъ
Владѣетъ хладное искусство!
Ахъ, Эда, Эда! Для чего
Такое долгое мгновенье
Во влажномъ пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Теперь полна въ душѣ своей
Желанья смутнаго заботой,
Ты освѣжительной дремотой
Ужъ не сомкнешь своихъ очей;
Слетятъ на ложе сновидѣнья,
Тебѣ безвѣстныя досель,
И долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.
На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла

И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристой,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ за горою долъ таится,
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ ѳиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшєбная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай, и въ долъ прекрасной
Не приходи, а сверхъ всего,
Бѣги гусара твоего!
Уже пустыня сномъ объята;
Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой,
Сливая свѣтъ багряный свой
Съ послѣднимъ пурпуромъ заката;
Двойная, трепетная тѣнь
Отъ черныхъ сосенъ возлегаетъ,
И ночь прозрачная смѣняетъ
Погасшій непримѣтно день.
Ужъ поздно. Дѣва молодая
Жарка ланитами, встаетъ
И молча, глазъ не подымая,
Въ свой уголъ медленно идетъ.
Была безпечна, весела
Когда-то добренькая Эда;
Одною Эдой и жила
Когда-то дѣвичья бесѣда;
Она привѣтно и свѣтло
Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи:
Что-жъ измѣнить ее могло?
Что-жъ это утро облекло
И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
Она разсѣянна, грустна;
Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
Какъ прежде, яснаго привѣта
Ни для кого во взорахъ нѣтъ;
Вопросы долго ждутъ отвѣта,
И часто страненъ сей отвѣтъ;
То жарки щеки, то безцвѣтны,

И, тайной горести плоды,
Нерѣдко свѣжіе слѣды
Горючихъ слезъ на нихъ замѣтны.
Бывало, слишкомъ зашалитъ
Неосторожный постоялецъ:
Она къ устамъ приставитъ палецъ,
Ему съ улыбкой имъ грозитъ.
Когда-же ей онъ подаритъ
Какой-нибудь нарядъ дешевой,
Финляндка дивной ей обновой
Похвастать къ матери бѣжитъ,
Межъ тѣмъ его благодаритъ
Веселымъ книксомъ. Шаловливо
На друга соннаго порой
Плеснетъ холодною водой
И убѣгаетъ торопливо,
И долго слышенъ громкій смѣхъ.
Ея трудовъ, ея утѣхъ,
Всегда въ товарищи малюткой
Бывалъ онъ призванъ съ милой шуткой.
Взойдетъ-ли утро, ночи-ль тѣнь
На усыпленны холмы ляжетъ:
Ему красотка добрый день
И добру ночь привѣтно скажетъ.
Гдѣ время то? При немъ она
Какой-то робостію нынѣ
Въ своихъ движеньяхъ смущена;
Веселыхъ шутокъ и вспоминѣ
Ужъ нѣтъ; незначущихъ рѣчей
Съ нимъ даже дѣва не заводитъ,
Какъ будто сталъ онъ недругъ ей;
За то порой съ его очей
Очей задумчивыхъ не сводитъ;
За то порой наединѣ
Къ груди гусара вся въ огнѣ
Бѣдняжка грудью припадаетъ,
И, страсти гибельной полна,
Сама уста свои она
Къ его лобзаньямъ обращаетъ;
А въ ночь безсонную одна,
Одна съ раскаяньемъ напраснымъ,
Сама волненіемъ ужаснымъ
Души своей устрашена,
Уныло шепчетъ: что со мною?

Мнѣ съ каждымъ днемъ грустнѣй, грустнѣй.
Ахъ гдѣ ты, миръ души моей!
Куда пойду я за тобою!
И слезы дѣтскія у ней
Невольно льются изъ очей.
Она была не безъ надзора.
Отецъ ея, крутой старикъ,
Отчасти въ сердце къ ней проникъ.
Онъ подозрительнаго взора
Съ несчастной дѣвы не сводилъ;
За нею слѣдомъ онъ бродилъ;
И подсмотрѣлъ-ли что такое,
Но только молодой шалунъ
Разъ видѣлъ, слышалъ, какъ ворчунъ
Взадъ и впередъ въ своемъ покоѣ
Ходилъ сердито; какъ потомъ
Ударилъ сильно кулакомъ
Онъ по столу, и Эдѣ бѣдной,
Предъ нимъ трепещущей и блѣдной,
Сказалъ рѣшительно: «Повѣрь,
Не сдобровать тебѣ съ гусаромъ!
Вы за углами съ нимъ недаромъ
Всегда встрѣчаетесь. Теперь
Ты рада слушать негодяя.
Худому выучитъ. Бѣда
Падетъ на дуру. Мнѣ тогда
Забота будетъ небольшая:
Кто мой обычай не порочь,
А потаскушка мнѣ не дочь».
Тихонько слезы отирая,
У грустной Эды: «Что ворчать?»
Сказала съ кротостію мать;
«У насъ смиренная такая
До сей поры была она.
И въ чемъ теперь ея вина?
Грѣшишь, бѣдняжку обижая«.
—«Да, молвилъ онъ, ласкай ее,
А я сказалъ уже свое».
День послѣ, въ комнаткѣ своей
Уже вечернею порою
Одна съ привычною тоскою
Сидѣла Эда. Передъ ней
Святая библія лежала.
На длань склоненная челомъ,

Она разсѣяннымъ перстомъ
Разсѣянно перебирала
Ея измятые листы
И въ дни сердечной чистоты
Невольной думой улетала.
Взошелъ онъ съ пасмурнымъ лицомъ,
Въ молчаньи сѣлъ, въ молчаньи руки
Сжалъ на груди своей крестомъ;
Примѣты скрытой, тяжкой муки:
Въ немъ все являло. Наконецъ
—«Долгъ отъ меня, сказалъ хитрецъ,
Съ тобою требуетъ разлуки.
Теперь услышать милый гласъ,
Увидѣть милыя мнѣ очи
Я прихожу въ послѣдній разъ;
Покроетъ землю сумракъ ночи
И навсегда разлучитъ насъ.
Виною твой отецъ суровой:
Его укоры слышалъ я;
Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ любовь моя
Не нанесетъ печали новой!
Прости!» Чуть дышуща, блѣдна,
Гусара слушала она.
«Что говоришь? Возможно-ль? Нынѣ?
И навсегда, любезный мой!..»
—Бѣгу отселѣ; но душой
Останусь въ милой мнѣ пустынѣ.
Съ тобою видѣть я любилъ
Потоки тѣ-же, тѣ-же горы;
Къ тому-же небу возводилъ
Съ небесной радостію взоры:
Съ тобой въ разлукѣ, свѣту дня
Уже не радовать меня!
Я волю далъ любви несчастной
И погубилъ, довѣрясь ей,
За мигъ летящій, мигъ прекрасной
Всю красоту грядущихъ дней.
Но слушай! Срокъ остался краткой:
Пугаяся ревнивыхъ глазъ,
Вездѣ преслѣдующихъ насъ,
Доселѣ мелькомъ и украдкой
Видались мы, моей мольбой
Не оскорбись. На разставанье
Позвсль, позволь имѣть съ тобой

Мнѣ безмятежное свиданье!
Лишь мраки ночи низойдутъ,
И сномъ глубокимъ до денницы
Отяжелѣлыя зеницы
Твои домашніе сомкнутъ,
Приду я къ тихому пріюту
Моей любезной: о, покинь
Дѣвичій страхъ и на минуту
Затворъ досадный отодвинь!
Прильну въ безмолвіи печальномъ
Къ твоимъ устамъ, о жизнь моя,
И въ лобызаніи прощальномъ
Тебѣ оставлю душу я!»
Прискорбно дѣва поглядѣла
На обольстителя; не смѣла,
Сама не зная почему,
Она довѣриться ему,
Бѣдою что-то ей грозило;
Какой-то страхъ въ нее проникъ;
Ей смутно сердце говорило,
Что не былъ простъ его языкъ.
Святая книга, какъ сначала,
Еще лежавшая предъ ней,
Ей долгъ ея напоминала.
Ко груди трепетной своей
Прижавъ ее: «Нѣтъ, нѣтъ, сказала,
Зачѣмъ со злобою такой
Играть моею простотой?
Иль мало было прегрѣшеній?
Еще-ль, еще-ль охотный слухъ
Склоню на голосъ искушеній?
Оставь меня, лукавый духъ!
Оствь безъ новыхъ угрызеній,»
Но вправду врагъ ему едва-ль
Не иомогалъ: съ такою силой
Излилъ онъ ропотъ свой, печаль
Столь горько выразилъ, что жаль
Гусара стало дѣвѣ милой:
И слезы падали у ней
Въ тяжелыхъ капляхъ изъ очей.
И въ то же время, то моленья,
То пѣни расточалъ хитрецъ.
«Что медлишь? Дороги мгновенья!»
Къ ней приступилъ онъ наконецъ.

Дай слово!»—«Всей душою тоскуя,
«Какое слово дать могу я?»
Сказала: «сжалься надо мной!
«Владѣю-ль я сама собой!
«И что я знаю!» Пылко, живо
Тутъ къ сердцу онъ ее прижалъ.
«Я буду, жди меня!» сказалъ,
Сказалъ и скрылся торопливо.
Уже и холмы и поля
Покрыты мраками густыми.
Смиренный ужинъ раздѣля
Съ неприхотливыми родными,
Взошла дѣвица въ уголъ свой;
На дверь задумчиво взглянула:
«Повѣрь, опасенъ гость ночной!»
Ей совѣсть робкая шепнула,
И дверь ея заложена.
Въ бумажки мягкія она
Златые кудри завернула,
Снять поспѣшила какъ нибудь
Дня одѣянія неловки,
Тяжелодышущую грудь
Освободила отъ шнуровки,
Легла и думала заснуть.
Ужъ поздно, полночь;но рѣсницы
Сонъ не смыкаетъ у дѣвицы:
«Стучаться будетъ онъ теперь.
Зачѣмъ задвинула я дверь?
Я своенравна въ самомъ дѣлѣ.
Пущу его: вѣдь мигъ со мной
Пробудетъ здѣсь любезный мой,
Потомъ навѣкъ уйдетъ отселѣ».
Такъ мнитъ ужъ дѣвица и вотъ
Съ одра тихохонько встаётъ,
Ко двери съ трепетомъ подходитъ,
И вотъ задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вотъ руку медленно отводитъ,
Вотъ приближаетъ руку вновь;
Желѣзо двинулось: вся кровь
Застыла въ дѣвушкѣ несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда-же чуждая рука
Дверь пошатнула: «Другъ прекрасной,

Не бойся, Эда, это я!»
И отъ смятенья духъ тая,
Полна невѣдомаго жара,
Дѣвица бѣдная моя
Уже въ объятіяхъ гусара.
Увы! досталась въ эту ночь
Ему желанная побѣда:
Чувствъ упоенныхъ превозмочь
Ты не могла, бѣдняжка Эда.
Заря багрянитъ сводъ небесъ.
Восторгъ обманчивый исчезъ;
Съ нимъ улетѣлъ и призракъ счастья.
Открылась бездна нищеты:
Слезами скорби платишь ты
Уже за слезы сладострастья!
Стыдясь пылающаго дня,
На краѣ ложа рокового
Сидишь ты, голову склоня.
Взгляни на друга молодого!
Внимай ему; нѣтъ, нѣтъ, съ тобой
Онъ не снесетъ разлуки злой;
Тебѣ всѣ дни его и ночи;
Отецъ его не устрашитъ:
Онъ подозрѣнья усыпитъ,
Обманетъ бдительныя очи;
Твой будетъ онъ, покуда живъ
Напрасно все; она не внемлетъ.
Очей на друга не подъемлетъ,
Уста безмолвныя раскрывъ,
Потупя въ землю взоръ незрящій:
Ей то же друга разговоръ,
Что вѣтръ безсмысленно свистящій
Среди ущелинъ Финскихъ горъ.
Не долго, дѣва красоты,
Предателя чуждалась ты,
Томяся грустью безотрадной!
Ты уступила сердцу вновь:
Простила нѣжная любовь
Любви коварной и нещадной.
Идетъ поспѣшно день за днемъ.
Гусару дѣва молодая
Уже покорствуетъ во всемъ.
За нимъ она, какъ лань ручная,
Повсюду ходитъ. То четой

Пріемлетъ ихъ въ полдневный зной
Густая сѣнь дубравы сонной,
То зазоветъ дремучій боръ,
То приглашаютъ гроты горъ
Въ свой сумракъ нѣги благосклонной;
Но чаще сходятся они
Въ долу сосѣдственномъ, глубокомъ;
Въ густой рябиновой сѣни,
Надъ быстро льющимся потокомъ,
Они садятся на траву.
Порой любовникъ въ томной лѣни
Послушной дѣвѣ на колѣни
Кладетъ безпечную главу
И легкимъ сномъ глаза смыкаетъ.
Духъ притаивъ, она внимаетъ
Дыханью друга своего;
Древесной вѣткой отвѣваетъ
Докучныхъ мошекъ отъ него.
Его волнистыми власами
Играетъ дѣтскими перстами.
Когда-жъ подымется луна,
И дикій край подъ ней задремлетъ,
Въ пріютъ укромный свой она
Къ себѣ на одръ его пріемлетъ.
Но дѣва нѣжная моя
Томится тайною тоскою.
Разъ обычайною порою
У водъ любимаго ручья
Они сидѣли молчаливо.
Любовникъ въ тихомъ забытьи
Глядѣлъ на свѣтлыя струи,
Предъ нимъ бѣгущія игриво.
Дорогой сорванный цвѣтокъ
Онъ какъ-то бросилъ въ быстрый токъ.
Вздохнула дѣва молодая;
На друга голову склоня,
«Такъ (прошептала) и меня,
Мигъ полелѣя, полаская,
Такъ на погибель бросишь ты!»
Уста незлобной красоты
Улыбкой милой улыбнулись,
Но скорбь взяла-таки свое:
И на рѣсницахъ у нее
Невольно слезы навернулись.

Она косынкою своей
Ихъ отерла и веселѣй
Глядѣть старалася на друга:
«Прости! Безумная тоска!
Сегодня жизнь моя сладка,
Сегодня я твоя подруга,
И завтра будешь ты со мной,
И день еще, и, статься можетъ,
Я до разлуки роковой
Не доживу, Господь поможетъ!»
Невинной нѣжностью не разъ
Она любовника смущала,
И сожалѣнье въ немъ подъ-часъ
И угрызенье пробуждала;
Но чаще, чаще онъ скучалъ
Ея любовію тоскливой
И мигъ разлуки призывалъ
Ужъ какъ свободы мигъ счастливой.
Не тщетно!
Буйный Шведъ опять
Не соблюдаетъ договоровъ:
Вновь хочетъ съ Русскимъ испытать
Неравный жребій бранныхъ споровъ.
Ужъ переходятъ за Кюмень
Передовыя ополченья:
Война, война! Грядущій день—
День рокового разлученья.
Нѣтъ слезъ у дѣвы молодой.
Мертва лицомъ, мертва душой,
На суету походныхъ сборовъ
Глядитъ она: всему конецъ!
На ней встревоженный хитрецъ
Остановить не смѣетъ взоровъ.
Сгустилась ночь. Въ глубокій сонъ
Все погрузилося. Унылой
Въ послѣдній разъ идетъ онъ къ милой,
Ей утѣшенья шепчетъ онъ,
Ее лобзаетъ онъ напрасно.
Внимаетъ, чувства лишена;
Даетъ лобзать себя она,
Но безотвѣтно, безучастно!
Мечтанья всѣ бѣжали прочь.
Они томительную ночь
Въ *безмолвной* горести проводятъ.

Ужъ въ путь зоветъ сіянье дня,
Уже ретиваго коня
Младому воину подводятъ,
Ужъ онъ садится. У дверей
Пустынной хижины своей
Она стоитъ, мутна очами.
Дѣвица бѣдная, прости!
Ужъ по далекому пути
Онъ поскакалъ. Ужъ за холмами
Не видѣнъ онъ твоимъ очамъ....
Согнувъ колѣна, къ небесамъ
Она сперва воздѣла руки,
За нимъ простерла ихъ потомъ
И въ прахъ поверглася лицомъ
Съ глухимъ стенаньемъ смертной муки
Сковалъ потоки зимній хладъ,
И надъ стремнинами своими
Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
Они горами ледяными.
Изъ-подъ одежды снѣговой,
Кой-гдѣ вставая головами,
Скалы чернѣютъ за скалами.
Во мглѣ волнистой и сѣдой
Исчезло небо. Зашумѣли,
Завыли зимнія мятели.
Что съ бѣдной дѣвицей моей?
Потухъ огонь ея очей;
Въ ней Эды прежней нѣтъ и тѣни:
Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
Но чужды слезы ей и пѣни.
Какъ небо зимнее блѣдна,
Въ молчаньи грусти безнадежной,
Сидитъ недвижно у окна,
Сидитъ, и бури вой мятежной
Уныло слушаетъ она,
Мечтая: «Нѣтъ со мною друга;
Ты мнѣ постылъ, печальный свѣтъ!
Конца дождусь-ли я, иль нѣтъ?
Когда, когда сметешь ты, вьюга,
Съ лица земли мой легкій слѣдъ?
Когда, когда на сонъ глубокій
Мнѣ дастъ могила свой пріютъ.
И на нее сугробъ высокій
Бушуя вѣтры нанесутъ?»

Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ,
Однообразные для взгляда;
Ихъ (межъ кустами чуть видна,
Изъ круглыхъ камней сложена)
Обходитъ низкая ограда.
Лежитъ уже давно за ней
Могила дѣвицы моей.
И кто теперь ее отыщетъ,
Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
Кругомъ все пусто, все молчитъ;
Порою только вѣтеръ свищетъ
И можжевельникъ шевелитъ.

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ

ТЕЛЕМА И МАКАРЪ.

СКАЗКА.

(Соч. Вольтера).

«Телема» по гречески значитъ—желаніе; «Макаръ»—счастіе

Непостоянна, своевольна,
Ничѣмъ Телема не довольна;
Всегда душа ея полна
Младенческаго безпокойства;
Любила толстяка она
Совсѣмъ инаго съ нею свойства:
Макаръ не тужитъ ни о чемъ,
Ему покой всего дороже;
Съ веселъемъ шумнымъ незнакомъ,
Онъ незнакомъ со скукой тоже;
Заснетъ онъ ночью крѣпкимъ сномъ,
Едва глаза свои зажмуритъ;
Поутру встанетъ молодцомъ,
День цѣлый послѣ балагуритъ.
Въ любви причудливой своей
Къ Макару, часто нестерпимой
Была Телема: милымъ ей
Хотѣлось быть боготворимой.
Однажды, чѣмъ-то оскорбясь,
Увлекшись живостью сердечной,
Въ упрекахъ горькихъ излилась
Предъ нимъ она. Макаръ безпечной
Покинулъ бѣдную смѣясь.
Безъ друга скучно и уныло
Тянулись дни. Изъ края въ край
За нимъ бѣжать она давай:
Жить безъ Макара тошно было.
Надежды вѣтренной полна,
Приходитъ ко Двору она.
Того-ли встрѣтитъ иль другого:
«Не здѣсь-ли милый мой дружокъ?
Макара нѣтъ-ли дорогого?»

Никто безъ хохота не могъ
Услышать имени такого.
—Какой Макаръ тобой любимъ?
Какъ разлучилася ты съ нимъ?
Что онъ, голубушка, за диво?—
Она въ отвѣтъ нетерпѣливо:
«Нѣтъ лучше друга моего;
Онъ добродушенъ, доброхотенъ,
Веселонравенъ, беззаботенъ,
Не ненавидитъ никого
И самъ никѣмъ не ненавидимъ».
—Ступай, отвѣтствовали ей,
Здѣсь нѣтъ его: такихъ людей
Мы при Дворѣ совсѣмъ не видимъ.—
Рѣшилась далѣе итти
Моя бѣглянка молодая;
Зашла въ обитель по пути,
Макара мирнаго найти
Въ сей мирной пристани мечтая.
Игуменъ ей: «Сказать-ли вамъ?
Его мы долго поджидали;
Но, признаюсь, по пустякамъ!
Пріютъ отъ бурь житейскихъ намъ
Въ замѣну стѣны наши дали».
Одинъ задумчивый чернецъ
Сказалъ вертушкѣ наконецъ:
«О чемъ вы слѣпо возмечтали?
Найдется-ль полно вашъ бѣглецъ?
На томъ онъ свѣтѣ, мы слыхали».
Телему набожный мудрецъ
Чуть не взбѣсилъ такимъ привѣтомъ.
«Его найду я, мой отецъ,
Не безпокойтеся объ этомъ.
Нѣтъ! о Макарѣ дорогомъ
Не понапрасну я тоскую:
Одна я жизнь ему дарую;
Не можетъ быть онъ въ мірѣ томъ
Когда я въ этомъ существую!»
«Но гдѣ-же встрѣчу друга я?»
Мечтаетъ странница моя.
«Въ столицѣ? что-же? не чудесно:
Между пѣвцами вѣрно онъ,
Которыми изображонъ
Онъ столь искусно и прелестно».

Одинъ изъ нихъ ей молвилъ такъ:
«Вы обманулися никакъ:
Не появлялся, къ сожалѣнью,
И между нами вашъ чудакъ;
Его поёмъ мы кое-какъ
По одному воображенью!
Вотъ магистратъ: она предъ нимъ
Глаза зажмурила и далѣ.
«О нѣтъ! съ возлюбленнымъ моимъ
Не встрѣчусь я въ судейской залѣ!
Тамъ нѣтъ его. Не спорю въ томъ,
Прельститься могъ-бы онъ Дворомъ:
Дворъ полонъ чуднаго угара:
Но за присутственнымъ столомъ
Въ вѣкъ не увижу я Макара».
Надѣясь друга повстрѣчать,
Телема стала навѣщать
Гулянья, зрѣлища столицы,
Ко всѣмъ заглядывала въ лица—
По пустякамъ! Приглашена
Въ дома блестящіе она,
Гдѣ тѣ счастливцы предсѣдаютъ,
Которыхъ свѣтскимъ языкомъ
Людьми съ утонченнымъ умомъ,
Людьми со вкусомъ называютъ:
Они привѣтливы лицомъ,
Рѣчами веселы, свободны,
И съ милымъ сердцу бѣглецомъ
Ей показались очень сходны.
Но чѣмъ съ Макаромъ дорогимъ
Похожѣй быть они старались,
Тѣмъ отъ прямого сходства съ нимъ
Они замѣтнѣй удалялись!
Тоска, печаль ее взяла;
Наскуча бѣгать по-пустому
Изъ мѣста въ мѣсто, побрела
Она тихохонько до дому.
Въ давно покинутый пріютъ
Приходитъ странница, и что-же?
Уже Макаръ съ улыбкой тутъ
Подругу ждалъ на брачномъ ложѣ:
«Со мною въ мирѣ и любви»,
Онъ молвилъ, «съ этихъ поръ живи;
Живи, о лишнемъ не тоскуя,

И коль разстаться вновь со мной
Не хочешь, нрава тишиной
Себѣ пріязнь мою даруя,
Отъ угожденья моего
Не требуй болѣе того,
Что я даю, что дать могу я».

БАЛЪ.

БАЛЪ *).

Глухая полночь. Строемъ длиннымъ,
Осеребренныя луной,
Стоятъ кареты на Тверской
Предъ домомъ пышнымъ и стариннымъ.
Пылаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Ревутъ смычки; толпа гостей,
Гулъ танца съ гуломъ разговоровъ.
Въ роскошныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Съ улыбкой мертвой на устахъ,
Обыкновенной рамой бала,
Старушки свѣтскія сидятъ
И на блестящій вихорь зала
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
Кружатся дамы молодыя,
Не чувствуютъ себя самихъ:
Драгими камнями у нихъ
Горятъ уборы головные;
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды легкія, какъ дымъ,
Ихъ легкій станъ обозначаютъ.
Вокругъ плѣнительныхъ харитъ
И суетится и кипитъ
Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
Толкуетъ, ловитъ каждый взглядъ
Шутя, несчастныхъ и счастливыхъ
Вертушки милыя творятъ.
Въ движеньи все. Горя добиться
Вниманья лестнаго красы,

*) По поводу поэмы «Балъ», появившейся въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», А. С. Пушкинъ писалъ: «Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый развитый сот amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи».

Гусаръ крутитъ свои усы,
Писатель чопорно острится,
И оба правы: говорятъ,
Что въ то же время можно дамамъ,
Мѣняя слѣва взглядъ на взглядъ,
Смѣяться справа эпиграммамъ.
Межъ тѣмъ и въ лентахъ, и въ звѣздахъ,
Порою, съ картами въ рукахъ,
Выходятъ важные бояре,
Вставъ изъ-за ломберныхъ столовъ,
Взглянуть на мчащіяся пары
Подъ гулъ порывистый смычковъ.
Но гости глухо зашумѣли,
Вся зала шопотомъ полна:
«Домой уѣхала она!
Вдругъ стало дурно ей». Ужели?
— Въ кадрили весело вертясь,
Вдругъ помертвѣла!—Что причиной?
Ахъ, Боже мой! скажите, князь,
Скажите, что̀ съ княгиней Ниной,
Женою вашею?—Богъ вѣсть,
Мигрень конечно!.. Въ сюрахъ шесть.
— Что съ ней, кузина? танцовали
Вы въ ближней парѣ, видѣлъ я?—
«Въ кругу пристойномъ не всегда-ли
Она какъ будто не своя?»
Злословье правду говорило.
Въ Москвѣ межъ умницъ и межъ дуръ,
Моей княгинѣ черезъ-чуръ
Слыть Пенелопой трудно было.
Презрѣнья къ мнѣнію полна,
Надъ добродѣтелію женской
Не насмѣхается-ль она,
Какъ надъ ужимкой деревенской?
Кого въ свой домъ она манитъ?
Не записныхъ-ли волокитъ,
Не новичковъ-ли миловидныхъ?
Не утомленъ-ли слухъ людей
Молвой побѣдъ ея безстыдныхъ
И соблазнительныхъ связей?
Но какъ влекла къ себѣ всесильно
Ея живая красота!
Чьи непорочныя уста
Такъ улыбалися умильно!

Какая-бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивыхъ
Своихъ лазоревыхъ очей
И свѣжести ланитъ стыдливыхъ
Не отдала-бы сей-же часъ
За яркій глянецъ черныхъ глазъ,
Облитыхъ влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланитъ!
Какая Феѣ самовластной
Не уступила-бъ изъ Харитъ!
Какъ въ близкихъ сердцу разговорахъ
Была плѣнительна она!
Какъ угодительно-нѣжна!
Какая ласковость во взорахъ
У ней сіяла! Но порой,
Ревнивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Какъ зла въ словахъ, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какія слезы изъ очей
Потомъ катилися у ней!
Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ:
Кто-бъ не отеръ ихъ у печали,
Кто-бъ не оставилъ красотѣ!
Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ! Жалокъ тотъ,
Кто въ сладкій чадъ его вступаетъ:
Ладью пловца водоворотъ
Такъ на погибель увлекаетъ!
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся Вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.
Такъ, не сочувствія прямого
Могуществомъ увлечена,
На грудь роскошную она
Звала счастливца молодого:
Онъ пересозданъ былъ на мигъ
Ея живымъ воображеньемъ;

Ей своенравный зрѣлся ликъ:
Она ласкала съ упоеньемъ
Одно видѣніе свое,
И гасла вдругъ мечта ее:
Она вдалась въ обманъ досадной,
Ея прельститель ей смѣшонъ,
И средь толпы Лаисѣ хладной
Ужъ не примѣтенъ будетъ онъ.
Въ часы томительные ночи,
Утѣхъ естественныхъ чужда,
Такъ чародѣйка иногда
Себѣ волшебствомъ тѣшитъ очи:
Надъ ней слились изъ облаковъ
Великолѣпные чертоги:
Она на тронѣ изъ цвѣтовъ,
Ей угождаютъ полу-боги.
На мигъ одинъ восхищена
Живымъ видѣніемъ она;
Но въ умъ приходитъ съ изумленьемъ,
Смѣется сердца забытью
И съ тьмой сливаетъ мановеньемъ
Мечту блестящую свою.
Чей образъ кисть нарисовала?
Увы! тѣ дни ужъ далеко,
Когда княгиня такъ легко
Воспламенялась, остывала!
Когда питомицѣ прямой
И Эпикура, и Нинопы,
Летучей прихоти одной
Ей были вѣдомы законы!
Посланникъ рока ей предсталъ:
Смущенный взоръ очаровалъ,
Поработилъ воображенье,
Сліялъ всѣ мысли въ мысль одну
И пролилъ страстное мученье
Въ глухую сердца глубину.
Красой изнѣженной Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій
Носилъ онъ на челѣ; въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ,
Усмѣшка праздная блуждала.

Онъ не задолго посѣщалъ
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья,
И снова родину узрѣлъ;
Но, видно, сердцу исцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣлъ.
Предсталъ онъ въ домъ моей Лапсы,
И остряковъ задорный полкъ
Не знаю какъ предъ нимъ умолкъ —
Главой поникли Адонисы.
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ;
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца,
И, сколько ни былъ хладно-сжатымъ
Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ души своей.
Неодолимо, какъ судьбина,
Не знаю, что въ игрѣ лица,
Въ движеньи каждомъ пришлеца,
Къ нему влекло тебя, о Нина!
Съ него ты не сводила глазъ...
Онъ былъ учтивъ, но хладенъ съ нею;
Ее смущалъ онъ много разъ
Улыбкой опытной своею;
Но, жрица давняя любви,
Она-ль не знала, какъ въ крови
Родить мятежное волненье,
Какъ въ чувства дикій жаръ вдохнуть!.
И всемогущее мгновенье
Его повергло къ ней на грудь.
Мои любовники дышали
Согласнымъ счастьемъ два-три дня;
Чрезъ день-другой потомъ они
Несходство въ чувствахъ показали.
Забвенья страстнаго полна,
Полна блаженства жизни новой,
Свободно, радостно она
Къ нему ласкалась; но суровой,
Унылой часто зрѣлся онъ:
Предъ нимъ леталъ мятежный сонъ;

Всегда разсѣянный, судьбину,
Казалось, въ чемъ-то онъ винилъ,
И, прижимая къ сердцу Нину,
Отъ Нины сердце онъ таилъ.
Неблагодарный! Имъ у Нины
Всѣ мысли были заняты:
Его любимые цвѣты,
Его любимыя картины
У ней являлися. Не разъ
Блистали новые уборы
Въ ея покояхъ, чтобъ на часъ
Ему прельстить, потѣшить взоры.
Былъ втайнѣ убранъ кабинетъ,
Гдѣ сладострастный полу-свѣтъ,
Богинь роскошныхъ изваянья,
Куреній сладкихъ легкій паръ,
Животворило всё желанья,
Вливало въ сердце томный жаръ.
Вотще! Онъ преданъ былъ печали.
Однажды (до того дошло)
У Нины вспыхнуло чело
И очи ярко заблистали.
Страстей противныхъ бѣглый споръ
Лицо явило. «Что съ тобою»,
Она сказала: «что твой взоръ
Все полонъ мрачною тоскою?
Досаду давнюю мою
Я болѣ въ сердцѣ не таю:
Печаль съ тобою неразлучна;
Стыжусь, но ясно вижу я:
Тебѣ тяжка, тебѣ докучна
Любовь безумная моя!
«Скажи, за что твое презрѣнье?
Скажи, въ сердечной глубинѣ
Ты не чувствителенъ ко мнѣ,
Иль недовѣрчивъ? Подозрѣнье
Я заслужила. Старины
Мнѣ тяжело воспоминанье:
Тогда всечасной новизны
Алкало у меня мечтанье;
Одинъ кумиръ на долгій срокъ
Поработить его не могъ;
Любовь сегодняшняя трудно
Жила до завтрашняго дня.

Мнѣ ввѣрить сердце безразсудно;
Ты правъ, но выслушай меня.
«Бѣги со мной: земля велика!
Чужбина скроетъ насъ легко,
И тамъ, безвѣстно, далеко,
Ты будешь полный мой владыка.
Ты мнѣ Италію порой
Хвалилъ съ блестящимъ увлеченьемъ;
Страну, любимую тобой,
Узнала я воображеньемъ:
Тамъ солнце пышно, тамъ луна
Восходитъ, сладости полна;
Тамъ вьются лозы винограда,
Шумятъ лавровые лѣса:
Туда, туда! съ тобой я рада
Забыть родныя небеса.
«Бѣги со мной! Ты безответенъ!
Отвѣтствуй, жребій мой рѣши.
Иль нѣтъ! зачѣмъ? Твоей души
Упорный холодъ мнѣ примѣтенъ:
Молчи же! не нуждаюсь я
Въ словахъ обманчивыхъ—довольно!
Любовь несчастная моя
Мнѣ свыше казнь... но больно, больно!..»
И зарыдала. Возмущенъ
Ея тоской: «Безумный сонъ
Тебя увлекъ», сказалъ Арсеній:
«Невольный мракъ души моей —
Слѣдъ прежнихъ, жалкихъ заблужденій
И прежнихъ гибельныхъ страстей.
«Его со временемъ разсѣетъ
Твоя волшебная любовь:
Нѣтъ не тревожься, если вновь
Тобой сомнѣнье овладѣетъ;
Моей печали не вини».
День послѣ, мирною четою
Сидѣли на софѣ они.
Княгиня томною рукою
Обняла друга своего
И прилегла къ плечу его.
На ближній столикъ, въ думѣ скрытной
Облокотясь, Арсеній нашъ
Межъ тѣмъ по карточкѣ визитной
Водилъ небрежный карандашъ.

Давно былъ вечеръ. Съ легкимъ трескомъ
Горѣли свѣчи на столѣ,
Кумировъ мраморъ, въ дальней мглѣ,
Кой-гдѣ блисталъ невѣрнымъ блескомъ,
Молчалъ Арсеній, Нина тожъ.
Вдругъ, тайнымъ чувствомъ увлеченный,
Онъ восклицаетъ: «Какъ похожъ!»
Проснулась Нина. «Другъ безцѣнный,
Похожъ! Ужели? мой портретъ!
Взглянуть позволь... Что-жъ это? Нѣтъ!
Не мой: жеманная дѣвчонка
Со сладкой глупостью въ глазахъ,
Въ кудряхъ мохнатыхъ, какъ болонка,
Съ улыбкой сонной на устахъ!
«Скажу, красавица такая
Меня затмила-бы совсѣмъ...»
Лицо княгини между тѣмъ
Покрыла блѣдность гробовая.
Ея дыханье отошло,
Уста застыли, посинѣли;
Увлажилъ хладный потъ чело;
Непомертвѣлые блестѣли
Глаза одни. Вѣщать хотѣлъ
Языкъ мятежный, но коснѣлъ:
Слова сливались въ лепетанье.
Мгновенье долгое прошло,
И наконецъ ея страданье
Свободный голосъ обрѣло:
«Арсеній, видишь, я мертвѣю;
Арсеній, дашь-ли мнѣ отвѣтъ?
Знакомъ ты съ ревностію?.. Нѣтъ?..
Такъ вѣдай, я знакома съ нею,
Я къ ней способна! Встарину,
Межъ многихъ рѣдкостей Востока,
Себѣ я выбрала одну...
Вотъ перстень... съ нимъ я выше рока!
Арсеній! мнѣ въ защиту данъ
Могучій этотъ талисманъ:
Знай, никакое злоключенье
Меня при немъ не устрашитъ.
Въ глазахъ твоихъ недоумѣнье,
Дивишься ты? Онъ ядъ таитъ».
У Нины руку взялъ Арсеній;
«*Спокойна* совѣсть у меня»,

Сказалъ, «но дожилъ я до дня
Тяжелыхъ сердцу откровеній.
Внимай-же мнѣ. Съ чего начну?
Не предавайся гнѣву, Нина!
Другой дышалъ я встарину:
Хотѣла то сама судьбина.
Росли мы вмѣстѣ. Какъ мила
Малютка Олинька была!
Ее мгновеньями иными
Еще я вижу предъ собой,
Съ очами темно-голубыми,
Съ темно-кудрявой головой.
«Я называлъ ее сестрою
Съ ней игры дѣтства я дѣлилъ;
Но годъ за годомъ уходилъ
Обыкновенной чередою.
Исчезло дѣтство. Притекли
Дни непонятнаго волненья,
И другъ на друга возвели
Мы взоры полные томленья.
Обманчивъ разговоръ очей,
И, руку Олиньки моей
Сжимая робкою рукою,
Скажи, шепталъ я иногда,
Скажи, любимъ-ли я тобою?
И слышалъ сладостное *да*.
«Въ счастливый домъ, себѣ на горе,
Тогда я друга ввелъ. Лицомъ
Онъ былъ пріятенъ, живъ умомъ;
Обворожилъ онъ Ольгу вскорѣ.
Всегда встрѣчались взоры ихъ,
Всегда велся межъ ними шопотъ.
Я мукъ язвительныхъ полнъ
Не снесъ: излилъ ревнивый ропотъ.
Какой-же ждалъ меня успѣхъ?
Мнѣ былъ отвѣтомъ дѣтскій смѣхъ!
Ее покинулъ я съ презрѣньемъ,
Всю боль души въ душѣ тая,
Сказалъ прости всему; но мщеньемъ
Сопернику поклялся я.
«Всечасно, колкими словами
Скучалъ я, досаждалъ ему,
И по желанью моему
Вскипѣла *ссора* между нами.

Стрѣлялись мы. Въ крови упавъ,
На вѣкъ я думалъ міръ оставить;
Съ одра возсталъ я тѣломъ здравъ,
Но сердцемъ боленъ. Что прибавить?
Бѣжалъ я въ дальніе края:
Увы! подъ чуждымъ небомъ я
Томился тою-же тоскою.
Родимый край узрѣвъ опять,
Я только съ милою тобою
Душою началъ оживать».
Умолкъ. Безсмысленно глядѣла
Она на друга своего,
Какъ будто повѣсти его
Еще вполнѣ не разумѣла;
Но отъ руки его потомъ
Освободивъ тихонько руку,
Вдругъ содрогнулася лицомъ,
И все въ немъ выразило муку.
И обезсиленна, томна,
Главой поникнула она.
«Что, что съ тобою, другъ безцѣнный!»
Вскричалъ Арсеній. Слухъ его
Внялъ только вздохъ полустѣсненный.
«Другъ милый, что-ты?»—«Ничего».
Еще на крыльяхъ торопливыхъ
Промчалось нѣсколько недѣль
Въ размолвкахъ бурныхъ, какъ досель,
И въ примиреньяхъ несчастливыхъ;
Но что же, что-же напослѣдъ?
Сегодня друга нѣтъ у Нины,
И завтра, послѣзавтра нѣтъ!
Напрасно, полная кручины,
Она съ дверей не сводитъ глазъ
И мнитъ: онъ будетъ черезъ часъ!
Онъ позабылъ о Нинѣ страстной;
Онъ не вошелъ, вошелъ слуга,
Письмо ей подалъ... мигъ ужасный!
Сомнѣнья нѣтъ. его рука!
«Что медлить», къ ней писалъ Арсеній,
«Открыться должно... Небо! въ чемъ?
Едва владѣю я перомъ,
Ищу напрасно выраженій.
О Нина! Ольгу встрѣтилъ я;
Она понынѣ дышетъ мною,

И ревность прежняя моя
Была неправой и смѣшною.
Удѣлъ рѣшенъ. По старинѣ
Я вѣренъ Ольгѣ, вѣрной мнѣ.
Прости! твое воспоминанье
Я сохраню до позднихъ дней:
Въ немъ понесу я наказанье
Ошибокъ юности моей».
Для своего и для чужова
Незрима Нина: всѣмъ одно
Твердитъ швейцаръ ея давно:
Не принимаетъ, нездорова!
Ей нужды нѣтъ ни въ комъ, ни въ чемъ:
Питье и пищу забывая,
Въ покоѣ дальнемъ и глухомъ
Она недвижная, нѣмая
Сидитъ и съ мѣста одного
Не сводитъ взора своего.
Глубокой муки сонъ печальный!
Но двери нашутъ растворясь:
Мужъ, не весьма сантиментальный,
Сморкаясь громко, входитъ князь,
И вотъ садится. Въ размышленье
Сначала молча погружонъ,
Ногой потряхиваетъ онъ;
И наконецъ: «Съ тобой мученье!
Безъ всякой грусти ты грустишь;
Какъ погляжу, совсѣмъ больна ты.
Ей-ей! съ трудомъ вообразишь,
Какъ вы причудами богаты!
Опомниться тебѣ пора!
Сегодня балъ у князь-Петра;
Забудь фантазіи пустыя
И отъ людей не отставай:
Тамъ будутъ наши молодые,
Арсеній съ Ольгой. Поѣзжай!
«Ну что, поѣдешь-ли?» — «Поѣду»,
Сказала, странно оживясь
Княгиня. «Дѣло», молвилъ князь,
«Прощай, спѣшу я въ клубъ къ обѣду».
Что Нина бѣдная съ тобой?
Какое чувство овладѣло
Твоей болѣзненной душой?
Что оживить ее умѣло?

Уже-ль надежда? Торопясь
Часы летятъ; уѣхалъ князь;
Пора готовиться княгинѣ.
Нарядами окружена,
Давно не бывшими въ поминѣ,
Передъ трюмо стоитъ она.
Ужъ газъ на ней, струясь, блистаетъ;
Роскошно, сладостно очамъ
Рисуетъ грудь, потомъ къ ногамъ
Съ гирляндой яркой упадаетъ.
Алмазъ мелькающихъ серегъ
Горитъ за черными кудрями;
Жемчугъ чело ея облегъ
И межъ обильными косами
Рукой искусной пропущенъ,
То видимъ, то невидимъ онъ.
Надъ головою перья вѣютъ;
По томной прихоти своей,
То ей лицо они лелѣютъ,
То дремлютъ въ локонахъ у ней.
Межъ тѣмъ (къ какому разрушенью
Ведетъ сердечная гроза!)
Ея потухшіе глаза
Окружены широкой тѣнью,
И на щекахъ румянца нѣтъ!
Чуть видѣнъ въ образѣ прекрасномъ
Красы бывалой слабый слѣдъ!
Въ стеклѣ живомъ и безпристрастномъ
Княгиня бѣдная моя,
Глядяся, мнитъ: «И это я!
Но пусть на страшное видѣнье
Онъ взоръ смущенный возведетъ:
Пускай узритъ свое творенье
И всю вину свою пойметъ!»
Другое тяжкое мечтанье
Потомъ волнуетъ душу ей:
«Ужель сопернице моей
Отдамся я на поруганье!
Ужель спокойно я снесу,
Какъ, торжествуя надо мною,
Свою цвѣтущую красу
Съ моей увядшею красою
Сравнитъ насмѣшливо она!
Надежда есть еще одна:

Слѣды печали я сокрою
Хоть въ половину, хоть на часъ...»
И Нина трепетной рукою
Лицо румянитъ въ первый разъ.
Она явилася на балѣ.
Что-жъ возмутило душу ей?
Толпы-ли вѣтреныхъ гостей
Въ ярко-блестящей, пышной залѣ,
Безпечный лепетъ, мирный смѣхъ?
Порывы-ль музыки веселой?
И, словомъ, этотъ вихрь утѣхъ,
Больнымъ душою столь тяжелой?
Или двусмысленно взглянуть
Посмѣлъ на Нину кто-нибудь?
Иль лишнимъ счастіемъ блистало
Лицо у Ольги молодой?
Чтобъ ни было, ей дурно стало,
Она уѣхала домой.
Глухая ночь. У Нины въ спальной,
Лѣниво споря съ темнотой,
Передъ иконой золотой
Лампада точитъ свѣтъ печальной.
То пропадетъ во мракѣ онъ,
То заиграетъ на окладѣ;
Кругомъ глубокій, мертвый сонъ!
Межъ тѣмъ въ блистательномъ нарядѣ,
Въ богатыхъ перьяхъ, жемчугахъ,
Съ румянцемъ страннымъ на щекахъ,
Ты-ль это, Нина, мною зрима?
Въ переливающейся мглѣ,
Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
Съ недвижной думой на челѣ?
Дверь заскрипѣла: слышитъ ухо
Походку чью-то на полу;
Передъ иконою, въ углу,
Сталъ и закашлялъ кто-то глухо.
Сухая, дряхлая рука
Изъ тьмы къ лампадѣ потянулась;
Свѣтильню тронула слегка,
Свѣтильня сонная очнулась,
И свѣтъ нежданный и живой
Вдругъ озаряетъ весь покой:
Княгини мамушка сѣдая
Передъ иконою стоитъ,

И вотъ ужъ, набожно вздыхая,
Земной поклонъ она творитъ.
Вотъ поднялась, перекрестилась;
Вотъ поплелась было домой:
Вдругъ видитъ Нину предъ собой,
На полпути остановилась,
Глядитъ печально на нее,
Качаетъ старой головою:
«Ты-ль это, дитятко мое,
Такою позднею порою?..
И не смыкаешь очи сномъ,
Горюя, Богъ знаетъ, о чемъ!
Вотъ такъ-то ты свой вѣкъ проводишь,
Хоть отъ ума, да не умно:
Ну, право, ты себя уходишь,
А вѣдь грѣшно, куда грѣшно!
«И что въ судьбѣ твоей худого?
Какъ погляжу я, полонъ домъ
Не перечесть какимъ добромъ;
Ты роду-званія большого,
Твой князь пріятнаго лица;
Душа въ немъ кроткая такая:
Всечасно Вышняго Творца
Благословляла-бы другая!
Ты позабыла Бога... да,
Не ходишь въ церковь никогда:
Повѣрь, кто Господа оставитъ,
Того оставитъ и Господь;
А онъ-то духомъ нашимъ правитъ,
Онъ охраняетъ нашу плоть!
«Не осердись, моя родная;
Ты знаешь мало-ли о чемъ
Мелю я старымъ языкомъ:
Прости, дай ручку мнѣ». Вздыхая,
Къ рукѣ княгининой она
Устами ветхими прильнула:
Рука ледяно-холодна
Въ лицо ей съ трепетомъ взглянула:
На немъ поспѣшный смерти ходъ;
Глаза стоятъ, и въ пѣнѣ ротъ...
Судьбина Нины совершилась,
Нѣтъ Нины! Ну такъ что-же? нѣтъ!
Какъ видно, ядомъ отравилась,
Сдержала страшный свой обѣтъ!

Уже билеты роковые,
Билеты съ черною каймой,
На копхъ бренности людской
Трофеи, модой принятые,
Печально поражаютъ взглядъ;
Гдѣ сухощавые Сатурны
Съ косами грозными сидятъ,
Склонясь на траурныя урны;
Гдѣ кости мертвыя крестомъ
Лежатъ разительнымъ гербомъ
Подъ гробовыми головами,—
О смерти Нины должну вѣсть
Узаконенными словами
Спѣшатъ по городу разнесть.
Въ урочный день, на выносъ тѣла,
Со всѣхъ концовъ Москвы большой,
Одна карета за другой
Къ хоромамъ князя полетѣла.
Обсѣвъ гостиную кругомъ,
Сначала важное молчанье
Толпа хранила; но потомъ
Возникло томное жужжанье.
Оно росло, росло, росло,
И въ шумный говоръ перешло.
Объятый счастливымъ забвеньемъ,
Самъ князь за дѣло принялся
И жаркимъ богословскимъ преньемъ
Съ ханжой какимъ-то занялся.
Богатый гробъ несчастной Нины,
Священствомъ пышнымъ окруженъ,
Былъ въ землю мирно опущенъ.
Свѣтъ не узналъ ея судьбины.
Князь, безъ особаго труда,
Свой жребій Вышней волѣ предалъ.
Поэтъ, который завсегда
По четвергамъ у нихъ обѣдалъ,
Никакъ съ желудочной тоски
Скропалъ на смерть ея стишки
Обильна слухами столица;
Молва какая-то была,
Что ихъ законная страница
Въ Журналѣ Дамскомъ приняла.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШЪ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШЪ.

Зевесъ, любя семью людскую,
Попарно души сотворилъ
И напередъ одну мужскую
Съ одною женской согласилъ.
Хвала всевышней благостынѣ!
Но въ ней намъ мало пользы нынѣ·
Глядите! нынѣ родъ людской,
Размножась, облилъ шаръ земной.
Куда пойду? мечтаешь съ горемъ,
На хладный Сѣверъ, знойный Югъ?
За Бѣлымъ, иль за Чернымъ моремъ
Блуждаешь ты, желанный другъ?
Не все. Задача есть другая.
Шатаясь по свѣту, порой
Столкнешься съ родственной душой
И радъ; но вотъ бѣда какая:
Душа родная—носъ чужой
И посторонній подбородокъ!..
Враждуютъ чувства межъ собой:
Признаться, способъ мировой
Находкой былъ-бы изъ находокъ!
Но онъ потерянъ между насъ,
О немъ живетъ одинъ разсказъ.
Въ землѣ, о коей справедливо
Намъ чудеса вѣщаетъ старь,
Въ Египтѣ, жилъ-былъ славный Царь,
Имѣлъ онъ дочь—творенья диво,
Красотъ подсолнечныхъ алмазъ,
Любовь души, веселье глазъ:
Челомъ бѣлѣе лилій Нила;
Коралла пышнаго морей
Устами свѣжими алѣй;
Яснѣе дневнаго свѣтила
Улыбкой ясною своей.
Въ предѣлахъ самыхъ отдаленныхъ
Носилася ея хвала
И женихами привела

Къ ней полкъ Царей иноплеменныхъ.
И Мемфисъ-градъ заликовалъ,
Въ немъ пиръ за пиромъ возставалъ.
Свѣтла, прелестна, возсѣдая
Въ кругу любовниковъ своихъ,
Моя царевна молодая
Совсѣмъ съ ума сводила ихъ.
И все-бы ладно шло; но что-же?
Всегда веселая, она
Вдругъ стала пасмурна, грустна,
Такъ что на дѣло не похоже.
Къ своимъ высокимъ женихамъ
Вниманье вовсе прекратила
И кромѣ колкихъ эпиграммъ
Имъ ничего не говорила.
Какая-же была вина,
Что измѣнилась такъ она?—
Любовь. Случайною судьбою,
Державный пиръ ея отца
Украсить лирною игрою
Призвали юнаго пѣвца:
Не восхвалялъ онъ Озирида,
Не славилъ Аписа-быка,
Любовь онъ пѣлъ, о Зораида!
И пѣснь его была сладка,
Какъ водъ согласное журчанье,
Какъ нѣжныхъ горлицъ воркованье.
Какъ томный ропотъ вѣтерка,
Когда въ полудень воспаленный,
Лобзаетъ онъ изъ-подтишка
Цвѣтокъ, роскошно усыпленный.
Свершился вышній приговоръ.
Свершился! никакою силой
Неотразимый, съ этихъ поръ
Предъ ней носился образъ милый;
Съ тѣхъ поръ въ душѣ ея звучалъ,
Звучалъ всечасно голосъ нѣжный,
Ее питалъ, упоевалъ
Тоскою сладкой и мятежной!
«Какъ глупы эти дикари,
Разноплеменные Цари!
И какъ прелестенъ онъ!» вздыхая,
Мечтала дѣва молодая.

Но между тѣмъ летѣли дни,
Рѣшенья гости ожидали;
Рѣшенья нѣ было. Они
Уже сердиться начинали.
Самъ Царь досадою вскипѣлъ;
Онъ не охотникъ былъ до шутокъ
И жениха, чрезъ трое сутокъ,
Избрать Царевнѣ повелѣлъ.
Была какъ громомъ рѣчью гнѣвной
Младая дочь поражена.
На что-жъ, въ судьбѣ своей плачевной,
Рѣшилась бѣдная она?
Рыдала долго Зоранда,
Взрывала сердце ей обида;
Взрывала сердце ей печаль;
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась:
Лицомъ Царевна прояснилась
И шепчетъ: «Ахъ, едва-ль, едва-ль...
Но что мы знаемъ? статься можетъ,
Онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ поможетъ.
Вамъ разсказать я позабылъ,
Что въ эту пору, мой читатель,
Столѣтній магъ въ Мемфисѣ былъ,
Изиды вѣщій толкователь.
Онъ, если не лгала молва,
Проникъ всѣ тайны естества
На то и жилъ почтенный дядя
Отвергнувъ міра суету;
Не пилъ, не ѣлъ, не спалъ онъ, глядя
Въ глаза священному коту.
И въ немъ-то было упованье;
Къ нему-то, милые друзья,
Рѣшилася на совѣщанье
Идти красавица моя.
Едва рѣдѣетъ мгла ночная,
И пробуждаться начиная,
Едва румянится Востокъ;
Еще великій Мемфисъ дремлетъ,
И утро не хотя пріемлетъ,
А ужъ покинувъ свой чертогъ,
Въ простой и чуждой ей одеждѣ,
Но страха тайнаго полна,
Довѣрясь вѣтренной надеждѣ,
Выходитъ за городъ она.

Передъ очами Зораиды
Пустыня та, гдѣ пирамиды
За пирамидами встаютъ
И (величавыя гробницы)
Гигантскимъ кладбищемъ ведутъ
Къ стопамъ огромной ихъ Царицы.
Себѣ чудакъ устроилъ тутъ
Философическій пріютъ.
Блуждаетъ дѣва молодая
Среди столицы гробовой:
И вотъ примѣтенъ кровъ жилой,
Надъ коимъ пальма вѣковая
Стоитъ, роскошно помавая
Широколиственной главой.
Царевна видитъ предъ собой
Обитель старца. Для чего-же
Остановилася она,
Внезапно взоромъ смущена
И чуткимъ ухомъ на-сторожѣ?
Что дланью трепетной своей
Объемлетъ сердце? что такъ пышетъ
Ея лицо? и грудь у ней
Что такъ неровно, сильно дышетъ!
Приноситъ пѣснь издалека
Ей дуновенье вѣтерка.

ПѢСНЯ.

Зачѣмъ отъ ранняго разсвѣта
До поздней ночи я пою,
Безумной птицей, о Ніэта!
Красу жестокую твою?
Чужда, чужда ты сожалѣнья:
Звѣзда взойдетъ, звѣзда зайдетъ;
Сурова ты, а мнѣ забвенья
Безсильный лотосъ не даетъ.
Люблю, любя въ могилу сниду;
Несокрушима цѣпь моя;
Я видѣлъ диво-Зораиду
И не забылъ Ніэты я.
Чей это голосъ? Вседержитель!
Она-ль его не узнаетъ!
Пѣвецъ, души ея плѣнитель,
Другую пламенно поетъ!

И вотъ что боги ей судили!
Ужъ ей колѣна измѣнили,
Ужъ меркнетъ свѣтъ въ ея очахъ.
Безъ чувствъ упала-бы во прахъ,
Но нашей дѣвѣ въ то мгновенье
Предстало чудное видѣнье.
Глядитъ: въ одеждѣ шутовской
Бредетъ къ ней старецъ гробовой,
Паясъ торжественной и дикой,
Бѣлобородой, желтоликой,
Въ какой-то острой шапкѣ онъ;
Пестрѣетъ множествомъ каракулъ
На немъ широкій балахонъ:
То былъ почтенный нашъ Оракулъ.
Къ Царевнѣ трепетной моей
Подходитъ онъ; на темя ей
Привѣтно руку налагаетъ,
Глядитъ съ улыбкою въ лицо,
И ободрительно вѣщаетъ:
«Прими чудесное кольцо:
Ты имъ, о дѣва! уничтожишь,
Хитросплетенный узелъ твой;
Кому на перстъ его возложишь,
Съ тѣмъ помѣняешься звѣздой.
Иди, и мудрость Озирида
Наставитъ свыше мысль твою.
Я даромъ симъ, о Зоранда,
Тебѣ за вѣру воздаю».
Возвращена въ свои чертоги,
Душою полная тревоги,
Царевна думаетъ: «Во снѣ
Все это чудилося мнѣ?
Но нѣтъ, не сновидѣнье это!
Кольцо на палецъ мой надѣто
Почтеннымъ старцемъ: вотъ оно.
Какую-жъ пользу въ немъ найду я?
Онъ говорилъ, его даруя,
Такъ безтолково, такъ темно».
Опять Царевна унываетъ,
Недоумѣнія полна;
Но вотъ невольницъ призываетъ
И отыскать повелѣваетъ
Свою соперницу она.
По повелѣнію другому,

Какъ будто къ празднику большому,
Ея чертоги убраны:
Вездѣ легли ковры богаты,
И дорогіе ароматы
Во всѣхъ кадилахъ возжены;
Всѣ водометы пущены;
Блистаютъ рѣдкими цвѣтами
Ряды узорчатыхъ кошницъ,
И полонъ воздухъ голосами
Дальноземельныхъ, чудныхъ птицъ;
Все нѣгой сладостною дышетъ,
Все дивной роскошію пышетъ.
На тронѣ, радостнымъ вѣнцомъ,
Порфирой свѣтлою блистая,
Сидитъ Царевна молодая,
Окружена своимъ дворомъ.
Вотще прилежно наблюдаетъ
Ея глаза смущенный дворъ,
И угадать по нимъ желаетъ,
Что̀ знаменуетъ сей позоръ.
Она въ безмолвіи глубокомъ,
Какъ сномъ объятая, сидитъ
И неподвижнымъ, мутнымъ окомъ
На двери дальнія глядитъ.
Придворные безмолвны тоже.
Дверь отворилась: «Вотъ она!»
Лицомъ блѣднѣе полотна,
Царевна вскрикнула. Кого-же
Узрѣла скорбная душой,
Въ толпѣ невольниць предъ собой?
Кого? пастушку молодую,
Собой довольно недурную,
Но очень смуглую лицомъ,
Глазами бойкую и злую,
Съ нахмуреннымъ, упрямымъ лбомъ.
Царевна смотритъ и мечтаетъ:
«Она-ли мнѣ предпочтена!»
Но вотъ придворныхъ высылаетъ
И остается съ ней одна.
Царевна перваго привѣта
Искала долго, наконецъ
Печально молвила: «Ніэта!
Ты видишь: пышенъ мой дворецъ,
Въ жемчугъ и злато я одѣта,

На мнѣ порфира и вѣнецъ;
Я красотою диво свѣта!
Очарованіе сердецъ!
Я всею славою земною
Надѣлена моей звѣздою:
Чего желать могла-бы я?
И что-жъ, Ніэта, въ скорби чудной,
Милѣе мнѣ твой жребій скудный;
Милѣе мнѣ звѣзда твоя.
Ніэта, хочешь-ли съ тобою
Я помѣняюся звѣздою?»
Мудренъ Царевнинъ былъ привѣтъ,
Но не застѣнчива природно:
«Какъ вашей милости угодно»,
Ніэта молвила въ отвѣтъ.
Тогда на палецъ ей надѣла
Царевна дивное кольцо.
Закрыть смущенное лицо
Руками бѣдная хотѣла;
Но что-же, въ мигъ волшебный сей
Моя Царевна оживилась
Душой Ніэтиной; а въ ней
Душа Царевны очутилась.
И быстрымъ чудомъ бытіе
Перемѣнивъ, лицо свое
Закрыла дурочка степная;
Царевна-же наоборотъ
Спустила руки на животъ,
Ротъ удивленный разѣвая.
Гдѣ Зораида, гдѣ она?
Осталась тѣнь ея одна.
Когда-жъ лицо свое явила
Ніэта, руки опустя,
(О какъ обѣихъ ихъ шутя
Одна минута измѣнила!),
Блистало дивной красотой
Лицо пастушки молодой:
Во взорахъ чувство выражалось,
Горѣла нѣжная мечта,
Для слова милаго, казалось,
Сейчасъ откроются уста:
Ніэта та-же, да не та.
Такъ изъ-за тучъ луна выходитъ
Вдругъ озаряя небеса;

Такъ зелень свѣжую наводитъ
На рощи пыльныя роса.
Съ главой поникшею Ніэта,
Съ невольнымъ пламенемъ лица,
Тихонько вышла изъ дворца
И о судьбѣ ея до свѣта
Не доходилъ ужъ слухъ потомъ.
Такъ что-жъ? о счастіи прямомъ
Провѣдать людямъ неудобно;
Мы знаемъ, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И, драгоцѣнное, подобно
Въ томъ драгоцѣнному всему.
Гдѣ искрометныя рубины,
Гдѣ перлы свѣтлые нашли?
Въ глубокихъ пропастяхъ земли,
На темномъ днѣ морской пучины.
А что съ Царевною моей?
Она съ плотнѣйшимъ изъ Князей
Великолѣпно обвѣнчалась,
Онъ съ нею ладно жилъ, хотя
Въ иное время не шутя
Его супруга завиралась,
И даже подъ сердитый часъ,
Она, возвыся бойкой гласъ,
Совсѣмъ ругательски ругалась.
Онъ не ропталъ на то ничуть,
Любилъ житье бытье-простое,
И самъ, гдѣ надо, завернуть
Не забывалъ словцо лихое.
По своему до позднихъ дней
Душою въ душу жилъ онъ съ ней.
Что я прибивлю, другъ мой нѣжной!
Жизнь непогодою мятежной,
Ты знаешь, встрѣтила меня;
За бѣдствомъ бѣдство подымалось;
Ввѣкъ надъ главой моей, казалось,
Не взыдетъ радостнаго дня.
Порой смирялъ я пѣснопѣньемъ
Порывъ болѣзненныхъ страстей;
Но мнѣ тяжелымъ вдохновеньемъ
Была печаль души моей.
Явилась ты, мой другъ безцѣнный,
И прояснилась жизнь моя·

Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздоръ болтаю я.
Прими мой трудъ непринужденный!
Счастливымъ свѣтомъ озаренный
Души, свободной отъ заботъ,
Онъ—твой достатокъ справедливой.
Онъ первый плодъ мечты игривой,
Онъ новой жизни первый плодъ.

ЦЫГАНКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе, представляемое теперь публикѣ, одно изъ тѣхъ которыя журналисты наши обыкновенно называютъ безнравственными, хотя обвиненіе въ безнравственности довольно странно въ государствѣ, имѣющемъ цензуру, и гдѣ «печатать позволяется», являющееся на первомъ листкѣ книги, уже ручается за безвредность ея содержанія.

Странно также, что г-да журналисты, позволяя себѣ столь неприличныя обвиненія, называя развратными произведеніями: Руслана, Онѣгина, Цыганъ, Нулина, Эду, Балъ, и потому имѣя полное право помѣстить въ тотъ же разрядъ и Наложницу (*), до сихъ поръ не опредѣлили, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ нравственность или безнравственность литературныхъ произведеній.

Постараемся рѣшить вопросъ равно важный для писателей и для читателей.

Журналисты наши выразили нѣкоторыя положительныя требованія. Воспѣвайте добродѣтели, а не пороки, говорили они; изображайте лица достойныя подражанія; пишите для назидательной, нравственной цѣли, не замѣчая, что каждое изъ сихъ требованій противорѣчитъ другому.

Изобразить какую нибудь добродѣтель значитъ заставить ее дѣйствовать; слѣдственно подвергнуть испытаніямъ, искушеніямъ, т. е. окружить ее пороками. Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ нѣтъ и заслуги. Слѣдственно лицо, достойное подражанія, не можетъ выказаться иначе, какъ между лицами ему противоположными.

Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается

(*) Поэма «Цыганка» была напечатана первоначально подъ заглавіемъ «Наложница».

добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ и религіи. Ежели-бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этого не хотѣло Провидѣніе, и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частью добродѣтель страждетъ, а порокъ блаженствуетъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и ѳеологи и философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемыхъ намъ Откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ - ли въ выводѣ какой нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго. Какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій порокъ, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо - ложную, слѣдственно вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники, мы не требуемъ, чтобы вы изображали одну добродѣтель; изображайте и порокъ, но первую привлекательною, второй отвратительнымъ.

Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. По большой части наши добрыя и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Въ этомъ случаѣ отмѣнно-истинны шуточные стихи Панара:

«Trop de froideur est indolence,
«Trop d'activite turbulence,
«Trop de vigeur est dureté,
«Trop de finesse est artifice,
«Trop d'économie avarice,
«Trop d'audace témérité,
«Trop de complaisance est bassesse,
«Trop de bonté devient faiblesse,
«Trop de fierté devient hauteur etc.

Вотъ естественная причина той привлекательности, которую имѣютъ иные пороки: мы обмануты сходствомъ ихъ со смежными имъ добродѣтелями; но должно замѣтить, что въ самомъ увлеченіи нашемъ мы поклоняемся доброму началу, а не злому.

Нѣтъ человѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чуждаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ добродѣтеленъ по необходимости, другой пороченъ по той-же причинѣ; въ одномъ не было-бы заслуги, въ другомъ вины, слѣдственно ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные, именно тѣ, которые такъ нелюбы г-дамъ журналистамъ, одни естественны, одни нравственны: ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и тоже лицо является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, попеременно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра, оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра ей уступающая, двѣ противоположныя Федры: мы любимъ добродѣтельную, ненавидимъ порочную, и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель. Дѣйствія не смѣшаны какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ, о которомъ такъ хлопочутъ г-да журналисты, хлопочутъ до того, что ради онаго предлагаютъ намъ удаляться отъ истины, изображая лица неестественныя—этотъ нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, всякое лицо, вѣрно снятое съ природы.

Но не безнравственно-ли, скажутъ они, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ герой трагедіи, романа, поэмы даже, въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говоритъ-ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили-бы тоже преступленіе, надѣясь возбудить тоже участіе? Если означенное лицо безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія, не возбуждаетъ его и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на побѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нравственную его силу. Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей; расчетливая сдача какой нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ подобно падшей Троѣ, и никто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть. Ежели они располагаютъ насъ къ лишнему числу искушеній, они развиваютъ въ насъ лишніе способы противостоять имъ.

Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ нашихъ журналистовъ, всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, напримѣръ, хуже Квинта Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца, жаднаго битвъ и побѣдъ, стоющихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ: чѣмъ болѣе ее прольетъ, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе; чѣмъ далѣе простретъ онъ опустошеніе, тѣмъ онъ будетъ славнѣе; и эту книгу будутъ читать юные властители.—Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Иліады

онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать порокъ:

«Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!»

Раскроемъ даже Ивана Выжигина, твореніе г. Булгарина, писателя, который всѣхъ настоятельнѣе требуетъ нравственной цѣли отъ современныхъ сочиненій. Найденышъ воспитывается въ домѣ Бѣлорусскаго помѣщика, который кормитъ его и одѣваетъ довольно скудно, но и это благодѣяніе для подкидыша. Онъ за это платитъ ему неблагодарностью, помогаетъ какому-то удальцу увезти дочь своего благодѣтеля и самъ за нею слѣдуетъ. Потомъ ведетъ жизнь бродяги, негодяй и порядочень, смотря по обстоятельствамъ; получаетъ толчекъ отъ одного офицера, за который не сердится; присвоиваетъ себѣ чужое имя, наконецъ наслѣдуетъ два милліона денегъ, женится по любви и живетъ въ совершенномъ благополучіи Что заключите вы изъ подобнаго романа? Какую нравственную мысль вы изъ него извлечете, если даже узнаете, что онъ отмѣнно хорошо раскупился? Ничто не придетъ вамъ на умъ кромѣ старой русской пословицѣ: не родись ни хорошъ, ни уменъ, а родись счастливъ; но что въ ней назидательнаго?

Читатель видитъ, что подобнымъ образомъ можно неопровержимо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и, изъ слѣдствія въ слѣдствіе, заключить съ логическою основательностью, что въ благоустроенномъ государствѣ должно запретить литературу.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Какой незваный критикъ рѣшится воспретить ему дозволенное Провидѣніемъ и тѣмъ явно противорѣчить Его цѣли? Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ, значитъ унизить его до животныхъ, его лишенныхъ.

Сами г да журналисты вѣроятно на это не согласятся: ихъ постигла-бы общая участь человѣчества.

Чѣмъ согласиться критику на уничтоженіе литературы, слѣдственно на уничтоженіе человѣка, не благоразумнѣе-ли взглянуть на нее съ другой точки зрѣнія: не требовать отъ нея положительныхъ нравственныхъ поученій, видѣть въ ней науку, подобную другимъ наукамъ, искать въ ней свѣдѣній, а ничего иного? Знаю, что можно искать въ ней прекраснаго, но прекрасное не для всѣхъ; оно непонятно даже людямъ умнымъ, но не одареннымъ особенною чувствительностью: не всякій можетъ читать съ чувствомъ, каждый съ любопытствомъ. Читайте-же романъ, трагедію, поэму, какъ вы читаете путешествіе. Странствователь описываетъ вамъ и веселый югъ, и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота поросшія тиной, и цѣлебныя и ядовитыя растенія. Романисты, поэты изображаютъ добродѣтели

и пороки, ими замѣченныя, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того-же, чего въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того-же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ, можетъ быть, вамъ не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполнѣ, или совсѣмъ неиспытанныя, нравы, выраженіе которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того-бы не имѣли, пріобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше.

Ежели показанія ихъ вѣрны, впечатлѣніе вами полученное будетъ непремѣнно нравственно: ибо зрѣлище дѣйствительной жизни, развитіе прекрасныхъ и безобразныхъ страстей, дозволенное въ ней Провидѣніемъ, конечно не развратительно, и міръ дѣйствительный никого еще не заставилъ воскликнуть: какъ прекрасенъ порокъ! какъ отвратительна добродѣтель!

Изъ этого слѣдуетъ, что нравственная критика литературнаго произведенія ограничивается простымъ изслѣдованіемъ: справедливы или несправедливы его показанія?

Критика можетъ жаловаться также на неполноту ихъ, ибо самое полное описаніе предмета есть въ тоже время и самое вѣрное. Можно сказать недостаточную правду. Есть истины относительныя которыхъ отдѣльное выраженіе внушаетъ ложное понятіе.

Иностранныя литературы имѣютъ книги, по счастію, неизвѣстныя въ нашей: это подробныя откровенія всѣхъ своенравій чувственности' подробныя хроники развращенія. Несмотря на то, что всѣ ихъ показанія справедливы, книги сіи конечно развратительны, но это потому, что ихъ показанія неполны. Въ дѣйствительной жизни, за часами развратнаго упоенія слѣдуютъ часы тяжелой усталости; какое отвращеніе возбуждаютъ тогда въ развратникѣ воспоминанія нечистыхъ его наслажденій! Выразите также полно чувство послѣдующее, какъ полно выразили предъидущее, и картина ваша не будетъ безнравственною: одно впечатлѣніе уравновѣситъ другое. Ежели вы изобразили первые шаги разврата, изобразите и послѣдніе. Описавъ любострастіе злоупотребляющее силами юности, опишите и слѣдствія злоупотребленія. Представьте намъ раннюю, болѣзненную старость сластолюбца, раннюю неспособность его не только къ тѣмъ наслажденіямъ, которыхъ несетъ онъ наказаніе, но и къ обыкновен-

нымъ, позволеннымъ, ранній упадокъ умственныхъ его способностей. Что будетъ поучительнѣе изображенія преждевременно посѣдѣвшаго разврата, въ страданіяхъ благопріобрѣтеннаго недуга, смѣшащаго не природнымъ, но заслуженнымъ тупоуміемъ? И въ этомъ изображеніи не будетъ ничего насильственнаго. Невоздержность тѣлесная пріемлетъ мзду свою еще въ здѣшней жизни; временное тѣло обрѣтаетъ ее во времени, между тѣмъ какъ неумирающій духъ находитъ её только въ вѣчности.

Съ твореніями о которыхъ мы говорили, не должно смѣшивать эротическіе стихотворенія, вакхическія и застольныя пѣсни. Не упоминая уже о томъ, что изъ похвалъ красотѣ не слѣдуетъ позволительности разврата, въ эротической поэзіи чувственность обыкновенно уравновѣшивается чувствомъ, и большая разница: живописать красоту, обладаніе которой можетъ быть безпорядочнымъ, и живописать своенравіе разврата, которыя нельзя удовлетворить безъ преступленія. Славить вино и обѣды не значитъ проповѣдывать пьянство и обжорство. Каждый это разумѣетъ. Державинъ, воспѣвавшій иногда красоту и пиршества, Дмитріевъ, говорящій иногда о винѣ и поцѣлуяхъ, Богдановичъ, который

«Киприду иногда являлъ безъ покрывала»;

Батюшковъ, Пушкинъ, написавшіе нѣсколько эротическихъ элегій и вакхическихъ пѣсней, конечно не безнравственные писатели. Не говоря уже о томъ, что сіи писатели не ограничивались выраженіемъ одного чувства; что подражатель Анакреона въ то же время пѣвецъ Фелицы, пѣвецъ Бога; что авторъ стихотворенія: Счетъ поцѣлуевъ въ то же время творецъ Ермака и переложитель высокихъ пѣсней Давида; что Душенька изобилуетъ не однѣми сладострастными картинами; что между шаловливыми стихотвореніями Батюшкова есть и унылыя, есть и высокія; что авторъ Руслана въ тоже время авторъ Годунова; и что никто не принуждаетъ читателя въ цѣлой книгѣ стихотвореній твердить одно для него соблазнительное, когда, перевернувъ страницу, онъ найдетъ другое, впечатлѣніе котораго исправитъ впечатлѣніе перваго: вообще несправедливо быть строже къ писателю, нежели къ человѣку; и если дѣйствіе не вредитъ доброй славѣ одного, еще менѣе его описаніе можетъ вредить доброй славѣ другого.

Тѣмъ менѣе, что выборъ предмета не столько зависитъ отъ самого писателя, сколько отъ свойства его дарованій; что упрекать въ развратѣ эротическаго поэта также несправедливо, какъ упрекать въ жесткости поэта трагическаго. Неужели вы думаете, что Анакреонъ не желалъ быть Гомеромъ, Проперціи— Виргиліемъ, Шольё— *Расиномъ и т. д.*? Чѣмъ обширнѣе геній писателя, тѣмъ онъ полнѣе

и разнообразнѣе въ своихъ твореніяхъ; тѣмъ онъ вѣрнѣе отражаетъ дѣйствительность и тѣмъ онъ нравственнѣе. Но только Гомеры, Шекспиры являютъ намъ полный міръ въ своихъ твореніяхъ. Дарованія односторонніе обрекаютъ другихъ на изображеніе частностей. Произведеніе одного имѣетъ нужду быть поясненнымъ, пополненымъ произведеніемъ другого, и писатели сего рода только въ своей совокупности доставляютъ намъ то нравственное впечатлѣніе, которое производитъ одинъ многообразный писатель.

Или не читайте, или читайте всё: иначе вы будетъ всегда въ заблужденіи. Читать одного автора съ частнымъ дарованіемъ все равно что читать одну страницу въ писателѣ многообъемлющемъ. Раскройте Шекспира на монологѣ злодѣя, искусными софизмами ободряющаго себя къ преступленію, остановитесь на немъ — и Шекспиръ будетъ для васъ проповѣдникомъ злодѣянія; но прочтите все твореніе, прочтите всего Шекспира, и самая эта страница будетъ наставительна: такъ и книга односторонняя занимаетъ не лишнее мѣсто въ библіотекѣ.

Журналисты наши говорятъ часто о юныхъ читателяхъ и юныхъ читательницахъ, которымъ можетъ быть вреднò такое-то и такое то произведеніе. Кто съ этимъ споритъ? Но нянька не позволяетъ ребенку играть ножемъ. Благоразумные наставники не даютъ воспитанникамъ книги, несообразной съ ихъ лѣтами. Когда-жъ мы уже вышли изъ-подъ надзора, вступили въ свѣтъ, и можемъ все видѣть и все слышать, мы можемъ и все читать, и какъ не міръ, а мы сами виновны, когда злоупотребляемъ жизнію, такъ не писатели, а мы сами виновны, когда злоупотребляемъ чтеніемъ.

До сихъ поръ мы говорили о книгахъ, преимущественно посвященныхъ изображенію лицъ и нравовъ, выраженію страстей чувствъ и впечатлѣній, но не говорили о книгахъ, писанныхъ съ положительною нравственною цѣлью.

Книги сего рода подлежатъ тому-же изслѣдованію, чтò и первыя. Мнѣніе тогда только полезно и нравственно, когда оно справедливо, но всякій чувствуетъ (не говоря уже о вредѣ, наносимымъ совершенно ложнымъ нравственнымъ понятіемъ, и который нельзя сравнить со вредомъ, причиняемымъ невѣрнымъ изображеніетъ характера, страсти или картины), всякій чувствуетъ, что въ подобныхъ книгахъ развитіе односторонней истины можетъ имѣть особенно пагубное вліяніе. Сколько преступленій, сколько бѣдствій народныхъ произошло отъ превратныхъ нравственныхъ мнѣній, отъ частныхъ истинъ, принятыхъ за общія! Не буду исчислять ихъ. Скажу только, что мало истинъ не относительныхъ; слѣдственно мало книгъ, писанныхъ съ нравственною цѣлью, т. е. посвященныхъ выраженію одной избранной мысли, которыхъ исключительное чтеніе не было-

бы вредно и вліяніе которыхъ не было-бы нужно уравновѣшивать чтеніемъ другихъ, имъ противорѣчащихъ.

Заключимъ, и надѣемся, такъ заключитъ съ нами и читатель, что въ книгѣ безнравственна только ложь, вредна только односторонность; но ни лжи, ни односторонности не существуетъ тамъ, гдѣ литература дѣятельна, гдѣ ложное показаніе тотчасъ рождаетъ улику, гдѣ рѣшеніе нравственнаго вопроса тотчасъ вызываетъ изслѣдованія и противорѣчія, гдѣ публика не осуждена на чтеніе одной указанной книги.

Просимъ читателя судить о нравственномъ достоинствѣ Наложницы по правиламъ, нами изложеннымъ, а не по правиламъ, исповѣдуемымъ г-дами журналистами, по нашему мнѣнію довольно необдуманнымъ.

ЦЫГАНКА.

Передѣланная въ 1842 году *).

Глава I.

Прощай, Елецкой: ты не веселъ,
И разсвѣтаетъ ужъ давно;
Пошло мнѣ въ прокъ твое вино:
Ухъ! я встаю насилу съ креселъ!
Не правда-ль, братцы, по домамъ!
— Нѣтъ! пусть попляшетъ прежде намъ
Его Цыганка, Ангелъ-Сара,
Ну что? потѣшить насъ нельзя-ль?
Ступай, я сяду за рояль.
— Могу сказать, васъ будетъ пара:
Ты охмѣленъ, и въ сонъ она
Уже давно погружена!
Прощайте, господа...

Гуляки

Встаютъ, шатаясь на ногахъ;
Верутъ на стульяхъ, на столахъ,
Свои разбросанные фраки,
Свои мундиры, сюртуки;
Но, доброй волѣ вопреки,
Не споры сборы. Шляпу на лобъ
Надвинувъ, держитъ предъ собой
Стаканъ недопитый иной
И разсуждаетъ: Надлежало-бъ...
Уоммъ и тѣломъ недвижимъ,

*) Въ изд. 1835 г. поэма эта посвящена Алексѣю Андреевичу Елагину.

Онъ долго простоитъ надъ нимъ.
Другой предъ зеркаломъ на шею
Свой галстукъ вяжетъ, но рука
Его тяжка и не ловка:
Все какъ-то врозь идутъ подъ нею
Концы проклятаго платка.
Къ свѣчѣ приставя трубку задомъ,
Ждетъ третій пасмурный чудакъ,
Когда закурится табакъ.
Лихія шутки сыплютъ градомъ.
Но полно: вонъ валитъ кабакъ.
«Прощай, Елецкой, до свиданья!»
— Прощайте, братцы, добрый путь!
И, сокращая провожанья,
Дверь поспѣшаетъ онъ замкнуть.
Одинъ оставшися, Елецкій
Брюзгливымъ окомъ обозрѣлъ
Покой, гдѣ праздникъ молодецкій
Порой недавнею гремѣлъ.
Онъ чувство возбуждалъ двойное:
Великолѣпье отжилое,
Штофъ полинялый на стѣнахъ;
Межъ оконъ зеркала большія,
Но всѣ и въ пятнахъ и въ лучахъ;
Въ пыли завѣсы дорогія,
Давно не чищенный паркетъ;
Къ тому-же буйнаго разгулья
Всегдашній безобразный слѣдъ:
Тутъ опрокинутыя стулья,
Вездѣ табачная зола,
Стаканы середи стола
Съ остатками задорной влаги;
Тарелки жирныя кругомъ;
И вотъ, на выпускѣ печномъ,
Строй догорѣвшихъ до бумаги
И въ блескѣ утреннихъ лучей
Уже блѣднѣющихъ свѣчей.
Открывъ разсѣянной рукою
Окно, Елецкой взоръ тупой,
Взоръ отуманенный мечтой
Уставилъ прямо предъ собою.
Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.

Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала;
Аркада длиннаго моста
Бѣлѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всѣми зданьями возвышенъ,
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые
Соборовъ главы золотыя;
Межъ ними царственно горѣлъ
Иванъ Великій. Садъ красивый,
Кругомъ твердыни горделивой
Вiяся, живо зеленѣлъ.
Но онъ на пышную столицу
Глядѣлъ съ душевною враждой.
За что? О томъ въ главѣ другой
Найдутъ особую страницу.
Онъ былъ воскормленъ сей Москвой.
Минувшихъ дней воспоминанья
И дней грядущихъ упованья —
Все заключалъ онъ въ ней одной;
Но странной доли несъ онъ бремя,
И былъ ей чуждымъ въ то же время
И чуждымъ больше, чѣмъ другой.

Глава II.

Отца и матери Елецкой
Лишился въ годы тѣ, когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ наступаетъ череда.
И свѣтъ узналъ онъ, и сначала
Являлся въ вечеръ на три бала;
Съ визитной карточкой порой
Летѣлъ на выѣздъ городской.
Согласно съ общимъ заведеньемъ,
Онъ въ праздникъ Пасхи, въ Новый годъ,
Къ дядямъ и къ теткамъ съ поздравленьемъ
Скакалъ съ прихода на приходъ.
Живѣе жизнью насладиться
Алкалъ безумецъ молодой
И началъ съ первыхъ дней томиться

Предѣловъ свѣтскихъ тѣснотой.
Ему въ гостиныхъ стало душно:
То было глупо, это скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ,
И на желанномъ имъ просторѣ
Житьемъ онъ новымъ зажилъ вскорѣ
Между буяновъ и повѣсъ.
Развратныхъ, своевольныхъ правилъ
Несчастный кодексъ онъ составилъ;
Всегда ссылалось на него
Его блажное болтовство.
Имъ проповѣдуемыхъ мнѣній,
Иль половины ихъ большой,
Навѣрно чуждъ онъ былъ душой,
Причастной лучшихъ вдохновеній;
Но мысли буйствомъ увлеченъ,
Вдвойнѣ молву озлобилъ онъ.
Съ Москвой и Русью онъ разстался,
Края чужіе посѣтилъ;
Тамъ промотался, проигрался,
И въ путь обратный поспѣшилъ.
Своимъ Пенатамъ возвращенный,
Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
И, общимъ мнѣньемъ пораженный,
Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
Со свѣтомъ остальную связь.
Тутъ нашей повѣсти начало.
Недѣля свѣтлая была
И подъ Новинское звала
Гражданъ Московскихъ. Все бѣжало,
Все торопилось: старъ и младъ,
Жильцы лачугъ, жильцы палатъ,
Живою смѣшанной толпою,
Туда, гдѣ, словно самъ собою,
На краткій срокъ, въ единый мигъ,
Блистая пестрыми дворцами,
Шумя цвѣтными флюгерами,
Средь града новый градъ возникъ —
Столица легкая бездѣлья
И безчиновнаго веселья,
Досуга русскаго кумиръ!
Тамъ цѣлый день разгульный пиръ;
Тамъ раздаются звуки трубны,

Звенятъ, гремятъ литавры, бубны;
Паясы съ зыбкихъ галлерей
Зовутъ, манятъ къ себѣ гостей.
Тамъ клеперъ знаетъ чётъ и нѣчетъ;
Ножи проворные вѣнцомъ
Кругомъ себя Индѣецъ мечетъ
И бисеръ нижетъ языкомъ.
Гордясь лихими сѣдоками,
Тамъ одноколки, застучавъ,
Съ потѣшныхъ горъ летятъ стремглавъ.
Своими длинными шестами
Качели крашеныя тамъ
Людей уносятъ къ небесамъ.
Волшебный праздникъ довершая,
Межъ тѣмъ, съ веселымъ торжествомъ,
Каретъ блестящихъ цѣпь тройная
Катится медленно кругомъ.
Межъ балагановъ оживленныхъ,
Ежеминутно осажденныхъ
Нетерпѣливою толпой,
Давно бродилъ Елецкой мой.
Окинувъ взорами собранье,
Въ одномъ остановилъ вниманье
Онъ на дѣвицѣ молодой.
Своими чистыми очами,
Своими дѣтскими устами,
Своей спокойной красотой,
Одушевленной выраженьемъ
Сей драгоцѣнной тишины,
Она сходна была съ видѣньемъ
Его разборчивой весны.
Давно онъ зналъ ее заочно.
Съ его глазами не нарочно
Глазами встрѣтилась она;
Ихъ выраженьемъ смущена,
Покрылась краскою живою
И отвела тихонько взоръ.
Охваченъ бѣдственной межою,
Не зрѣлъ Елецкой съ давнихъ поръ
Румянца этого святого.
Упавшій духъ подъемля въ немъ,
Онъ былъ для путника ночного
Денницы розовымъ лучемъ.
Онъ къ милой думой умиленной

Летитъ. Межъ тѣмъ она встаетъ;
Дѣвицѣ руку подаетъ
Ея сосѣдъ, старикъ почтенной;
Изъ балагана идутъ вонъ—
И ихъ въ толпѣ теряетъ онъ.
Узнать, душою не въ покоѣ,
Онъ жаждетъ имя дорогое!
И незнакомка названа.
Гражданка сферы той она,
Того злопамятнаго свѣта,
Съ кѣмъ въ опрометчивыя лѣта,
Въ избыткѣ гордомъ юныхъ силъ,
Самъ въ бой неровный онъ вступилъ.
Смягчитъ-ли идолъ оскорбленной
Онъ жертвой позднею своей?
Противъ него предубѣжденной,
Предстать осмѣлится-ли ей?
И всѣхъ преградъ онъ самъ виною!
Межъ тѣмъ въ борьбѣ его съ молвою
Прошло, промчалось много дней.
Елецкой мыслилъ промежуткомъ;
Полнѣй другихъ созрѣлъ разсудкомъ
Онъ въ самомъ опытѣ страстей,
И, наконецъ, среди пороковъ,
Кипѣвшихъ роемъ вкругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.
Елецкой битву проигралъ.
Но побѣжденный спасъ онъ знамя
И предъ самимъ собой не палъ.

Глава III.

Незамѣчаемъ и невѣдомъ,
За милою бродилъ онъ слѣдомъ;
Въ тѣни задумчивыхъ дубровъ
Прекрасныхъ Прѣсненскихъ прудовъ,
Въ аллеяхъ стриженыхъ бульвара,
Между красавицъ городскихъ
Искалъ онъ дѣвы думъ своихъ.
Не для блистательнаго дара
Актеровъ нашихъ, посѣщалъ

Онъ душный театральный залъ:
Елецкой, сцену забывая,
Съ той ложи не сводилъ очей,
Въ которой Вѣра молодая
Сидѣла, изрѣдка встрѣчая
Взоръ остановленный на ней.
Вкусивъ неполное свиданье,
Елецкой приходилъ домой,
Исполненъ мукою двойной;
Но, полюбивъ свое страданье,
Такой-же встрѣчи съ новымъ днемъ
Искалъ въ безумiи своемъ.
Однажды... Погасалъ, свѣжѣя,
Iюльскiй день. Бульваръ Тверской
Дремалъ подъ нисходящей мглой
Пустѣла длинная аллея;
Царица тишины и сна,
Высоко поднялась луна.
Но со знакомыми своими
Еще, въ болтливомъ забытьѣ,
Сидѣла Вѣра на скамьѣ.
Въ сосѣдствѣ, не замѣченъ имп,
За липой темной и густой,
Стоялъ влюбленный нашъ герой.
Перчатку Вѣра уронила.
Поспѣшно поднялъ онъ ее
И подалъ ей. Лицо свое
Къ нему съ испугомъ обратила
Младая дѣва. Разговоръ
Прервавъ, на немъ остановила
Встревоженный, но долгiй взоръ.
Судьбу, душой своей довольной,
Онъ и за то благодарилъ.
Елецкой Вѣру поразилъ
Своей услугой своевольной,
И хоть на часъ ея мечта
Имъ вѣрно будетъ занята.
Что-жъ! и сомнительное счастье
Мгновенныхъ, бѣдныхъ этихъ встрѣчъ
Ему осеннее ненастье
Не позамедлило пресѣчь.
Покрылось небо облаками;
Дождь безконечный ливмя лилъ;
И вотъ морозъ его смѣнилъ.

Застыли воды, снѣгъ клоками
На мостовую повалилъ:
Пришла зима. Свистя крутится
Мятель на Прѣсненскихъ прудахъ;
На обнаженныхъ деревахъ
Бульвара иней серебрится.
Тамъ, гдѣ недавнею порой
Гуляли граціи толпой,
Какой нибудь жандармъ усатый,
Шагая, шпорами стучитъ;
Съ метлой стоитъ мужикъ брадатый,
Иль школьникъ съ сумкою бѣжитъ.
Для баловъ, вечеровъ при этомъ
Театръ оставленъ модным свѣтомъ.
Елецкой мраченъ и сердитъ...
Но вотъ въ извѣстномъ маскарадѣ
Должна быть Вѣра. Ожилъ онъ
И въ полнадеждѣ, въ полдосадѣ
Лелѣетъ дѣятельный сонъ.
Живая музыка играетъ;
Кадрили вьются ей подъ ладъ,
Кипитъ, пестрѣетъ маскарадъ.
Въ его затѣю не вступаетъ
И къ стати большинство гостей:
Въ тѣни ихъ онъ еще виднѣй.
Призраки всѣхъ вѣковъ и націй,
Гуляютъ Феи, Визири,
Полишинели, дикари,
Ихъ мучитъ бѣсъ мистификацій;
Но не выходитъ хитрыхъ фразъ:
«Я знаю васъ! я знаю васъ!»
Ни у кого для продолженья
Не достаетъ воображенья.
Признаться надобно: не намъ,
Сугробовъ сѣверныхъ сынамъ,
Приноровляться къ дѣтямъ Юга!
Мятелей духъ не создалъ насъ
Для ихъ блистательныхъ проказъ.
Къ чему неловкая натуга?
Мы сохраняемъ холодъ свой
Въ пріемахъ живости чужой.
Елецкой изъ ряду выходитъ
И Вѣру чуть съ ума не сводитъ.
Успѣлъ развѣдать онъ о ней

Довольно этихъ мелочей,
Въ которыхъ тайны роковыя
Дѣвицы видятъ молодыя.
Въ словахъ запутанныхъ своихъ
Онъ намекаетъ ей о нихъ;
И удивленья, и смущенья
Полна, горитъ она лицомъ,
И вотъ выходитъ изъ терпѣнья.
«Я какъ обманутая сномъ!
Скажите, ради Бога, кто вы?»

Елецкой.

Вы любопытны какъ дитя.
Итакъ со мною не шутя
Вы познакомиться готовы?
Нежданнымъ именемъ моимъ
Я испугаю васъ.

Вѣра.

Какъ скучно!
Все шутки.

Елецкой.

Я не склоненъ къ нимъ,
И остеречь васъ добродушно:
Я духъ... и нѣтъ глуши, жилья,
Гдѣ-бъ я незримый не былъ съ вами.
Все чуткимъ ухомъ слышу я,
Все вижу зоркими очами.
Не бойтесь! слушаю, гляжу
Я съ полной преданностью дружбы;
Неожидаемыя службы
Я вамъ догадливо служу:
Однажды передъ ваши очи
Я въ видѣ смертнаго предсталъ;
Въ ту пору сумракъ лѣтней ночи
Мнѣ образъ видимый давалъ...
Вы узнаете?

Вѣра.

Ваши сказки
Вы продолжите до утра.
Смотрите: всѣ снимаютъ маски,
Снимите-же свою, пора!

Елецкой.

Не мнѣ. Оставьте убѣжденья:
Я не исполню вашъ приказъ.
Лицо открылъ-бы я для васъ
Безъ выраженья, безъ значенья.
Нѣтъ, нѣтъ; я вспомню веселѣй
Сей разговоръ непринужденный,
Почти нежданно-уловленный
Счастливой маскою моей,
Чѣмъ взоръ холоднаго смущенья,
Который на лицо мое
Вперите вы, когда ее
Сниму я вамъ изъ угожденья.
Нѣтъ, я-бъ не могъ его снести!
Прощайте; я не здѣшній житель;
Въ мою безвѣстную обитель
Я долженъ во-время сойти.
Елецкой тихо удалился;
Ужъ былъ у выхода, и залъ
Совсѣмъ, казалось, покидалъ,
Но у дверей остановился:
Взглянуть онъ разъ еще желалъ
На Вѣру... Тихій взоръ онъ встрѣтилъ,
Мольбу нѣмую въ немъ замѣтилъ,
Укоръ въ немъ дружескій постигъ,
И скинулъ маску. Въ этотъ мигъ
Предъ нимъ лицо другое стало,
Очами гнѣвными сверкало,
И дико поднятой рукой
Грозило Вѣрѣ, и пропало
Съ Елецкимъ вмѣстѣ за толпой.

Глава IV.

Едва веселыми лучами
День новый окна озлатилъ,
Елецкой скорыми шагами.
Уже по комнатѣ ходилъ.
Порой, въ забвеніи глубокомъ
Остановясь, прилежнымъ окомъ
Во что-то всматривался онъ.
*Во взорах*ъ счастье выражалось;

Передъ душой его, казалось,
Леталъ веселый, свѣтлый сонъ.
Черезъ мгновенье пробужденный,
Онъ тѣмъ-же чувствомъ озаренный,
Свою прогулку продолжалъ,
И скоро снова прерывалъ.
Въ покоѣ томъ-же, занимая
Диванъ, Цыганка молодая
Сидѣла, блѣдная лицомъ.
Усталость выражали очи:
Казалось, въ продолженье ночи
Ихъ Сара не смыкала сномъ.
Она порывисто чесала
Густые, черные власы
И ихъ на темные красы
Нагихъ плечей своихъ метала
Она склонялась головой,
Но на Елецкаго порой
Взоръ изъ-подъ лобья подымала.
Какою злобой онъ дышалъ!
Другой мечты душою полонъ,
Подруги онъ не замѣчалъ;
Къ ней напослѣдокъ подошелъ онъ:
«Что это смотришь ты совой?»
Сказалъ онъ: «Сара, что съ тобой?»
Да молви слово!»

САРА.

Ахъ, мой Боже!

Ты ждешь отвѣта моего.
Вотъ онъ: я знаю отчего
Ты такъ доволенъ!

ЕЛЕЦКОЙ.

Отъ чего-же?

САРА.

Меня ты думалъ обмануть,
Когда вчера, кривя душою,
Ты мнѣ съ заботою такою
Скорѣй совѣтовалъ заснуть!
«Устала, Сара? дремлешь, Сара?
Лягъ, Сара, спать!» И я легла,

Сара.

Да ужъ нарочно не спала!—
Давно грозитъ мнѣ эта кара!
Давно я брошена тобой!
Ты сутки цѣлые порой
Двухъ словъ со мной не произносишь,
Любимыхъ пѣсенъ пѣть не просишь!
Да и по комъ твоя душа
Ужъ такъ смертельно заболѣла?
Ее вчера я разглядѣла:
Совсѣмъ, совсѣмъ не хороша!

Елецкой.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло!

Сара знаетъ.

Какая ждетъ ее судьба
За то, что служитъ, угождаетъ
Тебѣ по волѣ какъ раба:
Со знатной барышней своею
Ты обвѣнчаешься, а съ нею
Простишься, и ее на дворъ
Метлою выметутъ какъ соръ.

Елецкой.

Ты совершенно сумасбродишь!
Какія странныя мечты!
По пустякамъ горюешь ты
И на меня тоску наводишь.

Сара.

А кто, бывало, говорилъ,
Ко мнѣ ласкаясь то и дѣло:
«Тебя я, Сара, полюбилъ.
Жить одному мнѣ надоѣло,
Будь мнѣ подругою! со мной
Живи подъ кровлею одной!
Я нравомъ веселъ; живо, шумно
Въ пирахъ и пѣсняхъ завсегда.
Мы будемъ проводить года».
Я согласилася безумно.—
Что-жъ вышло?

Елецкой.

Изъ моихъ рѣчей

Тобой забыта половина.
Я говорилъ: твоя судьбина
Не будетъ скована съ моей!
Покуда любо жить со мною,
Живи! наскучило—прощай,
Былую радость поминай!
Съ твоей свободой той порою
Я выговаривалъ мою.
Но я тебя не узнаю!
И сердце будущимъ тревожа,
Ты на Цыганку не похожа.
Вашъ родъ безпеченъ...

Сара.

Проклятъ онъ!

Онъ человѣчества лишонъ!
Намъ чужды всѣ края мірскіе!
Мы на обиды рождены!
Забавить прихоти чужія
Для пропитанья мы должны.
Я о себѣ молчу: Цыганка
Вамъ не подруга, а служанка!
Она пляши и распѣвай,
А сердцу воли не давай.

Елецкой.

Оставь пустыя опасенья:
Не разлучимся мы съ тобой.
Хотя другого поколѣнья,
Родня я вашему судьбой.
И я, какъ вы, отверженъ свѣтомъ,
И мнѣ враждебенъ сердца гласъ...
Не распадется, вѣрь мнѣ въ этомъ,
Цѣпь сопрягающая насъ.
Когда съ Цыганкой молодою
Судьба Елецкаго свела,
Своей разгульною душою
Она мила ему была.
«Я горя знать не буду съ нею.

Какихъ тяжелыхъ, черныхъ думъ,
Мнѣ иногда гнетущихъ умъ,
Свободной рѣзвостью своею
Не удалитъ она сейчасъ?
Кому при блескѣ этихъ глазъ
Приснятся мрачныя печали?»
Такъ думалъ онъ; но дни мелькали,
Къ ея душѣ своей душой
На продолжительное время
Не могъ пристать Елецкой мой.
Ему потомъ ужъ стали въ бремя
Затѣи дѣвы удалой.
Не принимая въ нихъ участья,
Ужъ онъ желалъ другого счастья:
Души, съ которой могъ-бы онъ
Дѣлиться всей своей душою.
Надеждой темной увлеченъ,
Онъ Сарѣ пробовалъ порою
Передавать свои мечты;
Но образованнаго чувства
Языкъ для дикой красоты
Былъ полонъ странной темноты.
Она, не вѣдая искусства,
Подъ рѣчи друга своего
Безъ всякой совѣсти зѣвала,
Иль въ скоромъ времени его
Сторонней шуткой прерывала;
Но смутно трогалась, и ей
Невразумительныхъ рѣчей
Цыганка голосъ понимала.
Подругѣ вѣтренной своей
Онъ ежедневно былъ милѣй;
Но къ ней хладѣлъ по той-же мѣрѣ.
Когда, любовью вспыхнувъ къ Вѣрѣ,
Онъ нравомъ сталъ еще мрачнѣй,
Она развлечь его хотѣла,
Она родныя пѣсни пѣла,
Она по стульямъ, по столамъ
Съ живыми кликами скакала;
Она при немъ по пустякамъ
Какъ можно громче хохотала;
Но завсегда ее смущалъ
Въ то время взоръ его брюзгливый:
Предъ нимъ порывъ ея игривый

Въ одно мгновенье упадалъ.
Она сердилась и роптала,
И грусть давила сердце ей,
И тщетно Сара призывала
Покой и радость прежнихъ дней.

Глава V.

Какъ часто въ серединѣ бала,
Когда ужъ музыка играла
Иль попури, иль котильонъ,
И Вѣра, со своимъ танцоромъ
Наскуча пошлымъ разговоромъ,
Погружена въ сторонній сонъ,
Глазами молча провожала
Среди блистательнаго зала
Предъ нею вьющіяся четы,—
Елецкой рѣчію своею,
Нежданно слышимой за нею,
Вдругъ прерывалъ ея мечты.
Довольно холодно сначала
Съ нимъ въ разговоръ она вступала;
Но оживлялася потомъ,
И ободренъ ея вниманьемъ,
Онъ былъ заманчивымъ свиданьемъ
Къ свиданью новому влекомъ.
Однажды онъ за стуломъ Вѣры
Средь вихря бальнаго сидѣлъ.
Въ своихъ рѣчахъ ужъ не умѣлъ
Онъ соблюдать холодной мѣры;
Она исчезнула. Лишенъ
Надъ пылкимъ сердцемъ всякой власти,
Ужъ говорилъ открыто онъ
Съ ней языкомъ мятежной страсти.
Кончая: «Дайте мнѣ отвѣтъ!»
Онъ молвилъ: «Многое во вредъ
Мнѣ городская злоба трубитъ;
Сжился я со враждой молвы;
Но вы? что думаете вы
О томъ, который васъ такъ любитъ?»

Вѣра.

Что всѣ другіе; даже мнѣ
Еще извѣстнѣе, какъ права
О васъ разсѣянная слава,
Какъ должно вѣрить ей вполнѣ.

Елецкой.

«Вамъ всѣхъ извѣстнѣй? Вы всѣхъ строже?»
Но почему-же, отчего-же?»

Вѣра.

— Когда глаза мои въ тотъ разъ
Меня въ обманъ не приводили,
Словами вашими сейчасъ
Двухъ, не одну вы оскорбили.

Елецкой.

«Я вашей искренности радъ.
Уже въ судьбѣ моей стократъ
Я съ вами жаждалъ объясненья!
Примите исповѣдь мою:
Весьма во многомъ, нѣтъ сомнѣнья,
Останусь я безъ извиненья;
Но ничего не утаю».
Елецкой въ тягостную повѣсть
Минувшихъ дней своихъ вступилъ,
Свою запутанную совѣсть
Онъ передъ Вѣрой обнажилъ;
Повѣрилъ ей безъ украшенья
Свои былыя заблужденья,
Къ которымъ впрочемъ былъ влекомъ
Онъ меньше сердцемъ, чѣмъ умомъ.
Съ ея случайною знакомкой,
Своею смуглой однодомкой
Свое сближенье передалъ,
Какъ самъ его онъ понималъ:
Однимъ внушеніемъ унылымъ
Души, томимой пустотой;
Союзомъ столько-же постылымъ
Теперь ему, какъ ей самой.
«Къ ней обратиться», онъ прибавилъ,
Безумный мигъ меня заставилъ;

Ошибся я въ себѣ и въ ней.
Нѣтъ, нѣтъ! я не былъ съ нею друженъ!
Я для души ея не нуженъ,—
Нужна другая для моей».
И тихо рѣчь его журчала
За Вѣрой, ей одной слышна.
Но что? вникала-ли она
Въ слова его? Она молчала;
Была чуть-чуть обращена
Къ нему щека ея одна;
Но это легкое движенье
Замѣтить было мудрено:
Злословье самое оно
Не привело-бы въ искушенье.
Ей измѣняло лишь одно:
Вниманье къ балу притупѣло,
И краснощекій офицеръ,
Тогдашній Вѣринъ кавалеръ,
Ее въ то время то и дѣло
Къ порядку танца пробуждалъ,
И ей фигуры толковалъ.
Природа Вѣру сотворила
Съ живою, нѣжною душой;
Она ей чувствовать судила
Съ опасной въ жизни полнотой.
Недавно дѣва молодая,
Красою свѣжею блистая,
Вступила въ вихорь городской.
Она еще не разсудила,
Не поняла души своей;
Но темною мечтою въ ней
Она уже проговорила.
Странна ей суетность была;
Она плѣниться не могла
Ея несвязною судьбиной;
Хотѣло-бъ сердце у нее
Себѣ избрать кумиръ единый
И тѣмъ осмыслить бытіе.
Тутъ романическія встрѣчи
Съ героемъ повѣсти моей,
Его задумчивыя рѣчи
Тревожить стали душу ей.
Одно, быть можетъ, впечатлѣнье
Ей берегло воображенье...

Его разсѣялъ онъ. Съ какой
Благополучною душой
Съ тѣхъ поръ она ему внимала!
Съ какою сладостью о немъ
Въ невольномъ забытьи своемъ
Уединенная мечтала!
Какъ, новой жизнію дыша,
Легко ей было! Какъ блистала,
Какъ ликовала въ ней душа!
Дѣвица юная не знала,
Живого счастія полна,
Что такъ довѣрчиво она
Одной отравой въ немъ дышала,
Что сей привѣтный вѣтерокъ,
Ее ласкающій такъ нѣжно—
Грозы погибельной пророкъ;
Что вдругъ дохнетъ она мятежно,
И міръ въ глазахъ ея затмитъ;
И всѣ красы его разрушитъ,
И всѣ цвѣты его изсушитъ,
И жизни путь опустошитъ.

Глава VI.

Летѣли дни. Свои свиданья
Елецкой съ Вѣрой продолжалъ,
И съ каждымъ больше упованья
Любви своей онъ обрѣталъ.
Увы! старательно скрывая
Заботу сердца, между тѣмъ
Навѣрно дѣва молодая
Съ нимъ не обмолвилась ничѣмъ;
Но не владѣла выраженьемъ
Лица невиннаго она:
На немъ со всѣмъ ея смятеньемъ
Была душа ея видна.
«Любимъ я!» съ ропотомъ и мукой
Елецкой самъ себѣ твердилъ.
Великой постъ ужъ подходилъ
И съ Вѣрой скорою разлукой,
Разлукой долгою грозилъ!
«Нѣтъ!» мыслитъ онъ, «до разставанья,
Во что-бы ни было, должна

Рѣшить судьбу мою она!»
Онъ ждетъ удобнаго мгновенья;
И Вѣра, время разлученья
Предвидя, днями дорожитъ,
И ихъ считаетъ и груститъ.
Уѣхалъ дядя. Въ тихой залѣ,
При свѣтѣ двухъ свѣчей, одна
Твердила на своемъ роялѣ
Урокъ докучливый она:
Полна душой другой заботы,
Насильно всматривалась въ ноты...
Вдругъ... протянувшись передъ ней
Закрыла ихъ рука чужая.
Вѣтръ пошатнулъ огонь свѣчей;
Вздрогнула дѣва молодая,
Оборотилася, глядитъ:
Елецкой передъ ней стоитъ.
«Не безпокойтесь, ради Бога!
Какая странная тревога
У васъ написана въ глазахъ!
Я васъ прошу, не уходите!
Чего боитесь вы? сидите:
Я все скажу вамъ въ двухъ словахъ»

Вѣра.

Я не могу остаться съ вами!
Подите. Разговоръ такой
Мнѣ не приличенъ. Боже мой!
Одна я, видите вы сами!
Подите.

Елецкой.

Напередъ я зналъ,
Что я застану васъ одною:
Одну я видѣть васъ желалъ.
Остаться должно вамъ со мною,
Вамъ должно выслушать меня.

Вѣра.

Оставьте до другого дня,
Я умоляю васъ, подите!
Мой дядя будетъ сей-же часъ.

Елецкой.

Одинъ вопросъ: люблю я васъ,
Вы это знаете. Скажите:

Я равнодушенъ вамъ, иль нѣтъ?

Вѣра.

На все, на все одинъ отвѣтъ:
Подите!..

Елецкой.

Вы-ли говорили?

Я-ль слышалъ васъ? и не во снѣ!
Я не любимъ... Зачѣмъ-же мнѣ
Давно вы это не внушили?
Своей холодности зачѣмъ
Вы мнѣ тотчасъ не показали?
Зачѣмъ, скажите, мнѣ внимали
Вы такъ привѣтно между тѣмъ?
Зачѣмъ, глаза мои встрѣчая,
Не отводили вашихъ глазъ?
Зачѣмъ дышала всякій разъ
Въ нихъ дума нѣжная такая?
Дитя! Кокетки записной
Постигнувъ опытную ролю,
Признайтесь: вы играли въ волю
Моей безумною душой!
Кто-бъ могъ подумать! въ ваши лѣта!
Мою любовь мнѣ не забыть;
Желалъ-бы я ея предмета

Не презирать. Но, такъ и быть,
Прощайте!

Нѣтъ! такого мнѣнья

Я не оставлю ни за что!
Не правы ваши заключенья.
Я прямодушна. Я не то
Сказать хотѣла... Нѣтъ... Просите
Руки моей, и если...

Елецкой.

Вы?

Вы мнѣ объ этомъ говорите?
А восклицанья всей Москвы!
На нашъ союзъ ванъ дядя строгой
Не согласится никогда;

Молитвы будутъ безъ плода.
Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ! другой дорогай
Идти намъ должно. Для вѣнцо
Сегодня ночью у крыльца
Я ждать васъ буду. Все готово:
Бѣжать со мною дайте слово!
Любовь слѣпая мнѣ нужна.
Рѣшитесь.

ВѢРА.

Я изумлена

Такимъ нежданнымъ предложеньемъ
Нѣтъ, это будетъ преступленьемъ!
Нѣтъ, я и думать не хочу!
Я такъ ужасно огорчу
Того, который...

ЕЛЕЦКОЙ.

Все забудетъ

Онъ, нашимъ счастіемъ счастливъ,
И напослѣдокъ справедливъ
Онъ и ко мнѣ навѣрно будетъ.
Ему (вамъ нужно-ль обѣщать?)
Я буду сыномъ самымъ нѣжнымъ.
Страдалъ я долго безнадежнымъ —
Ахъ, Вѣра! снова-ли страдать!
Меня вы любите: судьбиной
Оставленъ намъ исходъ единой.
Ахъ, Вѣра, Вѣра! сердце въ васъ
Сей мигъ рѣшительный измѣритъ:
Меня печально разувѣритъ
Въ немъ малодушный вашъ отказъ
Все, все онъ кончитъ между насъ!
Бѣгите, Вѣра! дайте руку...
Не на ужасную разлуку,
Съ которой не сживуся я,
Но на союзъ святой и вѣчный.
Мой милый другъ, мой другъ сердечный!
Скажи: не правда-ль? ты моя?

ВѢРА.

Люблю, люблю я васъ... Но что-же?
Что предлагаете вы мнѣ?
На что рѣшиться! Боже, Боже!
Подумать дайте въ тишинѣ!

Елецкой.

Я знаю, горестная мѣра;
Но—ты-ль не видишь? нѣтъ иной!
Рѣшись!

Вѣра.

Не нынче!

Елецкой.

Нынче, Вѣра;

Сегодня, другъ безцѣнный мой!
Не долго дѣва молодая
Еще противилась ему.
Онъ нѣжно къ сердцу своему
Прижалъ ее. Лицомъ пылая,
Потупя взоръ, склонивъ главу,
Она умомъ изнемогала,
И, ни во снѣ, ни на яву,
Свое согласье прошептала.
Елецкой ликовалъ душой,
По темной улицѣ домой
Онъ шелъ походкою веселой.
Но у порога своего
Остановился; умъ его
Смутился думою тяжелой:
Тамъ Сара!—Въ головѣ своей
Уже Елецкой принялъ мѣры,
Чтобъ неприличной встрѣчѣ съ ней
Вновь не подвергнуть милой Вѣры.
Москву съ невѣстой въ эту ночь
Покинетъ онъ; обрядъ вѣнчальной
Онъ совершитъ въ деревнѣ дальной;
Онъ все предвидѣлъ, все точь въ точь
Обдумалъ. Сары онъ не знаетъ;
Любовью въ ней не почитаетъ
По немъ расчетливой любви;
Не вѣритъ въ ней ревнивой мукѣ.
«Изъ нихъ любую призови
Всѣ тверды въ нужной имъ наукѣ!»
Такъ мыслилъ онъ. Но въ этотъ мигъ...
Иль Сару лучше онъ постигъ
При наступающей разлукѣ?
Упрекъ въ душѣ его возникъ.
Его докучное внушенье

Онъ опровергъ въ умѣ своемъ
И, отряхнувъ недоумѣнье,
Вошелъ въ свой домъ, гдѣ въ то мгновенье
И Сара думала о немъ.

Глава VII.

Грустила брошенная Сара;
Но въ этотъ вечеръ было ей
Еще грустнѣй, еще тошнѣй.
Почти болѣзненнаго жара
Была тоска ея полна.
Въ своемъ волненіи она
Платкомъ въ лицо себѣ махала,—
Прохлады воздухъ не давалъ,
Но кровь ей пуще волновалъ.
Иглу къ работѣ принуждала,—
Колола пальцы ей игла.
Гадать цыганка начала,—
Еще тошнѣе: карты врали,
Когда ей счастье предрекали,
И наводили страхъ, когда
Въ нихъ выходила ей бѣда.
Ихъ со стола она столкнула,
Шитье отбросила, вздохнула,
На столъ локтями опершись,
Цыганка стиснула руками
Чело.! и смятыми кольцами
Вкругъ пальцевъ кудри обвились.
Закрывъ глаза она сидѣла...
Вдругъ шепчутъ: Сара, Сара!—Къ ней
Въ покой изъ боковыхъ дверей
Цыганка старая глядѣла.

Сара.

Ненила ты? войди скорѣй;
Я заждалась тебя, Ненила;
Совсѣмъ я брошена, совсѣмъ!
Не угожу ему ничѣмъ.
Хотя-бы ты мнѣ услужила!
Что принесла ли?

Старуха.

Принесла.

Да ужъ насилу добрела,
Мятель такая закрутила!
Гляди-ка: вотъ твое вино!
Ужъ удружитъ тебѣ оно;
Спасибо скажешь.

Сара.

Ахъ, Ненила!

Вѣрь: ты мнѣ душу воротила!
Я полюблюсь ему опять?
Да полно, правда-ль?

Старуха.

Что мнѣ лгать!

Лишь дай испить, сама увидишь!
Онъ обвѣнчается съ тобой
И заживешь ты госпожой,
А тамъ старухи не обидишь.
Ты мнѣ повѣрь, моя красотка,
Придутъ благія времена!

Сара.

Какъ я тобой одолжена!
Но тамъ идутъ... его походка;
Поставь подарокъ свой на столъ,
Да и прощай, уйди отселѣ,
Уйди скорѣе!

Въ самомъ дѣлѣ

Елецкой въ комнату вошелъ.
Въ глазахъ его была суровость,
Предъ Сарой молча онъ ходилъ;
Рѣчь наконецъ къ ней обратилъ.
«Тебѣ сказать я долженъ новость:
Съ тобой я скоро разстаюсь.
Послушай, Сара! я женюсь».
Лицо у Сары поблѣднѣло
И загорѣлось въ тотъ же мигъ.
Ножъ острый въ сердце ей проникъ:
Оно то стыло, то кипѣло;
Хотѣла бъ смертная тоска
Излиться воплемъ и слезами...

Рвалися бурными волнами
У ней попреки съ языка...
Но эти первыя движенья
Она въ себѣ перемогла,
И голосъ мирный обрѣла,
Хотя дрожащій отъ волненья.
«Давно я этого ждала!
Не удивишь меня разлукой»,
Сказала Сара.—«Долгой мукой
Я приговлена была.
А скоро-ль свадьба?»

Елецкой.

Въ домѣ этомъ
Я не ночую; не жалѣй
О старинѣ. Въ судьбѣ твоей
Я обязуюся отвѣтомъ,
И ужъ подумалъ я ней;
Довольна будешь.

Сара.

Мнѣ не нужно
Постылыхъ милостынь твоихъ.
Не безпокойся, и безъ нихъ
Съ тобой разстануся я дружно.
Пѣнять не буду я тебѣ.
Жила я весело счастливо;
Теперь не то,—какое диво?
Не все стоять одной судьбѣ!
У насъ вѣрна одна могила;
А кто на свѣтѣ долго милъ?
Какъ ты сегодня разлюбилъ,
Такъ я-бы завтра разлюбила;
За что сердиться?

Елецкой.

Очень радъ.
Дай руку, Сара! Предъ тобою
Я совершенно виноватъ.
Я вижу, выше ты душою,
Чѣмъ полагалъ доселѣ я:
Ты не притворщица пустая.
Обыкновенье ваше зная,
Я ждалъ упрековъ, слезъ, вытья...

Спасибо, нѣтъ ихъ; безъ сомнѣнья,
Простимся дружно мы съ тобой.
Мила, ты. Сара!

САРА.

Плачъ и вой

Въ душѣ... Но что до сокрушенья!
Въ слезахъ и вопляхъ толку нѣтъ.
Мы разстаемся? Власть Господня!
Простимся весело. Сегодня
Я имянинница, мой свѣтъ!
Въ послѣдній разъ мое здоровье
Ты долженъ выпить... но до дна!
Какъ въ старину; смотри-жъ: условье!
Не то сейчасъ заплàчу... На!

ЕЛЕЦКОЙ.

Твое здоровье? Радъ душою...
И вотъ—ни капли нѣтъ на днѣ.
Надѣюсь, ты довольна мною?

САРА.

Спасибо! Сядь теперь ко мнѣ,
Поговоримъ по старинѣ.
И съ равнодушнымъ послушаньемъ
Къ ней на диванъ Елецкой сѣлъ,
Но, далеко своимъ мечтаньемъ,
Онъ на часы свои глядѣлъ.
—Скажи мнѣ, Сара продолжала,
Судьбою новою своей
Доволенъ ты?

ЕЛЕЦКОЙ.

А что?

САРА.

Ей, ей!

Я коротко твой нравъ узнала:
Не перемѣнишься ты въ немъ...
Привыкъ ты къ беззаботной долѣ,
Разгульной жизни, вольной волѣ,
Стошнишь порядочнымъ житьемъ.
Наскучитъ, твердо предрекаю,

Тебѣ и милая твоя:—
Тебѣ наскучила же я!
Жаль бѣдной! По себѣ я знаю,
И слишкомъ знаю, каково:
К къ я бы выла, да рыдала,
Когда-бы втайнѣ не питала
Одной надежды!

Елецкой.

Полно, что-ты?

Всѣ были кончены расчеты,—
Что за надежда?

Сара.

Брежу я.

И какъ равняться я посмѣю
Съ невѣстой счастливой твоею!
О ней единой мысль твоя;
Ты ею дышешь. Ахъ, царица,
Царица свѣтлая она!
Я передъ нею пыль одна.
Но... въ умъ придетъ-же небылица!
Забудь любовь свою на часъ:
Какая разница межъ насъ?—
Что я Цыганкой уродилась?
Что нѣтъ за мною селъ, хоромъ?
Что говорить не научилась
Я иностраннымъ языкомъ?
Вотъ всё. Не шутка, очень знаю!
Но сердцемъ я не уступаю
Твоей невѣстѣ. Чѣмъ она
Любовь понынѣ доказала?
Какія слезы проливала?
Что перенесть была должна?
А я... что слёзъ я источила,
Какихъ обидъ не проглотила,
Молчанье горькое храня!
Ты разлюбилъ, я все любила;
Ты гналъ безжалостно меня,—
Къ тебѣ я злобному ласкалась,
Какъ собаченка. Разсмотри
Меня получше: говори,
Такая-ль я тебѣ досталась?—
Глаза потухнули отъ слезъ;

Лицо завяло, грудь изсохла;
Я только, только-что не сдохла! .
Ты все молчишь?

Елецкой.

Тебѣ нанесъ
Я много горя... Я не вѣдалъ,
Когда другой мой жребій предалъ,
Что ты... Но что со мною?.. Свѣтъ
Въ глазахъ темнѣетъ... все кружится...
Мнѣ дурно, Сара, дурно...

Сара.

Нѣтъ!
Я знаю, что въ тебѣ творится.
Въ душѣ мятущейся твоей
Я чуднымъ чудомъ оживаю:
Разлучницы проклятой въ ней
Бѣсовскій образъ погашаю.
Блѣднѣешь ты... Не мудрена
Измѣна мнѣ, а ей страшна!
Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она, крушись она!
Съ тоски изсохни какъ лучина!
Умри она! ты мой: приди,
Прижмись опять къ моей груди!
Очнись отъ лютаго угара,
Приди, и все забуду я.
Узнай меня, узнай: я Сара!
Я Сара прежняя твоя.
Цыганка страстными руками
Его рыдая обвила
И жадно къ сердцу повлекла.
Глядѣлъ онъ мутными глазами,
Но не противился. Главой
Онъ даже тихо приклонился
Къ ея плечу; на немъ нѣмой,
Казалось, томно позабылся,—
По грозной бурѣ, тишина
Влилась отрадно въ сердце Сары.
«Онъ мой! подѣйствовали чары!»
Съ восторгомъ думала она.
Но время долгое проходитъ—
Онъ все лежитъ, онъ все молчитъ;

Едва дыханье переводитъ
Цыганка. «Милый мой!.. Онъ спитъ.
Проснись, красавецъ!» Зовъ безплодный;
Мигъ страшной истины насталъ:
Она вглядѣлась—трупъ холодный
Въ ея объятіяхъ лежалъ.

Глава VIII.

Стояла ночь уже давно.
Градскія стогны опустѣли;
Въ домахъ уснувшихъ ни одно
Не озарялося окно,
Всѣ одинаково черпѣли.
Луна не свѣтитъ, всё молчитъ;
Лишь вѣтеръ воетъ и свиститъ,
Мятель до кровель воздымая.
Обѣту своему вѣрна,
До самой улицы одна
Доходитъ Вѣра молодая;
Ни кѣмъ не встрѣчена она!
Въ лицо суровый и холодный
Ей дуетъ вѣтеръ непогодный,
И ночь ненастная черна.
Она стоитъ; она мгновенья
Считаетъ, полная волненья...
Бѣгутъ мгновенья! Вѣра ждетъ—
Онъ не приходитъ; не придетъ!
Въ ней сердце замерло... дѣвицу
Пріемлетъ снова прежній кровъ.
Ужъ ранній вой колоколовъ
Порою той будилъ столицу,
И въ городъ, сквозь ночную тѣнь,
Ужъ голубѣя крался день.
Холмъ, подъ которымъ спитъ Елецкой,
Гдѣ онъ забылъ любовь, вражду,
Гдѣ равнодушенъ онъ къ суду
Толпы и свѣтской и не свѣтской,—
Ужъ не однажды поросталъ
Весенней, новою травою,
И снѣгъ пушистой пеленою
Его не разъ ужъ покрывалъ.
Но долго-ль юноша несчастный
Жилъ въ сердце Вѣры? Много-ль слезъ,
Ея сердечныхъ первыхъ грезъ,

У ней исторгъ обманъ ужасный?—
Въ ту-жъ зиму съ дядей—старикомъ
Покинувъ городъ, возвратилась
Она лишь два года потомъ.
Лицомъ своимъ не измѣнилась;
Блистаетъ тою-же красой,
Но строже смотритъ за собой.
Въ знокомство тѣсное не входитъ
Она ни съ кѣмъ. Всегда отводитъ
Чуть-чуть короткій разговоръ.
Подчинены ея движенья,
Холодной мѣрѣ. Вѣринъ взоръ,
Не измѣняя выраженья,
Не выражаетъ ничего.
Блестящій юноша его
Не оживитъ, и нетерпѣнья
Въ немъ не замѣтитъ старый шутъ;
Ея смѣшливыя подруги
Въ нескромный смѣхъ не вовлекутъ;
Раздѣлены ея досуги
Между роялемъ и канвой;
Въ раздумьи праздномъ не видали
И никогда не заставали
Съ романомъ Вѣры Волховской.
Дѣвицей самой совершенной
Въ устахъ у всѣхъ она слыветъ.
Что-жъ эту скромность ей даетъ?
Увы! тоскою потаенной
Еще-ль душа ея полна?
Еще-ли носитъ въ ней она
О прошломъ вѣрное мечтанье,
И равнодушна ко всему,
Что не относится къ нему,
Что не его воспоминанье?
Или, созрѣвъ умомъ своимъ,
Уже теперь постигла имъ
Она безумство увлеченья?
Уразумѣла, какъ смѣшно
И легкомыслено оно,
Какъ правы принятыя мнѣнья
О романическихъ мечтахъ?
Или теперь въ ея глазахъ
За общій очеркъ, въ мигъ забвенья
Полусвершенный ею шагъ

Сталъ дѣтской шалостью одною,
И съ утонченостью такою,
Осмотру свѣтскому вѣрна,
Его сама передъ собою
Желаетъ искупить она?
Одно-ль, другое-ль въ ней виною
Страстей безвременной тиши:
Утраченъ Вѣрой молодою
Иль жизни цвѣтъ, иль цвѣтъ души.
Куда, заснувшею столицей,
При яркомъ блескѣ зимнихъ звѣздъ
Въ саняхъ несется вереницей
Весельчаковъ ея поѣздъ?
Къ Цыганамъ. Предъ знакомымъ домомъ
Остановились. Въ двери съ громомъ
Стучатъ; привычною рукой
Имъ отворилъ Цыганъ сѣдой.
Въ хоромахъ спящихъ тьма густая,
Но путь знакомъ Толпа лихая
Спѣшитъ проникнуть въ тотъ покой,
Гдѣ, ночи шумной ожидая,
Еще съ вечерней первой мглой
Въ свои постели пуховыя
Легли Цыганки молодыя.
Ужъ гости вѣтреные тамъ,
Ужъ кличутъ дѣвъ по именамъ.
Но все Египетское племя
Кругомъ пріѣзжихъ въ то же время
Съ веселымъ шумомъ собралось,
И свѣчъ сіянье разлилось.
Дремоту дѣвы покидаютъ,
Встаютъ на общій громкій зовъ,
Платками плечи покрываютъ,
Ногами ищутъ башмаковъ,
И вотъ ужъ весело болтаютъ,
И таборъ къ пѣнію готовъ.
Одна Цыганка на постели
Сидитъ недвижно. На гостей
Глядитъ сердито. Роемъ къ ней
Подруги смуглыя подсѣли;
Свой дикій взглядъ она хранитъ,
Устами молча шевелитъ,
Или безсмысленно порою
Вздохнувъ качаетъ головою.

Но грянулъ своенравный хоръ:
Блеснулъ ея туманный взоръ,
Уста улыбка озарила;
Воскреснувъ въ крикѣ хоровомъ.
Она, веселая лицомъ,
Съ нимъ голосъ яркій согласила.
Умолкнулъ хоръ, и вновь она
Сидитъ сурова и мрачна.
Такъ воротилась въ таборъ Сара.
Судьбы послѣдняго удара
Цыганка вынесть не могла,
И разумъ въ горѣ погребла.
Вотще родимыя напѣвы
Уносятъ душу бѣдной дѣвы
Въ былые, лучшіе года!
Такъ рѣзвый вѣтеръ иногда
Листокъ упадшій подымаетъ,
Съ нимъ вьется въ свѣтлыхъ небесахъ,
Но вдругъ утихнувъ, опускаетъ
Его опять на дольній прахъ.

ПРОЗА.

ПРОЗА.

О ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ И ИСТИНѢ.

(Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія 1821 г. № 1, стр. 25).

Что называемъ мы заблужденіемъ? Что называемъ мы истиной? Я не говорю объ истинахъ историческихъ, математическихъ и нравственныхъ; нѣтъ, я говорю о минутныхъ соображеніяхъ разума, основанныхъ на какихъ либо мнѣніяхъ, почитаемыхъ нами за истинныя, вслѣдствіе которыхъ мы такъ или иначе принимаемъ впечатлѣнія окружающихъ насъ предметовъ. Я спрашиваю: почему однѣ впечатлѣнія, или родившіяся отъ нихъ мысли, мы называемъ истинными, а другія ложными?

Ежели въ прекрасный вечеръ, смотря на заходящее солнце, послѣдними лучами озлащающее зеленые холмы,—полный тихимъ спокойствіемъ засыпающей природы, я воскликну въ минуту восторга, какъ величественно, какъ прекрасно твореніе! Никто не подумаетъ назвать заблужденіемъ чувство, которое заставило меня изъясниться такимъ образомъ.—Дитя ловитъ бабочку и, поймавъ ее, восклицаетъ: какъ прекрасна бабочка! какъ я радъ, что поймалъ ее! Мы говоримъ, съ чувствомъ собственнаго превосходства: прелестный возрастъ! бабочка составляетъ твое счастіе; но придетъ время и заблужденіе исчезнетъ!

Почему заблужденіе? потому-ли, что оно проходчиво? Но что-же въ мірѣ не проходчиво? Природа въ цѣломъ не существуетъ для дитяти: въ ней существуетъ для него только бабочка. Насъ восхищаетъ природа, но бабочка уже для насъ не существуетъ. Многоли мы выиграли въ обманѣ? и кто поручится, что мы теперь видимъ яснѣе, нежели видѣли прежде?

Молодость называютъ временемъ слѣпоты и заблужденій; самовластная старость умѣла опредѣлить ее такимъ образомъ: «Юноши, говоритъ намъ ворчунья: страсти ослѣпляютъ васъ, мечты ваши украшаютъ всѣ предметы, воображеніе устилаетъ цвѣтами бездну, готовую разступиться подъ стопами вашими, но поживите съ мое, и вы увидите истину безъ покрова».

— Бабушка, я-бы отвѣчалъ ей: твои уроки мнѣ-бы досадили въ другое время, но сегодня я не расположенъ сердиться, и тебѣ совѣтую отвыкнуть отъ твоего брюзгливаго ворчанья. Но, послушай: глаза твои слабѣютъ—а ты хочешь лучше меня видѣть. чувства

твои завяли—а ты хочешь лучше меня чувствовать! Какъ? потому что годы, лишивъ тебя зрѣнія, накинули мрачное покрывало на окружающіе тебя предметы, я долженъ вѣрить, что они въ самомъ дѣлѣ одѣты туманомъ! Какъ? потому что твое воображеніе угасло, я назову мечтательными цвѣты, которые вижу при свѣтѣ своего собственнаго воображенія! Я не могу сомнѣваться въ ихъ существованіи потому, что ихъ вижу; а вижу потому, что имѣю хорошее зрѣніе. Ты лишена и глазъ, и чувства; займи ихъ у меня, моя милая, и ты почувствуешь всю вѣтренность твоихъ заключеній.

— Я думала, какъ ты, въ твои лѣта, мнѣ отвѣчаетъ старушка: опытъ разрушилъ мои воздушные замки; годы отнимаютъ глаза, но дѣлаютъ зоркимъ разсудокъ.

— Я не знаю, что̀ ты понимаешь подъ словомъ разсудокъ? Я думаю, что это ничто иное, какъ то чувство, которое вслѣдствіе пріобрѣтенныхъ мною понятій, чрезъ различныя впечатлѣнія, заставляетъ меня видѣть предметы въ томъ порядкѣ, въ какомъ я въ сію минуту ихъ вижу. И могу-ли я ихъ видѣть иначе? Могу-ли отдѣлять отъ себя мечты и страсти, составляющія необходимую часть самого меня? Ты мнѣ говоришь объ опытѣ; но я не знаю еще, что̀ такое опытъ. Онъ или прибавитъ что нибудь къ существу моему, или уничтожитъ нѣкоторую часть его: въ обоихъ случаяхъ я перестану быть самимъ собою—я перемѣнюсь одинъ, предметы не перемѣнятся. И зачѣмъ мнѣ промѣнять мечты свои на твой разсудокъ? Ты сказала въ какой-то книгѣ:—суди о человѣкѣ по его поступкамъ; нельзя-ли сказать тоже: суди о правилахъ по ихъ послѣдствіямъ?—Суди же моя радость, ты печальна, а я веселъ; ты подозрительна, а я довѣрчивъ; ты сердишься и кашляешь, а я смѣюсь и напѣваю шутливую пѣсню; я умнѣе потому что счастливѣе.

— Но было время, когда ты строилъ карточные замки, забавлялся восковою куклою, снаряжалъ бумажные корабли:—игрушки для тебя стали уже игрушками; скоро и мечты для тебя будутъ мечтами.

— Не спорю! Но со временемъ я и самъ умру; всему есть границы; но не замки изъ мраморныхъ превратились въ карточные, не корабли изъ деревянныхъ превратились въ бумажные; я одинъ лишился чувства, которое или меня обманывало, или заставляло лучше видѣть. По крайней мѣрѣ наслажденія были истинными.

— Ты нечаянно согласился, что есть предметы, существующіе для одного только воображенія; слѣдственно—мечтательные.

— Мечтательные потому, что существуютъ для одного только воображенія! Забавное заключеніе. Почему довѣрять одному чувству болѣе, нежели другому? Звуки существуютъ для одного только слуха; слѣдственно звуки не существуютъ! Неужели природа дѣлаетъ *что нибудь безъ* цѣли? Воображеніе есть такое-же свойство, какъ

и другія свойства. Ты скажешь, что оно измѣняетъ намъ прежде, нежели другія способности; что опытъ разрушаетъ призраки его. Согласенъ; но мы нѣсколько позже лишаемся зрѣнія, слуха, иногда и разума! Не все-ли равно лишиться физически способности видѣть; или метафизически—способности воображать? Ты говоришь, что меня обманываютъ мечты мои: я въ правѣ сказать, что тебя обманываютъ твои умозрѣнія. Послушай: дѣтство забавляется мечтами, старость забавно важничаетъ мнимою своею мудростью, и каждый играетъ свойственною ему игрушкою.

Я нѣсколько отдалился отъ своего предмета; по крайней мѣрѣ вы видѣли, что невозможно заставить человѣка перемѣнить свои мысли, не заставивъ его самого перемѣниться, т. е. что нибудь потерять, или что нибудь пріобрѣсти. — Остается опредѣлить: въ какихъ точно случаяхъ мы пріобрѣтаемъ и въ какихъ лишаемся! Я ничего не утверждаю, и потому сдѣлаю только нѣсколько вопросовъ.

Что вы почитаете вѣрнѣйшимъ способомъ къ отысканію истины?— Разсудокъ и опытъ.—Согласенъ. Но положимъ, вы имѣли одни только горестные опыты; что въ дѣтствѣ вы зависѣли отъ своенравнаго наставника; что въ юности вамъ измѣнила любовница, измѣнилъ другъ, измѣнила надежда; что въ старости вы остались одинокимъ и печальнымъ. Какъ вы опишите жизнь? Дѣтство для васъ будетъ временемъ рабства и безсилія; юность временемъ мятежныхъ сновъ и безумныхъ желаній; старость — торжественнымъ срокомъ, когда является истина и съ насмѣшкой погашаетъ свѣчу въ китайскомъ фонарѣ воображенія.

Относительно къ себѣ вы совершенно правы; напротивъ, въ дѣтствѣ я ничего не зналъ кромѣ радостей: добрая мать мнѣ была снисходительной наставницею. Теперь имѣю веселыхъ, любезныхъ друзей, всею душою мнѣ преданныхъ; быть можетъ, буду еще имѣть подругу милую и вѣрную; надѣюсь, что старость моя согрѣется воспоминаніями о прежней разнообразной, полной жизни; что и въ преклонныхъ лѣтахъ сохраню еще любовь къ прекрасному, хотя не такъ живо его буду чувствовать; что сквозь очки еще съ наслажденіемъ буду смотрѣть на румяную молодость, а подъ-часъ и самъ буду забавлять ее разсказами про старое время.

Положимъ, что такова будетъ жизнь моя; не правда-ли, что, подобно вамъ, руководствуясь разсудкомъ и опытомъ, я сдѣлаю заключеніе, совершенно противное вашему, и не будемъ-ли мы здраво судить каждый въ свою очередь?

Ежели вѣтренная молодость украшаетъ, все очаровываетъ блестящимъ своимъ воображеніемъ:—брюзгливая старость не слишкомъ-ли все очерняетъ своею холодною недовѣрчивостью, и есть-ли минута въ жизни, въ которую мы совершенно чужды того или другого предубѣжденія?

Въ какомъ случаѣ мы пріобрѣтаемъ, и въ какомъ лишаемся? Истина (ежели въ самомъ дѣлѣ есть какое-то отвлеченное благо, которое мы называемъ истиною) не должна-ли быть нѣкоторымъ верховнымъ наслажденіемъ, способнымъ замѣнить намъ всѣ прочія мечтательныя или, лучше сказать, недостаточныя наслажденія? Но мы видимъ совершенно противное. Мы терземъ, удостовѣряясь въ томъ, что̀ привыкли называть истиною; мы уважаетъ аксіомы опыта и между тѣмъ часто сожалѣемъ о прелестныхъ заблужденіяхъ, которыя нѣкогда составляли наше счастіе,

Старость имѣетъ только то преимущество предъ молодостію, что приходитъ послѣ; она ко всему равнодушна потому, что не имѣетъ страстей; она видитъ вчернѣ всѣ предметы потому, что неспособна ихъ видѣть иначе; она изъ всего выводитъ печальныя заключенія потому, что сама печальна и, не бывъ еще лишена способности мыслить, должна присвоить себѣ какія либо мнѣнія. Но кто поручится за ихъ безпристрастіе?

Мы называемъ старость временемъ благоразумія и мудрости. Но положимъ, что она-же со своею опытностію будетъ первымъ періодомъ нашей жизни; что за нею послѣдуетъ мужество, юность и наконецъ дѣтство. Старость, чувствуя новую жизнь, проливающуюся въ его сердце, новыя ясныя мысли, которыя мало по малу освѣжаютъ его голову и разглаживаютъ морщины на челѣ его,— не заключитъ-ли довольно правдоподобно, что существо его начинаетъ усовершенствоваться? Онъ слышитъ голосъ славы и честолюбія, летитъ на поле брани, спѣшитъ въ совѣтъ къ согражданамъ; онъ снова знакомится съ прежними мечтами и думаетъ: я опровергалъ разсудкомъ то, что̀ теперь ясно понимаю посредствомъ страстей и воображенія; я заблуждался, но время открываетъ истину. Приходитъ и пора любви: онъ видитъ прекрасную женщину и удивляется, что до сихъ поръ не примѣчалъ, что существуютъ женщины; онъ во многихъ предметахъ усматриваетъ то, чего не усматривалъ до сей минуты. Онъ вспоминаетъ прежнія свои предубѣжденія и думаетъ: Безумецъ! я хотѣлъ понять холоднымъ разумомъ то, что̀ можно только понять сердцемъ и чувствомъ: ясно вижу свое заблужденіе. Наконецъ въ дѣтствѣ, пуская мыльные пузыри, онъ скажетъ, увидя за книгою старика--новаго жителя міра: посмотри, это гораздо полезнѣе твоей книги.

Въ заключеніяхъ чудака, переходящаго отъ старости къ дѣтству, вы найдете почти болѣе логики, нежели въ заключеніяхъ отрока, переходящаго отъ дѣтства къ старости.

Поэтому нѣтъ истины? Кто вамъ говоритъ что нибудь подобное? Но истина не есть ли она до крайности относительная? Каждый возрастъ, каждая минута нашей жизни не имѣетъ-ли собственныя, ей одной свойственныя, истины? Предметы, насъ окружающіе, не

также-ли относятся къ нашему разсудку, какъ солнечные лучи ко внутреннему расположенію нашихъ глазъ? Не безумно-ли отречься отъ пріятнаго чувства потому только, что другіе называютъ его заблужденіемъ? Не безумно-ли называть человѣка безразсуднымъ потому только, что поступки его на кажутся безразсудными? Не странно-ли писать разсужденіе объ истинѣ, когда доказываешь, что каждый изъ насъ имѣетъ собственныя свои истины?

ИСТОРІЯ КОКЕТСТВА.

(Сѣв. Цв. 1825 г. стр. 100—118).

Венера почитается матерью богини кокетства. Отцемъ ея называютъ Меркурія, и Апполона, и Марса и даже Вулкана. Говорятъ, что передъ ея рожденіемъ непостоянная Киприда была въ равно короткой связи со всѣми и разрѣшившись отъ бремени, каждаго поздравила на ухо счастливымъ отцемъ новорожденной богини.

Малютка, въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ имѣла нѣкоторое сходство. Вообще она была подобіемъ своей матери; но въ глазахъ ея, несмотря на ихъ нѣжность и томность, было что-то лукавое, принадлежащее Меркурію. Тонкимъ вкусомъ и живымъ воображеніемъ казалась она обязанною Апполону. Марсу нравились ея свободныя движенія, доказывающія, по словамъ его, что отецъ ея былъ человѣкъ военный; добрый же Вулканъ не обнаруживалъ своихъ замѣчаній, но ласкалъ малютку съ истинною родительскою нѣжностью.

Всѣ они имѣли одинаковое право принимать нѣкоторое участіе въ будущей судьбѣ новой богини, съ равнымъ усердіемъ старались о ея воспитаніи. Жители Олимпа удивлялись быстрымъ ея успѣхамъ и превозносили необыкновенныя ея дарованія. Одна Паллада усмѣхалась имъ подозрительно, да иногда Амуръ поглядывалъ на молодую богиню съ видомъ безпокойства и недовѣрчивости.

Многіе недостатки были въ ней замѣтны, особенно непомѣрное тщеславіе. Она болѣе любила выказывать свои знанія, нежели любила самыя науки; въ угодительномъ ея обхожденіи съ богами было болѣе желанія казаться любезною, нежели истиннаго благонравія. Ко всему имѣла она нѣкоторое расположеніе, ни къ чему настоящей склонности, и потому никѣмъ и ничѣмъ не могла заниматься долго. Непостоянство ея, можетъ быть, происходило отъ ея генеалогіи; но усовершенствовалось своевольнымъ ея воспитаніемъ. «Наставники ея недальновидны, говорила иногда Паллада (которая, кстати и не кстати, любила-таки похвастать своимъ глубокомысліемъ и мѣрною прозою произносить торжественныя изрѣченія), наставники ея недальновидны: поверхностное обо всемъ понятіе со-

ставитъ удивительный хаосъ въ головѣ ея. Они стараются усовершенствовать ея дарованія, образовать вкусъ и развить воображеніе, но некому просвѣтить ея разума и наставить сердца. По моему, она не доставитъ особенной чести Олимпу.

Давно уже достигнувъ совершеннолѣтія, пресытясь однообразными похвалами боговъ ея остроумію, красотѣ и любезности, можетъ быть нѣсколько позавидуя Граціямъ, помраченнымъ ею сначала, но которымъ мало по малу стали отдавать справедливость—новая богиня упала къ ногамъ Юпитера и выпросила себѣ дозволеніе переселиться на землю.

Въ послѣдній день ея пребыванія на Олимпѣ, пригласила она боговъ на прощальное торжество. Привѣтливость ея при угощеніи, соединенная съ нѣкоторою задумчивостью, тронула безмертныхъ: всѣ оставили ее съ нѣкоторою грустью; правда, каждому изъ нихъ дала она почувствовать, что одна разлука съ нимъ заставляетъ её жалѣть объ Олимпѣ.

Богиня сначала поселилась въ Греціи, однакожъ не имѣла въ ней храмовъ. Народы, принявшіе ее за любезность ея, поздно замѣтили свою ошибку и стали подозрѣвать существованіе новой богини. Въ обхожденіи нѣкоторыхъ прелестницъ, въ блестящихъ, но неосновательныхъ сочиненіяхъ многихъ софистовъ, ощутительно стало ея вліяніе. Раздоры, возгорѣвшіеся между наслѣдниками Александра Македонскаго, раздоры, наполнившіе Грецію ужасомъ и кровію, отвлекли ихъ вниманіе, и самую богиню принудили искать другого убѣжища: она переселилась въ Римъ.

Худо её приняли въ Римѣ. Изнѣженность ея нрава и слишкомъ вольное обращеніе не полюбились строгимъ республиканцамъ. При Тріумвирахъ было ей лучше, но немногимъ: буйный развратъ столько-же противорѣчилъ ея свойству, сколько чрезмѣрно строгіе обычаи.

Дикіе племена, завоевавшія Римъ, изгнали ее изъ сей столицы вселенной. Здѣсь исторія ея становится темною; иные говорятъ, что, до самаго ея возвращенія въ Европу, странствовала она по Азіи и Африкѣ; другіе, что она провела это время въ уединеніи, придумылая способы для будущаго своего величія.

Какъ-бы то ни было, но въ XVIII вѣкѣ торжественно явилась она въ Италіи и во Франціи съ молодою прелестною дочерью, не уступающею своей матери въ непостоянствѣ, своенравіи и проворствѣ: дочь сія была—Мода. Подобно Юпитеру, отцу Паллады, богиня зачала её въ головѣ своей, и также счастливо разрѣшилась отъ бремени. Народы приняли её съ восторгомъ. Воздвиглись храмы и воскурились жертвы. Обрадованная усердіемъ Галловъ, богиня основала свое пребываніе между ними.

На берегахъ Сены, посреди великолѣпнаго сада, возвышается столичный храмъ ея. Витыя золотыя колонны поддерживаютъ его куполъ. барельефахъ изображены разныя двусмысленныя аллегоріи, понынѣ еще неразгаданныя; напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ представлена она подающею руку Амуру, вмѣсто дурачества, которому грозитъ пальцемъ, чтобъ оно молчало; въ другомъ—побѣждающею богиню красоты, въ третьемъ—наряжающею Грацій, и проч. Многіе приняли сіи аллегоріи въ выгодномъ значеніи для богини, другіе совершенно напротивъ.—Кто вѣсть, говорили они, какой путеводитель выгоднѣе для Амура,—дурачество увлекало его силою, кокетство завлекаетъ обманомъ: что лучше? Искусство превышаетъ природу. Жаль, ежели это правда!—Наряженныя Граціи похожи на прелестницъ, и тому подобное. Внутри храма, въ зеркальной освѣщенной кенкетами залѣ, таится непонятная богиня. Мечты блестящія, но почти неимѣющія образа (такъ быстро онѣ переходятъ изъ одного въ другой), вьются, волнуются передъ нею. Мусикійскія орудія, отличительные знаки всѣхъ искусствъ, разныя игрушки, выдуманныя прихотью, небрежно около ея расбросаны. Тутъ-то проводитъ она время, примѣряя наряды, вымышленные ея дочерью, и пріучая лицо свое къ разнаго рода выраженіямъ. Въ извѣстные дни принимаетъ она своихъ обожателей и издаетъ свои прорицанія. Ласковость ея обхожденія привлекаетъ каждаго; разнообразныя дарованія, полученныя, ею отъ Олимпійскихъ ея наставниковъ, заслужили ей уваженіе людей всякаго состоянія, всякихъ понятій, всякаго нрава: даже два великіе, хотя разнородные геніи послѣдняго времени, Фридрихъ II и Вольтеръ, не пренебрегали ея совѣтами, не говоря уже о женщинахъ: кокетство можно назвать политикою прекраснаго пола.

По прошествіи нѣкотораго времени, богиня замѣтила однакожъ разительное охлажденіе въ мужской половинѣ своихъ поклонниковъ; ужасъ объялъ ея сердце, но умъ ея, богатый вымыслами скоро внушилъ ей способъ оживить усердіе. Она удвоила свою привѣтливость, даже казалась нѣжною наединѣ со многими. Новаго рода надежда закралась въ ихъ сердце и совершенно его взволновала, когда въ пріемной залѣ богини увидѣли посѣтители нѣсколько новыхъ картинъ довольно замѣчательнаго содержанія; на нихъ изображены были нѣкоторыя приключенія жителей Олимпа, гдѣ они явились довольно благосклонными къ бѣднымъ смертнымъ: Діана, посѣщающая Эндиміона; Киприда, ласкающая Адониса и проч. Внизу надписано было: для любви не существуетъ разницы между смертными и богами. Хитрость сія удалась богинѣ; охлажденные поклонники превратились въ пламенныхъ искателей, и хотя никому еще не сдержала она нѣжнаго своего обѣщанія, но всѣ надѣются, что она сдержитъ его нѣкогда,—и храмъ ея никогда не бываетъ празденъ.

Ученый Антикварій, собравшій матеріалы для сей достовѣрной исторіи, собралъ ихъ прежде Французской революціи и, сдѣлавшись жертвою ея не могъ продолжать занимательнаго труда своего. Если вѣрить слухамъ, то ужасы возмущенія сильно и благодѣтельно подѣйствовали на сердце богини; говорятъ, что она отреклась отъ божества своего и даже сама сдѣлалась набожною. Живетъ уединенно, читаетъ полезныя книги и вздыхаетъ о своихъ заблужденіяхъ. Время покажетъ справедливы-ли сіи слухи и чистосердечно-ли ея обращеніе.

РАЗБОРЪ ТАВРИДЫ.

(Таврида. А. Муравьева М. 1827 г. въ 12. 148 стр).

(Моск. Телегр. 1827, ч. XIII, № 4).

Полезна критика строгая, а не ѣдкая. Тотъ не любитъ искусства, кто разбираетъ произведеніе съ эпиграмматическимъ остроуміемъ. Болѣе или менѣе отзываясь недоброжелательствомъ, оно заставляетъ подозрѣвать критика въ пристрастіи и удалаетъ его отъ настоящей его цѣли: увѣрить читателя въ справедливости своего мнѣнія. Еще замѣчу, что, разбирая сочиненіе, не одной публикѣ, но и автору (разумѣется, ежели онъ имѣетъ дарованіе) нужно показать его недостатки, а этого никогда не достигнешь, ежели будешь расточать болѣе насмѣшки, нежели доказательства, болѣе будешь стараться пристыдить, нежели убѣдить сочинителя.

Ежели строго разбирать стихотворенія г-на Муравьева, конечно многое и очень многое найдешь достойнымъ осужденія: но въ то же время увидишь красоты, ручающіяся за истинное дарованіе. Г-нъ М. поэтъ неопытный, но поэтъ, и это главное. Во всѣхъ его пьесахъ небрежность слога доведена до крайности; но почти во всѣхъ ощутительно возвышенное вдохновеніе. Онъ еще не написалъ ничего истинно хорошаго, но подаетъ прекрасныя надежды.

Книга г-на Муравьева заключаетъ въ себѣ описательную поэму, подъ названіемъ: Таврида и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Таврида—произведеніе совершенно ученическое. Созданіе ея бѣдно или, лучше сказать, въ ней нѣтъ никакого созданія. Это реторическое распространеніе двухъ стиховъ Пушкина къ Б. Ф:

Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ
Кругомъ все пусто, все уныло...

Ежели мы прибавимъ, что въ поэмѣ г-на Муравьева нѣтъ ни одной строфы, сначала до конца написанной истинно хорошими стихами, достоинство ея будетъ весьма не велико. Таврида, кажется, первый *опытъ г-на Муравьева*; но ежели въ ней еще не видно искусства,

о видны уже силы. Таврида писана небрежно, но не вяло. Неточныя ея описанія иногда, ярки и необработанные стихи иногда дышутъ какимъ-то безпокойствомъ, похожимъ на вдохновеніе. Не привожу примѣровъ, ибо сказанное мною чувствительнѣе въ цѣломъ сочиненіи, нежели въ его частностяхъ.

Въ мелкихъ стихотвореніяхъ дарованіе г-на М. гораздо зрѣлѣе. Каждая пьеса уже заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе полное созданіе и отъ времени до времени встрѣчаются прекрасные стихи. Приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія: Ермакъ, которое одно изъ хорошихъ въ разбираемой нами книгѣ Остякъ разсказываетъ путнику о завоеваніи Сибири, по темнымъ преданіямъ, сохранившимся въ его племени.

Вотъ видишь, путникъ: много, много
Прошло холодныхъ, бурныхъ зимъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ бранною тревогой
Иртышъ великій былъ грозимъ.
Отколь? зачѣмъ? я не открою;
Но бурной вьюгой притекли
Сюда, къ убійственному бою,
Другого племя Остяки;
Они другъ друга убивали,
Вездѣ лишь кровь текла одна;
Снѣга съ полей ужъ не смывали
Войны багроваго пятна
И вотъ однажды ночь застала
Здѣсь, на Иртышскихъ берегахъ,
Пришельцевъ. Все межъ ними спало,
Забывъ о мстительныхъ врагахъ.
Они-жъ стрѣлами разбудили
И смертью отогнали сонъ!
Но челноки пришельцевъ плыли
Среди кипящихъ, грозныхъ волнъ.
Ихъ вождь былъ скованъ изъ желѣза,
И нашей смерти чуждъ онъ былъ!
Въ Иртышъ, добыча мрачной грезы,
Прыгнулъ, проснулся и поплылъ,
И близокъ былъ къ ладьямъ союзнымъ,
Быть можетъ ихъ бы досягнулъ,
Иртышу показался грузнымъ:
Иртышъ взревѣлъ—онъ потонулъ!

Другаго племя Остяки, и нашей смерти чуждъ онъ былъ, Иртышу показался грузнымъ. Прекрасно! Но сколько недостатковъ въ этомъ отрывкѣ! Я не открою — нужна я не знаю; они другъ друга убивали, т. е. воины Ермака

другъ друга убивали, по смыслу стиховъ: это-ли хотѣлъ сказать сочинитель? Снѣга съ полей ужъ не смывали войны багроваго пятна, слишкомъ изысканно для Остяка. Забывъ о мстительныхъ врагахъ: мстительныхъ ненужный эпитетъ. Они-жъ стрѣлами разбудили.... Кого? Все четверостишіе дурно. Въ Иртышъ добыча мрачной грезы... Почему знаетъ Остякъ, что Ермаку въ это время что нибудь грезилось? Лучше было сказать: полусонный. Надобно замѣтить, что я разбираю хорошее у г-на Муравьева...

Не буду говорить особо о каждомъ стихотвореніи г-на Муравьева: это-бы заняло слишкомъ много времени. Не могу однакожъ оставить безъ вниманія стихотвореніе его: Стихіи, которое мнѣ кажется лучшимъ изъ всего собранія, какъ по созданію, такъ и по исполненію. Я приведу его въ новое доказательство и прекраснаго дарованія г-на М., и великихъ его недостатковъ.

Я съ духомъ бесѣдовалъ дикихъ пустынь!
Предъ юношей, съ мрачнаго трона,
Клубящимся вихремъ возсталъ исполинъ;
Земли разступилося лоно!
Онъ эхомъ раздался, онъ вѣтромъ завылъ,
И юношу тучею праха покрылъ.

Строфа сія звучна и живописна; но гдѣ-же логика? Къ чему: земли разступилося? Г-нъ Муравьевъ изобразилъ ужъ своего духа вставшаго съ мрачнаго трона; слѣдовательно, тронъ этотъ ему видимъ; слѣдовательно, онъ не въ глубинѣ земли, и ежели не такъ, то прежде нежели явится духъ, земля должна разступиться. Сколько несообразностей! Послѣдніе два стиха прекрасны.

Я съ духомъ бесѣдовалъ бурныхъ валовъ!
Завыли широкія волны;
Онъ съ пиршества шелъ поглощенныхъ судовъ,
Утопшихъ отчаяньемъ полный!
И много о тайнахъ бездонныхъ ревѣлъ,
И юноша пѣной его посѣдѣлъ.

Завыли широкія волны... вставка. Слѣдующіе три стиха красоты превосходной. Ежели-бъ г-нъ Муравьевъ всегда облекалъ въ подобные стихи картины своенравнаго воображенія, мы бы уже поздравили себя съ великимъ поэтомъ. И юноша пѣной его посѣдѣлъ: дурно, потому что изысканно. Надобно было сказать: И юношу пѣной своею покрылъ. Лирическая поэзія *любитъ простоту* выраженій.

Я съ духомъ бесѣдовалъ горныхъ зыбей,
Съ лазурнымъ владыкой эѳира!
И онъ, улыбаясь во звукѣ рѣчей,
Открылъ мнѣ всѣ прелести міра;
Меня облаками, смѣясь, одѣвалъ—
И юноша свѣжесть эѳира вдыхалъ!

Въ этой строфѣ хорошъ одинъ только стихъ: Меня облаками, смѣясь, одѣвалъ. Что такое значитъ: во звукѣ рѣчей открыть всѣ прелести міра? Прочтите, кому угодно, эти два стиха; каждый будетъ ихъ толковать по своему и можетъ быть никто не угадаетъ настоящей мысли автора. Къ тому-же, духъ эѳира долженъ говорить только о своей области, а не о цѣломъ мірѣ; а не тог-ну Муравьеву не для чего бесѣдовать особо съ каждымъ стихійнымъ духомъ: довольно поговорить съ воздушнымъ, который всевѣдущъ.

Я съ духомъ бесѣдовалъ вѣчныхъ огней!
Гулъ дальняго грома раздался!
Не могъ усидѣть онъ на тучѣ своей,
Палящій клубами свивался,
И съ трескомъ слѣдилъ свой убійственный путь,
И юношѣ бросилъ онъ молнію въ грудь!

Отчего духъ огня не могъ усидѣть на своей тучѣ (не говорю уже о низкомъ выраженіи: усидѣть?) Чего онъ испугался? Можно-ли писать такимъ образомъ и никогда не повѣрять воображенія разсудкомъ? Для пользы искусства почти досадно, что г-нъ Муравьевъ человѣкъ съ дарованіемъ.

Я духомъ напитанъ ревущихъ стихій,
Онѣ и съ младенцемъ играли;
Вокругъ колыбели моей возлегли,
И бурной рукою качали;
Я помню ихъ дикую пѣснь надо мной,
Но какъ передамъ ея звукъ громовой?

Эта строфа съ начала до конца прекрасна, кромѣ рѣчей: стихій и возлегли, которыя черезчуръ не точны. Еще: и бурной рукою качали кого, что? Должно подразумѣвать колыбель, но это не сказано: мѣстоименіе здѣсь необходимо.

Скажемъ вообще о г-нѣ Муравьевѣ, что богатому жаромъ и красками, ему недостаетъ обдуманности и слога, слѣдственно очень многаго. Истинные поэты потому именно рѣдки, что имъ должно обладать въ то же время свойствами, совершенно противорѣчащими другъ другу: пламенемъ воображенія творческаго и холодомъ ума

повѣряющаго. Что касается до слога, надобно помнить, что мы для того пишемъ, чтобы передавать другъ другу свои мысли; если мы выражаемся не точно, насъ понимаютъ ошибочно, или вовсе не понимаютъ: для чего-жъ писать? Надѣемся, что г-нъ Мураоьевъ въ будущихъ сочиненіяхъ исполнитъ наши ожиданія и порадуетъ насъ красотами, не затемненными столькими недостатками.

ПЕРСТЕНЬ.

(Европеецъ 1832 г. № 2, сср. 165).

Въ деревушкѣ, состоящей не болѣе какъ изъ десяти дворовъ (не нужно знать, какой губерніи и уѣзда), нѣкогда жилъ небогатый дворянинъ Дубровинъ. Умѣренностью, хозяйствомъ, онъ замѣнялъ въ быту своемъ недостатокъ роскоши. Сводилъ расходы съ приходами, любилъ жену и ежегодно умножающееся семейство, словомъ, былъ счатливъ; но судьба позавидовала его счастью. Пошли неурожаи за неурожаями. Не получая почти никакого дохода и почитая долгомъ помогать своимъ крестьянамъ, онъ вошелъ въ большіе долги. Часть его деревушки была заложена одному скупому помѣщику, другую оттягивалъ у него безпокойный сосѣдъ, извѣстный ябедникъ, Скупому не былъ онъ въ состояніи заплатить своего долга; противъ дѣльца не могъ поддержать своего права, конечно безспорнаго, но скуднаго наличными доказательствами. Заимодавецъ протестовалъ вексель, проситель съ жаромъ преслѣдовалъ дѣло, и бѣдному Дубровину приходилось до зарѣза.

Всего нужнѣе было заплатить долгъ; но гдѣ найти деньги? Не питая никакой надежды, Дубровинъ рѣшился однакожъ испытать всѣ способы къ спасенію. Онъ бросился по сосѣдямъ, просилъ, умолялъ; но вездѣ слышалъ тотъ-же учтивый, а иногда и неучтивый отказъ. Онъвозвратился домой съ раздавленнымъ сердцемъ.

Утопающій хватается за соломинку. Несмотря на свое отчаяніе, Дубровинъ вспомнилъ. что между сосѣдями не посѣтилъ одного, правда ему незнакомаго но, весьма богатаго помѣщика. Онъ у него не былъ, и тому причиною было не одно незнакомство. Опальскій (помѣщикъ, о которомъ идетъ дѣло) былъ человѣкъ отмѣнно странный. Имѣя около полторы тысячи душъ, огромный домъ, великолѣпный садъ, имѣя доступъ ко всѣмъ наслажденіямъ жизни, онъ ничѣмъ не пользовался. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ свое помѣстье, но не заглянулъ въ богатый домъ, не прошелъ по прекрасному саду, ни о чемъ не разспрашивалъ своего управителя. Вдали

отъ всякаго жилья, среди обширнаго, дикаго лѣса, онъ поселился въ хижинѣ, построенной для лѣсного сторожа. Управитель, безъ его приказанія и почти насильно, пристроилъ къ ней двѣ комнаты, которыя съ третьею прежде существовавшею, составили его жилище. Въ сосѣдствѣ были о немъ разные толки и слухи. Многіе приписывали уединенную жизнь его скупости; въ самомъ дѣлѣ Опальскій не проживалъ и тридцатой части своего годового дохода, питался самою грубою пищею и пилъ одну воду; но въ то же время онъ вовсе не занимался хозяйствомъ, никогда не являлся на деревенскія работы, никогда не повѣрялъ своего управителя, къ счастью отмѣнно-честнаго человѣка. Другіе довольно остроумно заключили, что, отличаясь образомъ жизни, онъ отличается и образомъ мыслей, и подозрѣвали его дерзкимъ философомъ; вольнодумнымъ естествоиспытателемъ, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, не занимаясь лѣченьемъ, онъ то и дѣло варилъ невѣдомыя травы и коренья, что въ домѣ его было два скилета, и страшный желтый черепъ лежалъ на его столѣ. Мнѣнію ихъ противорѣчила его набожность. Опальскій не пропускалъ ни одной церковной службы и молился съ особеннымъ благоговѣніемъ. Нѣкоторые люди, и въ томъ числѣ Дубровинъ, думали однакожъ, что какая нибудь горестная утрата, а можетъ быть и угрызенія совѣсти были причиною странной жизни Опальскаго.

Какъ-бы то ни было, Дубровинъ рѣшился къ нему ѣхать. — «Прощай, Саша!» сказалъ онъ со вздохомъ женѣ своей, «еще разъ попробую счастья», обнялъ ее и сѣлъ въ телѣгу, запряженную тройкою.

Помѣстье Опальскаго было верстахъ въ пятнадцати отъ деревушки Дубровина; часа черезъ полтора онъ уже ѣхалъ лѣсомъ, въ которомъ жилъ Опальскій. Дорога была узкая и усѣяна кочками и пнями. Во многихъ мѣстахъ не проходила его тройка, и Дубровинъ принужденъ былъ отпрягать лошадей. Вообще нельзя было ѣхать иначе какъ шагомъ. Наконецъ онъ увидѣлъ отшельническую обитель Опальскаго.

Дубровинъ вошелъ. Въ первой комнатѣ не было никого. Онъ окинулъ ее глазами и удостовѣрился, что слухи о странномъ помѣщикѣ частью были справедливы. Въ углахъ стояли извѣстные скелеты, стѣны были обвѣшаны пуками сущеныхъ травъ и кореньевъ, на окнахъ стояли бутыли и банки съ разными настоями. Некому было о немъ доложить: онъ рѣшился войти въ другую комнату, отворилъ двери и увидѣлъ пожилого человѣка, въ изношенномъ халатѣ, сидящаго къ нему задомъ и глубоко занятаго какимъ-то математическимъ вычисленіемъ. Дубровинъ догадался, что это былъ самъ хозяинъ. Молча стоялъ онъ у дверей, ожидая, чтобы Опальскій кончилъ или оставилъ свою работу; но время проходило, Опальскій не прерывалъ ее. Дубровинъ нарочно закашлялъ, но ка-

шель его не былъ примѣченъ. Онъ шаркалъ ногами. Опальскій не слышалъ его шарканья. Бѣдность застѣнчива; Дубровинъ находился въ самомъ тяжеломъ положеніи Онъ думалъ, думалъ и, ни на что не рѣшаясь, вертѣлъ на рукѣ своей перстень, наконецъ уронилъ его, хотѣлъ подхватить его на лету, но только подбилъ, и перстень, перелетѣвъ черезъ голову Опальскаго, упалъ на столъ передъ самымъ его носомъ.

Опальскій вздрогнулъ и вскочилъ съ своихъ креселъ. Онъ глядѣлъ то на перстень, то на Дубровина и не говорилъ ни слова. Онъ взялъ со стола перстень, съ судорожнымъ движеніемъ прижалъ его къ своей груди, остановивъ на Дубровинѣ взоръ, выражавшій попеременно торжество и опасеніе. Дубровинъ глядѣлъ на него съ замѣшательствомъ и любопытствомъ. Онъ былъ высокаго роста; рѣдкіе волосы покрывали его голову, коей обнаженное темя лоснилось. Живой румянецъ покрывалъ его щеки. Онъ въ одно и то же время казался моложавъ и старообразенъ. Прошло еще нѣсколько мгновеній. Опальскій опустилъ голову и казался погруженнымъ въ размышленіе. Наконецъ сложилъ руки, поднялъ глаза къ небу, лицо его выразило глубокое смиреніе, безпредѣльную покорность. «Господи, да будетъ воля Твоя!» сказалъ онъ. — «Это вашъ перстень», продолжалъ Опальскій, обращаясь къ Дубровину: «и я вамъ его возвращаю... Я могъ-бы не возвратить его—что прикажете?»

Дубровинъ не зналъ что думать; но, собравшись съ духомъ объяснилъ ему свою нужду, прибавя, что въ немъ его единственная надежда.

— Вамъ надобно десять тысячъ, сказалъ Опальскій,—завтра-же я вамъ ихъ доставлю; что вы еще требуете?

—Помилуйте, вскричалъ восхищенный Дубровинъ,—что я могъ еще требовать!—Вы возвращаете мнѣ жизнь неожиданнымъ вашимъ благодѣяніемъ. Какъ мало людей вамъ подобныхъ! Жена, дѣти опять съ хлѣбомъ; я, она, до гробовой доски будемъ помнить...

— Вы ничѣмъ мнѣ не обязаны, прервалъ Опальскій. — Я не могу отказать вамъ ни въ какой просьбѣ. Этотъ перстень... (тутъ лицо его снова омрачилось), этотъ перстень даетъ вамъ безпредѣльную власть надо мною..... Давно не видалъ я этого перстня. Онъ былъ моимъ... но что до этого? Ежели я вамъ болѣе не нуженъ, позвольте мнѣ докончить мою работу. Завтра я къ вашимъ услугамъ.

Ѣдучи домой, Дубровинъ былъ въ неописанномъ волненьи. Неожиданная удача, удача, спасающая его отъ неизбѣжной гибели, конечно его радовала, но нѣкоторыя слова Опальскаго смутили его сердце.—«Что это за перстень?—думалъ онъ.—Нѣкогда принадлежалъ онъ *Опальскому*; мнѣ подарила его жена моя. Какія сношенія

были между нею и моимъ благодѣтелемъ? Она его знаетъ! Зачѣмъ-же всегда таила отъ меня это знакомство? Когда она съ нимъ познакомилась?» Чѣмъ онъ болѣе думалъ, тѣмъ онъ становился безпокойнѣе; все казалось страннымъ и загадочнымъ Дубровину.

— Опять отказъ? сказала бѣдная Александра Павловна, видя мужа своего, входящаго съ лицомъ озабоченнымъ и пасмурнымъ.— Боже! что съ нами будетъ? Но не желая умножить его горести,— утѣшься, прибавила она голосомъ болѣе мирнымъ,—Богъ милостивъ, можетъ быть мы получимъ помощь откуда не чаемъ.

— Мы счастливѣе, нежели ты думаешь. сказалъ Дубровинъ:— Опальскій даетъ десять тысячъ... Все слава Богу.

— Слава Богу! отчего-же ты такъ печаленъ.

—Такъ... ничего... ты знаешь этого Опальскаго?

— Знаю, какъ ты, по слухамъ... но ради Бога...

— По слухамъ.. только по слухамъ.— Скажи, какъ достался тебѣ этотъ перстень?

— Что за вопросы! Мнѣ подарила его моя пріятельница Анна Петровна Кузмина, которую ты знаешь: что тутъ удивительнаго.

Лицо Александры Павловны было такъ спокойно, голосъ такъ свободенъ, что всѣ недоумѣнія Дубровина исчезли. Онъ разсказалъ женѣ своей всѣ подробности своего свиданія съ Опальскимъ, признался въ невольной тревогѣ, исполнившей его душу, и Александра Павловна, посердясь немного, съ нимъ помирилась. Между тѣмъ она сгорала любопытствомъ.—«Непремѣнно напишу къ Аннѣ Петровнѣ», сказала она.—«Какая скрытная, никогда не говорила мнѣ объ Опальскомъ. Теперь поневолѣ признается, видя что мы знаемъ уже половину тайны!

На другой день, рано поутру, Опальскій самъ явился къ Дубровину, вручилъ ему обѣщанныя десять тысячъ и на всѣ выраженія его благодарности отвѣчалъ вопросомъ: «что еще прикажете?»

Съ этихъ поръ Опальскій каждое утро пріѣзжалъ къ Дубровинымъ и «что прикажете», было всегда его первымъ словомъ. Благодарный Дубровинъ не зналъ какъ отвѣчать ему, наконецъ привыкъ къ этой странности и не обращалъ на нее вниманія. Однакожъ онъ имѣлъ многіе случаи удостовѣриться, что вопросъ этотъ не былъ одною пустою поговоркою. Дубровинъ разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ, и на другой-же день явился къ нему стряпчій и подробно освѣдомился о его тяжбѣ, сказавъ, Опальскій велѣлъ ему хлопотать о ней. Въ самомъ дѣлѣ, она въ скоромъ времени была рѣшена въ пользу Дубровина.

Дубровинъ прогуливался однажды съ женою и Опальскимъ по небольшому своему помѣстью. Они остановились у рощи надъ рѣкою, и видъ на деревни, по ней разсыпанныя, на зеленный лугъ, разстилающійся передъ нею, на необъятное пространство, былъ пре-

красенъ.—«Здѣсь-бы, по настоящему, должно было построить домъ», сказалъ Дубровинъ, «я часто объ этомъ думаю. Хоромы мои плохи, кровля течетъ, надо строить новыя, и гдѣ-же лучше?»—На другое утро крестьяне Опалскаго начали свозить лѣсъ на мѣсто, избранное Дубровинымъ и вскорѣ поднялся красивый, свѣтлый домикъ, въ который Дубровинъ перешелъ съ своимъ семействомъ.

Не буду разсказывать, по какому именно поводу Опальскій помогъ ему развести садъ, запастись тѣмъ и другимъ; дѣло въ томъ, что каждое желаніе Дубровина было тотъ же часъ исполнено.

Опальскій былъ какъ свой у Дубровиныхъ и казался имъ весьма умнымъ и ученымъ человѣкомъ. Онъ очень любилъ хозяина, но иногда выражалъ это чувство довольно страннымъ образомъ. Напримѣръ, сжимая руку облагодѣтельствованному имъ Дубровину, онъ говорилъ ему съ умиленіемъ, отъ котораго навертывались на глаза его слезы: «Благодарю васъ, вы ко мнѣ очень снисходительны».

Анна Петровна отвѣчала на письмо Александры Павловны. Она не понимала ея намековъ, увѣряла, что и во снѣ не видывала никакого Опальскаго, что перстень былъ подаренъ ей одною изъ ея знакомокъ, которой принесъ его дворовый мальчикъ, нашедшій его на дорогѣ. Такимъ образомъ любопытство Дубровиныхъ осталось неудовлетвореннымъ.

Дубровинъ разспрашивалъ объ Опальскомъ въ его помѣстьѣ. Никому не было извѣстно, гдѣ и какъ онъ провелъ свою молодость; знали только, что онъ родился въ Петербургѣ, былъ въ военной службѣ, наконецъ, лишившись отца и матери, прибылъ въ свои помѣстья. Единственный крѣпостной служитель, находившійся при немъ, скоропостижно умеръ дорогою, а наемный слуга, съ нимъ пріѣхавшій и котораго онъ тотчасъ отпустилъ, ничего объ немъ не вѣдалъ.

Народные слухи были занимательнѣе. Покойный приходскій дьячекъ разсказывалъ женѣ своей, что однажды, исповѣдуясь въ алтарѣ, Опальскій говорилъ такъ громко, что каждое слово до него доходило. Опальскій каялся въ ужасныхъ преступленіяхъ, въ чернокнижествѣ; признавался, что ему отъ роду 450 лѣтъ; что долгая эта жизнь дана ему въ наказаніе, и неизвѣстно, когда придетъ минута его успокоенія. Многія другія были росказни, однѣ другихъ замысловатѣе и нелѣпѣе; но ничто не объясняло таинственнаго перстня.

Безпрестанно навѣщаемый Опальскимъ, Дубровинъ почиталъ обязанностью навѣщать его по возможности столь же часто. Однажды, не заставъ его дома (Опальскій собиралъ травы въ окрестности), онъ сталъ перебирать лежащія на столѣ его бумати. Одна рукопись привлекла его вниманіе. Она содержала въ себѣ слѣдующую повѣсть:

«Антоніо родился въ Испаніи. Родители его были люди знатные и богатые. Онъ былъ воспитанъ въ гордости и роскоши: жизнь

могла для него быть однимъ долгимъ праздникомъ..... Двѣ страсти: любопытство и любовь довели его до погибели.

«Не смотря на набожность, въ которой его воспитывали, на ужасъ, внушаемый инквизиціей (это было при Филиппѣ II), рано предался онъ преступнымъ изысканіямъ; тайно бесѣдовалъ съ учеными Жидами, рылся въ кабалистическихъ книгахъ, долго, безуспѣшно наконецъ край завѣсы началъ передъ нимъ приподыматься.

«Тутъ увидѣлъ онъ въ первый разъ Донну Марію, прелестную Марію, и позабылъ свои гаданія, чтобы покориться очарованію ея взоровъ. Она замѣтила любовь его и сначала казалась благосклонною, но мало по малу стала холоднѣе и холоднѣе.. Антоніо былъ въ отчаяніи, и оно дошло до изступленія, когда онъ увѣрился, что другой, а именно донъ Педро де-ла-Савина, владѣлъ ея сердцемъ. Съ бѣшенствомъ упрекалъ онъ Марію въ ея перемѣнѣ. Она отвѣчала однѣми шутками; онъ удалился, но не оставилъ надежды обладать ею.

«Онъ снова принялся за свои изысканія, испытывалъ всѣ порядки магаческихъ словъ, испытывалъ всѣ чертежи волшебные, пріобщалъ къ показаніямъ ученыхъ собственныя свои догадки, и упрямство его наконецъ увѣнчалось несчастнымъ успѣхомъ. Однажды вечеромъ, одинъ въ своемъ покоѣ, онъ испытывалъ новую магическую фигуру. Работа приходила къ концу, онъ провелъ уже послѣднюю линію: напрасно!.... фигура была недѣйствительна. Сердце его кипѣло досадою. Съ горькою внутреннею усмѣшкою, онъ увѣнчалъ фигуру безсмысленнымъ своенравнымъ знакомъ. Этого знака не доставало.... Покой его наполнился страннымъ жалобнымъ свистомъ. Антоніо поднялъ глаза.... Легкій прозрачный духъ стоялъ передъ нимъ, вперивъ на него тусклыя, но пронзительныя свои очи.

«Чего ты хочешь?» сказалъ онъ ему голосомъ тихимъ и тонкимъ, но отъ котораго кровь застыла въ его сердцѣ и волосы стали у него дыбомъ. Антонію колебался, но Марія предстала ему со всѣми своими прелестями, съ лицомъ привѣтливымъ, съ глазами полными любовію... Онъ призвалъ всю свою смѣлость. «Хочу быть любимъ Маріею», отвѣчалъ онъ голосомъ твердымъ.

— «Можешь, но съ условіемъ».

«Антоніо задумался. «Согласенъ!» сказалъ онъ наконецъ, «но для меня этого мало. Хочу любви Маріи, но хочу власти и знанія: тайна природы будетъ мнѣ открыта?»

— «Будетъ» отвѣчалъ духъ. Слѣдуй за своею тѣнью». Духъ исчезъ. Антоніо всталъ. Тѣнь его чернѣла у дверей. Двери отворились: тѣнь пошла,—Антоніо за нею.

«Антоніо шелъ какъ безумный, повинуясь безмолвной своей путеводительницѣ. Она привела его въ глубокую уединенную долину и внезапно слилась съ ея мракомъ. Все было тихо, ничто не шевелилось... наконецъ земля подъ нимъ вздрогнула... Яркіе огни стали

вылетать изъ нея одни за другими; вскорѣ наполнился ими воздухъ: они метались около Антоніо, метались милліонами; но свѣтъ не разогналъ тьмы его окружающей! вдругъ пришли они въ порядокъ и безчисленными правильными рядами окружили его на воздухѣ. «Готовъ-ли ты?» вопросилъ его голосъ; выходящій изъ-подъ земли. «Готовъ», отвѣчалъ Антоніо.

«Огненная купель предъ нимъ возникла. За нею поднялся безобразный бѣсъ въ жреческомъ одѣяніи. По правую свою руку онъ увидѣлъ огромную вѣдьму, по лѣвую такого-же демона.

«Какъ описать ужасный обрядъ, совершенный надъ Антоніо, эту уродливую насмѣшку надъ священнѣйшимъ изъ обрядовъ! Вѣдьма и демонъ занимали мѣсто кумы и кума и отрекались за неофита Антоніо отъ Бога, добра и спасенія; адскій хохотъ раздавался вмѣсто временамъ вмѣсто пѣнія; страшны были знакомыя слова спасенія, превращенныя въ заклятія гибели. Голова кружилась у Антоніо, и конецъ прежній свистъ раздался; все исчезло. Антоніо упалъ въ обморокъ, утро возвратило ему память, онъ взглянулъ на Божій міръ глазами Демона; такъ онъ постигнулъ тайну природы, ужасную, безполезную тайну; онъ чувствовалъ, что все ему вѣдомо и подвластно, и это чувство было адскимъ мученіемъ. Онъ старался заглушить его, думая о Маріи.

«Онъ увидѣлъ Марію. Глаза ея обращались къ нему съ любовію шли дни—и скорый бракъ долженъ былъ ихъ соединить навѣки

«Лаская Марію, Антоніо не оставлялъ свои кабалистическія занятія; онъ трудился надъ составленіемъ талисмана, которымъ хотѣлъ укрѣпить свое владычество надъ жизнью и природой; онъ хотѣлъ подѣлиться съ Маріей выгодами, за которыя заплатилъ душевнымъ спасеніемъ, и вылилъ этотъ перстень, впослѣдствіи ему послуживший наказаніемъ, быть можетъ, легкимъ въ сравненіи съ его преступленіями.

«Антоніо подарилъ его Маріи; онъ ей открылъ тайную его силу. «Отнынѣ нахожусь я совершенно въ твоемъ подданствѣ», сказалъ онъ ей: «какъ все земное, я самъ подвластенъ этому перстню; употребляй во зло моей довѣренности: люби, о люби меня, мо Марія!»

«Напрасно. На другой-же день онъ нашелъ ее сидящею рядомъ съ его соперникомъ. На рукѣ его былъ магическій перстень. «Что проклятый чернокнижникъ», закричалъ Донъ Педро, увидя входящаго Антоніо? «ты хотѣлъ разлучить меня съ Маріей, но попался въ собственныя сѣти. Вонъ отсюда, жди меня въ передней!»

«Антоніо долженъ былъ повиноваться. Какимъ униженіямъ подвергнулъ его Донъ Педро! Онъ исполнялъ у него самыя тяжелыя рабскія службы. Марія стала супругою его повелителя. Одно горестное *утѣшеніе* оставалось Антоніо: видѣть Марію, которую лю

билъ, несмотря на ужасную ея измѣну. Донъ Педро это замѣтилъ. «Ты слишкомъ заглядываешься на жену мою», сказалъ онъ,—присутствіе твое мнѣ надоѣло: я тебя отпускаю». Удаляясь, Антоніо остановился у порога, чтобы еще разъ взглянуть на Марію. «Ты еще здѣсь», закричалъ Донъ Педро: «ступай, ступай, не останавливайся!»

«Роковыя слова! Антоніо пошелъ, но не могъ уже остановиться: двадцать разъ въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ обошелъ онъ землю. Грудь его давила усталость; голодъ грызъ его внутренность. Антоніо призывалъ смерть, но она была глуха къ его моленіямъ: Антоніо не умиралъ, и ноги его все шагали. «Постой!» закричалъ ему наконецъ какой-то голосъ. Антоніо остановился, къ нему подошелъ молодой путешественникъ. «Куда ведетъ эта дорога?» спросилъ онъ его, указывая направо рукой, на которой Антоніо увидѣлъ свой перстень. «Туда-то.....» отвѣчалъ Антоніо. «Благодарю», сказалъ учтиво путешественникъ и оставилъ его. Антоніо отдыхалъ отъ полуторавѣкового похода, но скоро замѣтилъ, что положеніе его не было лучше прежняго:—онъ не могъ ступить съ мѣста, на которомъ остановился. Вяла трава; обнажались деревья, стыли воды, зимніе снѣга падали на его голову, морозы сжимали воздухъ: Антоніо стоялъ неподвижно. Природа оживилась, у ногъ его таялъ снѣгъ, цвѣли луга, жаркое солнце палило его темя... Онъ стоялъ, мучился адской жаждою, и смерть не прерывала его мученія. Пятьдесятъ лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ. Случай освобождалъ его отъ одной казни, чтобы подвергнуть другой тягчайшей. Наконецъ...»

Здѣсь прерывалась рукопись. Всего страннѣе было сходствъ нѣкоторыхъ ея подробностей съ народными слухами объ Опальскомъ. Дубровинъ нисколько не вѣрилъ колдовству. Онъ терялся въ догадкахъ. «Какъ я глупъ», подумалъ онъ напослѣдокъ: «это переводъ какой нибудь изъ этихъ модныхъ повѣстей, въ которыхъ чепуху выдаютъ за геніальное своенравіе».

Онъ остался при этой мысли; прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ Опальскій, являвшійся ежедневно къ Дубровину, не пріѣхалъ въ обыкновенное свое время. Дубровинъ послалъ его провѣдать. Опальскій былъ очень боленъ.

Дубровинъ готовился ѣхать къ своему благодѣтелю, но въ ту же минуту остановилась у крыльца его повозка.

— «Марья Петровна, вы-ли это?» вскричала Александра Павловна, обнимая вошедшую довольно пожилую женщину. «Какими судьбами?»

— «Ѣду въ Москву, моя милая, и хотя ты въ семидесяти верстахъ въ сторонѣ, заѣхала съ тобой повидаться. Вотъ тебѣ дочь моя, Дашинька», прибавила она, указывая на пригожую дѣвицу, вошедшую вмѣстѣ съ съ нею. «Не узнаешь? ты оставила ее почти ребенкомъ. Здравствуйте Владиміръ Ивановичъ, привелъ Богъ еще разъ увидѣться!»

Марья Петровна была давняя дорогая пріятельница Дубровиныхъ. Хозяева и гости сѣли. Стали вспоминать старину; мало по малу дошли и до настоящаго. «Какой у васъ прекрасный домъ», сказала Марья Петровна: «вы живете господами».—«Слава Богу!» отвѣчала Александра Павловна, «а чуть было не пошли по міру. Спасибо этому доброму «Опальскому».—«И моему перстню», прибавилъ Владиміръ Ивановичъ.—«Какому Опальскому? какому перстню?» вскричала Марья Петровна Я знала одного Опальскаго, помню и перстень.., Да нельзя ли мнѣ видѣть?»

Дубровинъ подалъ ей перстень. «Тотъ самый», продолжала Марья Петровна, «перстень этотъ мой, я потеряла его назадъ тому лѣтъ восемь... О, этотъ перстень напоминаетъ мнѣ много проказъ! Да что за чудеса были съ вами?» Дубровинъ глядѣлъ на нее съ удивленіемъ, но передалъ ей свою повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ мы представляемъ ее нашимъ читателямъ. Марья Петровна умирала со смѣху.

Все объяснилось. Марья Петровна была Донна Марья, а самъ Опальскій, превращенный изъ Антона въ Антоніо, страдальцемъ таинственной повѣсти. Вотъ какъ было дѣло: полкъ, въ которомъ служилъ Опальскій, стоялъ нѣкогда въ ихъ околодкѣ. Марья Петровна была въ то время молодой прекрасной дѣвицей. Опальскій, который тогда-же былъ нѣсколько слабъ головою, увидѣлъ ее въ первый разъ на святкахъ одѣтою испанкою, влюбился въ нее и даже начиналъ ей нравиться, когда она замѣтила, что мысли его были не совершенно здравы; разговоръ о таинствахъ природы, сочиненія Эккартсгаузена навели Опальскаго на предметъ его помѣшательства, котораго до той поры не подозрѣвали самые его товарищи. Это открытіе было для него пагубно. Всеобщія шутки развили несчастную наклонность его воображенія; но онъ совершенно лишился ума, когда замѣтилъ, что Марья Петровна благосклонно слушаетъ одного изъ его сослуживцевъ Петра Ивановича Савина (Донъ Педро де-ла-Савина), за котораго она потомъ и вышла замужъ. Онъ рѣшительно предался магіи. Офицеры и нѣкоторые изъ сосѣдственныхъ дворянъ выдумали непростительную шутку, описанную въ рукописи: дворовый мальчикъ явился духомъ, Опальскій до извѣстнаго мѣста въ самомъ дѣлѣ слѣдовалъ за своею тѣнью. На это употребили очень простой способъ: сзади него несли фонарь. Марья Петровна въ то время была довольно вѣтрена и рада случаю посмѣяться. Она согласилась притвориться въ него влюбленною. Онъ подарилъ ей свой таинственный перстень; посредствомъ его разнымъ образомъ издѣвались надъ бѣднымъ чародѣемъ: то посылали его верстъ за двадцать пѣшкомъ съ какимъ нибудь порученьемъ, то заставляли простоять цѣлый день на морозѣ; всего разсказывать *не нужно: читатель* догадается, какъ онъ пересоздалъ всѣ эти слу—

чаи своимъ воображеньемъ и какъ тяжелыя минуты казались ему годами. Наконецъ Марья Петровна надъ нимъ сжалилась, приказала ему выйти въ отставку, ѣхать въ деревню и въ ней жить какъ можно уединеннѣе.

— «Возьмите-же вашъ перстень», сказалъ Дубровинъ: съ чужого коня и среди грязи долой».—И, батюшка, что мнѣ въ немъ? отвѣчала Марья Петровна.—«Не шутите имъ», прервала Александра Павловна, «онъ принесъ намъ много счастья: можетъ быть и съ вами будетъ то же.—«Я колдовству не вѣрю, моя милая, а ежели уже на то пошло, отдайте его Дашинькѣ: ея бѣдѣ одно чудо поможетъ».

Дубровины знали въ чемъ было дѣло: Дашинька была влюблена къ одного молодого человѣка, тоже страстно въ нее влюбленнаго, но Дашинька была небогатая дворяночка, а родные его не хотѣли слышать объ этой свадьбѣ; оба равно тосковали, а дѣлать было нечего.

Тутъ прискакалъ посланный отъ Опальскаго и сказалъ Дубровину, что его баринъ желаетъ какъ можно скорѣе его видѣть. «Каковъ Антонъ Исаичъ?» спросилъ Дубровинъ.—«Слава Богу», отвѣчалъ слуга: «вчера вечеромъ и даже сегодня утромъ было очень дурно, но теперь онъ здоровъ и спокоенъ».

Дубровинъ оставилъ своихъ гостей и поѣхалъ къ Опальскому. Онъ нашелъ его лежащаго въ постели. Лицо его выражало страданіе, но взоръ былъ ясенъ. Онъ съ чувствомъ пожалъ руку Дубровина: «Любезный Дубровинъ», сказалъ онъ ему, кончина моя приближается: мнѣ предвѣщаетъ ее внезапная ясность моихъ мыслей. Отъ какого ужаснаго сна я проснулся!. . Вы вѣрно замѣтили разстройство моего воображенія.... благодарю васъ; вы не употребили его во зло, какъ другіе—вы утѣшили вашею дружбою бѣднаго безумца».

Онъ остановился и замѣтно было, что долгая рѣчь его утомила. «Преступленія мои велики», продолжалъ онъ, послѣ долгаго молчанія. «Такъ, хотя воображеніе мое было разстроено. я вѣдалъ, что дѣлаю. Я знаю, что я продалъ вѣчное блаженство за временное..... Но и мечтательныя страданія мои были велики! Ихъ возложитъ на вѣсы свои Богъ милосердый и праведный!»

Вошелъ священникъ, за которымъ было послано въ то же время какъ и за Дубровинымъ. Дубровинъ оставилъ его наединѣ съ Опальскимъ.

«Онъ скончался», сказалъ священникъ, выходя изъ комнаты, «но успѣлъ совершить обязанности христіанина. Господи, пріими духъ его съ миромъ!»

Опальскій умеръ. По истеченіи законнаго срока, пересмотрѣли его бумаги и нашли завѣщаніе. Не имѣя наслѣдниковъ, онъ отдалъ имѣніе свое Дубровину, то называя его по имени, то означая его владѣтелемъ какого-то перстня; словомъ, завѣщаніе было написано

такимъ образомъ, что Дубровинъ и владѣтель перстня могли имѣть безконечную тяжбу.

Дубровины и Дашинька, тогдашняя владѣтельница перстня, между собою не ссорились и раздѣлили поровну неожиданное богатство.—Дашинька вышла замужъ по выбору сердца и поселилась въ сосѣдствѣ Дубровиныхъ. Оба семейства не забываютъ Опальскаго, ежегодно по немъ совершаютъ панихиду и молятъ Бога помиловать душу ихъ благодѣтеля.

Письма Е. А. Баратынскаго.

Нѣсколько писемъ дѣтства и юношества
Евгенія Абрамовича Баратынскаго.

1.

1808.

При вступленіи въ Пансіонъ.

Ma chère maman,

Je viens de recevoir votre lettre et je vous en remercie, je me porte bien, Dieu merci. Oh maman,—quel plaisir, la Néva est á présent toute debarrassée de glaces, que de chaloupes et de voiles, que de vaisseaux, mais avec tout cela maman, sans vous, tout me semble insipide; lorsque je partais, je ne sentais pas encore tout le chagrin que me causait notre séparation, je ne la connaissais pas, mais á présent maman, quelle différence, — Pétersbourg m'avait frappé par sa beauté, tout me semblait heureux, mais tous avaient leurs mères ici; je croyais qu'avec mes camarades je pourrais être joyeux, mais non, chacun joue avec l'autre comme avec un joujou, sans amitié, sans rien! Quelle différence lorsque nous étions avec vous! Les derniers jours, quoique j'étais triste, mais je sentais le plaisir d'être encore avec vous et pour vous dire franchement, je pensais en parlant que je m'amuserai beaucoup plus avec des garcons de mon âge qu'avec maman, parceque c'est une grande personne, mais hélas maman, je m'étais bien trompé; je croyais trouver l'amitié, mais je ne trouvais qu'une politesse froide et affectée, une amitié intéréssée: lorsque j'avais une pomme ou quelque chose d'autre, tous étaient mes amis, mais après, après, tout était comme perdu, mais aussi maman, je n'ai pas le temps de vous écrire davantage, adieu, potiez vous bien, j'embrasse tout le monde.

Милая маменька.

Я только что получилъ ваше письмо и благодарю васъ за него, я слава Богу здоровъ. О, маменька, какая радость. Нева теперь вся очистилась отъ льдинъ, сколько лодокъ и парусовъ, сколько кораблей; но со всѣмъ тѣмъ, маменька, безъ васъ, все мнѣ кажется пусто; когда я уѣзжалъ, я еще не чувствовалъ всей тягости нашей разлуки, я не зналъ ея; но теперь, маменька, какая разница.—Петербургъ поразилъ меня своею красотою, все мнѣ казалось счастли-

вымъ, но здѣсь, у всѣхъ были съ ними ихъ матери; я думалъ, что съ товарищами мнѣ будетъ весело; но нѣтъ, всякій играетъ съ другимъ, какъ съ игрушкой, безъ дружбы, безо всего! какая разница, когда мы были съ вами! Послѣдніе дни, хотя мнѣ было грустно, но я чувствовалъ удовольствіе быть еще съ вами— и сказать вамъ откровенно—я думалъ, уѣзжая, что мнѣ будетъ гораздо веселѣе съ мальчиками моихъ лѣтъ, чѣмъ съ маменькой, потому что она уже большая; но увы, я весьма ошибся! Я думалъ найти дружбу. но нашелъ лишь холодную притворную учтивость, — расчетливую дружбу; когда у меня было яблоко или что другое, всѣ были моими друзьями; но потомъ, все было какъ потеряно; однако, маменька, мнѣ некогда вамъ писать болѣе, прощайте, будьте здоровы, обнимаю всѣхъ.

2.

1811.

Ma chère maman,

Je vous demande mille et mille pardons de ne vous avoir pas écrit de si longtemps. Je m'en vais réparer maintenant ma faute et j'espère que rien n'interrompera plus notre correspondance. Voilà le printemps qui s'approche, toutes les rues sont sèches à Pètersbourg et l'on peut se promener à son aise. C'est vraiment un grand plaisir que d'observer comme le printemps embellit par degrés toute la nature. On goûte une si grande joie quand on apercoit quelques brins d'herbe qui commencent à croitre. Que je voudrais être maintenant avec vous à la campagne! O! que votre présence augmenterait mon bonheur. La nature me paraitrait plus riante, le jour plus brillant. Ah, quand arrivera cet instant fortuné? Est-ce en vain que je le hâte de mes voeux? Pourquoi, ma chère maman, est ce que les hommes ont inventé les lois de la bienséance qui nous séparent. Ne vaudrait-il pas mieux être un ignorant heureux qu'un savant malheureux? En ignorant ce qu'il y a de bon dans les sciences, j'ingnorerais les raffineries du vice? Je ne saurais rien ma chère maman, mais à quel haut degré je porterais la science de vous aimer? Et cette science ne vaut elle pas mieux que toutes les autres? mon coeur me dit que oui, car c'est la science du bonheur; sans doute, ma chère maman, vous direz que ces sentiments sont faux, que l'on ne saurait être heureux en se regardant seulement, que l'on s'ennuirait bientôt. Je le crois, je me le répète à moi même, mais le coeur parle—il déraisonne, tout cela est vrai, mais son langage est si doux... C'est le chant p'une. Siréne Adieu, ma chère maman, portez vous bien. Ayez la bonté de me permettre d'acheter des dictionnaires. J'embrasse mes petites soeurs et mon frère,

---

Милая маменька.

Я прошу у васъ тысячу и тысячу разъ прощенья, что вамъ такъ долго не писалъ. Я теперь заглажу мою вину и надѣюсь, что наша переписка не будетъ прервана. Вотъ весна приближается, всѣ улицы сухи въ Петербургѣ, и можно гулять свободно. Это въ самомъ дѣлѣ большое наслажденіе, наблюдать, какъ

весна украшаетъ постепенно всю природу. Ощущаешь такую радость, когда видишь свѣжую траву, которая тамъ и сямъ пробивается. Какъ бы я желалъ быть теперь съ вами въ деревнѣ. О! сколько бы ваше присутствіе увеличило мое счастье! Природа показалась бы мнѣ радостнѣе, день свѣтлѣе! Ахъ, когда настанетъ это счастливое время? Ужели напрасно мои желанія силятся ускорить его наступленіе? Зачѣмъ, милая маменька, люди выдумали законы приличія, которые насъ раздѣляютъ? Не лучше ли было бы остаться счастливымъ невѣжей, чѣмъ быть ученымъ и несчастливымъ? Все что науки содержатъ въ себѣ хорошаго, осталось бы для меня сокрытымъ; но я бы не зналъ и ухищреній порока? Я бы ничего не зналъ, милая маменька, но до какой высокой степени я дошелъ бы въ наукѣ привязанности моей къ вамъ? И эта наука, не лучше ли она всѣхъ другихъ? Мнѣ сердце говоритъ, что—да: ибо въ ней—наука благополучія. Безъ сомнѣнія, милая маменька, вы скажете, что эти чувства ложны, что невозможно быть счастливымъ только глядя другъ на друга, что скоро соскучишься. Я этому вѣрю и себѣ это повторяю; но во мнѣ говоритъ сердце—оно бредитъ... все это правда, но голосъ его такъ сладокъ... это пѣснь Сирены. Прощайте, милая маменька, будьте здоровы. Будьте такъ добры, позвольте мнѣ купить лексиконовъ.

3.

1814.

Ma chère maman,

Nous venons d'apprendre avec le plus grand chagrin la mort de notre grand-maman. Je n'ai pas eu le bonheur de la connaitre. Je conçois votre douleur, mais pensez, ma chère maman, que c'est la loi de la nature. Nous naissons pour mourir et quelques heures plus tôt ou plus tard, il faudra toujours quitter ce petit atôme de boue qu'on nomme terre. Espérons que dans un meilleur monde nous pourrons revoir ceux que nous avons chèris. Dieu nous aime et Jl ne voudra pas sans doute nous offrir une malheureuse èternité après une vie traversée de tant d'infortunes. Nous allons aujourd'hui rendre le dernier devoir à la mémoire de notre grand-maman. Si ces cérémonies peuvent être utiles, c'est sans doute une grande consolation pour le coeur. C'est une erreur peut être, mais je l'aime, elle me console dans mes chagrins. Adieu, ma chère maman, je désire que cette perte ne vous affecte pas trop, je n'ose pas dire de l'oublier, je sais que cela coûte trop à un coeur sensible.

Милая маменька.

Мы узнали съ величайшею горестью о кончинѣ нашей бабушки. Я не имѣлъ счастіе знать ее. Мнѣ понятно ваше огорченіе; но подумайте, милая маменька, что это законъ природы. Мы родимся для того, чтобы умереть, и, нѣсколькими часами ранѣе или позже, должны покинуть этотъ маленькій атомъ изъ пыли, называемый землею. Будемъ надѣяться, что въ лучшемъ мірѣ мы снова увимся съ тѣми, кѣмъ мы здѣсь дорожили. Богъ любитъ насъ, и, безъ

сомнѣнія, не захочетъ воздать вамъ безотрадною вѣчностью за жизнь, наполненную столькими горестями. Мы сегодня отдадимъ послѣдній долгъ памяти нашей бабушки. Ежели эти обряды могутъ быть полезными, конечно, это великое утѣшеніе для сердца. Быть можетъ, это заблужденіе, но я люблю его, оно утѣшаетъ меня въ печали. Прощайте, милая маменька; я бы желалъ, чтобы эта утрата не слишкомъ сокрушала васъ; не смѣю сказать вамъ: забудьте о ней; я знаю, что это слишкомъ тягостно для чувствительнаго сердца.

4.

Изъ Пажескаго Корпуса.

Ma très chère maman,

Je viens de recevoir votre lettre et je ne saurais vous dire tout le plaisir que j'ai éprouvè en voyant que vous m'aimez toujonrs et que vous me pardonnez mes fautes. J'avais véritablement grand besoin de cette consolation. Elle vient de me rendre la paix avec moi même et je vois clairement combien elle est préférable à tous les plaisirs de la dissipation. Je vais passer chaque fête chez mon oncle *) qui a eu la bonté de me donner un maître de mathématiques et j'y suis assez avancé **). Oserai-je vous répéter encore ma prière relativement à la marine. Je vous supplie ma chère maman de m'accorder cette grâce. Mes intérêts qui vous sont si chers, dites vous, le commandent impérativement. Je sais combien il doit coûter à votre coeur de me voir dans un service aussi périlleux. Mais dites moi, connaissez vous un endroit dans l'univers excepté le règne de l'Océan où la vie de l'homme ne soit exposée à mille dangers, ou la mort n'ait ravi un fils à sa mère, un père, une soeur? partout le plus petit souffle est capable de détruire le ressort fragile que nous nommons notre existence. Quoique vous disiez, ma chère maman, il est des choses qui dépendent de nous, il y en a d'autres dont la conduite est confiée à la Providence! Nos actions, nos pensées dépendent de nous, mais je ne saurais croire que notre mort dépende du choix que nous ferons du service de terre ou de mer. Quoi? serait-il possible que la destinée qui m'a marqué la fin ma carrière, remplirait son arrêt sur la mer Caspienne et ne saurait m'attiendre à Pétersbourg. jc vous suplie, ma chère maman, de ne pas contraindre mon inclinatiom Je ne saurais servir à la garde; on la ménage trop. Si l'on fait la guerre, elle ne fait rien et reste dans une honteuse oisiveté. Et vous appelez cela exister? Non, ce n'est pas une existence qu'une tranquillité sans mélange. Croyez moi, ma chère maman, que l'on peut s'habituer à tout excepté à la tranquillité et à l'ennui. J'aimerais mieux être parfaitement malheureux que parfaitement tranquille; le sentiment de mes maux me rappellerait que j'existe. Et véritablement je sens qu'il me faut toujours quelque chose de dangereux dont je m'occupe; sans cela je m'ennuie. Représentez vous,

*) Петръ Андреевичъ Баратынскій.

**) Е. А. Баратынскій былъ очень хорошій математикъ; съ малолѣтства въ немъ выказались большія способности къ этой наукѣ.

ma chère maman, une furieuse tempête et moi debout sur le tillac qui semble commander à la mer irritée, une planche entre moi et la mort, les monstres marins qui admirent l'instrument merveilleux, enfant du génie humain et qui commande aux éléments. Et puis je vous écrirai le plus souvent possible tout ce que j'aurai vu de beau. Songez encore, ma chère maman, qu'au lieu de nous revoir dans cinq ans, nous nous reverrons dans deux ans. Dans deux ans, ma chère maman, je vous embrasserai, je vous regordait je vous parlerai, ma chère mamani concevez vous mon bonheur! y seriez vous insensible? Je ne saurais le croire,—et si même la destinée me condamnait à périr sur la mer dans peu d'années, je vous aura, vu, j'aurai goûté ce bonheur. Quelques moments de joie semblables ne sont-ils pas préférables à une longue suite d'années ennuyeuses? Ainsi ma, chère maman j'espère que vous ne me refuserez pas cette grâce. Vous dites que vous êtes bien contente de mon goût pour les ouvrages de l'esprit, mais vous avouerez qu'il n'y a rien de si ridicule, qu'un jeune homme qui vous fait le pédant, qui se croit auteur, parcequ'il a traduit deux ou trois pages d'Estelle de Florian, avec une trentaine de fautes d'orthographe, d'un style empoulé, qu'il croit être fleuri, qui se croit en droit de critiquer tout, ne sachant pas distinguer ni sentir les beautés qu,il admire; parceque les autres les trouvent admirables, il les loue avec enthousiasme, tandis qu'il ne les a jamais luer. Vraiment, ma chère maman, j'ai ce défaut et je tâche de m'en corriger. Bien souvent j'ai loué l'Iliade quoique je l'aie lu à Moscou et dans un âge si tendre que je ne pouvais non seulement en sentir les beautés, mais méme en comprendre le contenu. J'entends partout la louer et je la loue comme un singe. Je connais des personnes qui ne se donnent pas la peine de penser et qui laissent à l'opinion publique à fixer leur opinion et vraiement ces gens là, sans en excepter ma seigneurie, ressemblent beaucoup à ces automates qui sont mus par des ressorts cachés dans leur corps. Mais voilà une bien longue lettre, je crains de vous ennuyer trop. Adieu, ma chère maman, Dieu veuille que nous puissions bientôt nous revoir. Je reste votre trés humble et très obéissant serviteur selon la mode et votre obéissant, votre tendre, reconnaissant fils selon mon coeur.

Милая маменька.

Я сейчасъ получилъ ваше письмо и не могу выразить вамъ мою радость, видя, что вы меня прощаете. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ необходимо было это утѣшеніе. Оно примирило меня съ самимъ собою и мнѣ теперь ясно, во сколько разъ это драгоцѣннѣе всѣхъ удовольствій разсѣянія. Я провожу всѣ праздники у дяди, который былъ такъ добръ, что взялъ для меня учителя математики, и я уже сдѣлалъ въ ней довольно значительные успѣхи. Осмѣлюсь ли я повторить вамъ мою просьбу касательно морской службы. Я умоляю васъ, милая маменька, объ этой милости. Мои интересы, которые вамъ такъ дороги (говорите вы), этого настоятельно требуютъ. Я знаю, сколько вашему сердцу должно быть тяжело, что я вступлю въ службу столь опасную; но скажите, знаете ли вы какое-либо мѣсто въ мірѣ, хотя бы внѣ области океана, гдѣ бы жизнь че-

ловѣка не была подвержена тысячи опасностей, гдѣ бы смерть не похитила сына у матери, отца, сестру? Вездѣ, малѣйшее дуновеніе можетъ разрушить эту слабую прижину, которую мы называемъ жизнью. Что бы вы ни говорили, милая маменька, есть вещи отъ насъ зависящія; другими же управляетъ Провидѣніе. Наши поступки, наши мысли зависятъ отъ насъ; но я не могу допустить, чтобы наша смерть зависѣла отъ выбора службы на сушѣ или на морѣ. Какъ! возможно ли, чтобы судьба, которая предназначила конецъ моему поприщу, исполнила бы свой приговоръ на Каспійскомъ морѣ и не могла бы поразить меня въ Петербургѣ? Я умоляю васъ, милая маменька, не противиться моей наклонности. Я не могу служить въ гвардіи: ее слишкомъ берегутъ; во время войны она ничего не дѣлаетъ и остается въ постыдномъ бездѣйствіи. И вы назовете это жизнью? Нѣтъ, безпрерывный покой не можетъ назваться жизнью. Вѣрьте мнѣ, милая маменька, можно привыкнуть ко всему, кромѣ бездѣйствія и скуки. Я бы даже предпочелъ, въ полномъ смыслѣ, несчастіе—невозмутимому покою. Сознаніе моихъ бѣдствій удостовѣряло бы меня въ томъ, что я существую. Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что мнѣ всегда нужно что-либо опасное, что бы меня занимало,—иначе я скучаю. Представьте себѣ, милая маменька, грозную бурю, и меня, стоящаго на палубѣ, какъ бы повелѣвающаго разъяренному морю,—доска между мною и смертью; морскія чудовища дивятся чудесному орудію—произведенію человѣческаго генія, въ борьбѣ со стихіями. А я буду писать вамъ какъ можно чаще, о всемъ томъ, что увижу прекраснаго. Подумайте еще, милая маменька, что вмѣсто того, чтобы увидѣться черезъ пять лѣтъ, мы увидимся черезъ два года. Черезъ два года, милая маменька, я васъ обниму и буду смотрѣть на васъ: я буду говорить съ вами; милая маменька, понимаете ли вы мою радость? Останетесь ли вы къ ней равнодушною? Мнѣ это не вѣрится, и если даже судьба предназначила мнѣ погибнуть черезъ нѣсколько лѣтъ на морѣ, я бы имѣлъ случай увидѣть васъ, я бы насладился этимъ счастьемъ. Нѣсколько мгновеній такой радости, не замѣнятъ ли они собою длинный рядъ скучныхъ годовъ? Итакъ, милая маменька, я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этой милости. Вы говорите, что вы очень довольны моею склонностью къ умственнымъ занятіямъ; но признайтесь, что нѣтъ ничего смѣшнѣе молодого человѣка, который выставляется педантомъ, считаетъ себя авторомъ, потому что перевелъ двѣ, три странички Эстеллы Флоріана, въ которыхъ до тридцати ореографическихъ ошибокъ и напыщенный слогъ, который онъ почитаетъ живописнымъ, и убѣжденъ въ томъ, что онъ въ правѣ критиковать всѣ, не будучи еще въ состояніи оцѣнивать тѣ красоты, которыми онъ восхищается и проникается ими; потому только, что другіе восторгаются ими, онъ превозноситъ ихъ съ упоеніемъ, между тѣмъ какъ онъ даже никогда не читалъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, милая маменька, во мнѣ есть этотъ недостатокъ, и я стараюсь отъ него отдѣлаться. Я часто восхвалялъ Иліаду, хотя читалъ ее въ Москвѣ и въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда не могъ не только быть проникнутымъ ея красотами, но даже понимать ея содержанія. Я слышу, что ею вездѣ восхищаются и расхваливаю ее, какъ обезьяна. Я знаю людей, которые *не даютъ себѣ труда* мыслить, и предоставляютъ общественному мнѣнію уста-

новить ихъ убѣжденіе, и эти люди, не исключая и моего благородія, очень похожи на автоматовъ, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ пружинъ, сокрытыхъ въ ихъ тѣлѣ. Вотъ чрезвычайно длинное письмо, я боюсь вамъ уже слишкомъ наскучить. Прощай милая маменька. Дай Богъ намъ скоро увидѣться. Остаюсь вашимъ покорнымъ слугою, по обычаю, и вашимъ послушнымъ, нѣжнымъ, благодарнымъ сыномъ, по сердцу.

5.

1816.

Смоленской губерніи изъ сельца Подвойскаго.

Ma chère maman.

Nous passons ici le temps très agréablement, on chante, on rit, tout semble respirer le bonheur et la joie. Il n'y a qu'une seule idée qui ternisse à mes yeux tout cet appareil de plaisir, c'est le peu de durée qui leur appartient et que je me verrai bientôt arraché à tous ces délices.

Je sens que j'ai un bien méchant caractère et qui fait en quelque sorte mon malheur, c'est de prévoir de trop loin tout ce qui peut m'arriver de désagréable. Il fut un temps où je n'y pensais pas! Mais ce temps il s'est envolé comme un songe ou du moins il fut aussi court que les instants de bonheur accordés à la vis humaine. Ma chère maman, l'on a beaucoup disputé sur le bonheur, ne semble-t-il pas voir des mendiants qui raisonnent la pierre philosophale?

Tel homme, au milieu de tout ce qui semble le rendre heureux, porte un venin caché qui le ronge et le rend incapable de tout sentiment de plaisir; un esprit chagrin, un fond d'ennui et de tristesse: voilà ce qu'il porte dans le tumulte de la vie, et je connais bien cet homme. Le bonheur ne serait-il pas par hasard une certaine combinaison d'idées qui nous rend incapable de penser à autre chose qu'à ce qui remplit notre coeur, qui serait rempli de manière qu'il ne puisse pas réfléchir à ce qu'il sent? L'insouciance ne serait-elle pas encore le bonheur? N'appartient-il pas à l'Être des êtres de rendre l'âme susceptible de ce sentiment lorsqu'il veut récompenser quelques uns de ces petits atômes qui arrachent quelques brins à la boue, notre mère commune? O atômes d'un jour! O mes compagnons dans l'infinie petitesse,—avez-vous jamais pu apercevoir cette main invisible qui nous dirige dans cette formilière du genre humain?—Qui de nous a pu anatomiser ces instants si courts dans la vie humaine? Pour moi je n'y ai jamais songé.

«Il le faut avouer, telle est la vie humaine,
«Chacun a son lutin qui toujours le promène
«Des chagrins aux amusements.
«Des cinq sens tout au plus, malgré moi, je dépens,
«L'homme est fait, je le sens, d'une pâte divine,
«Nous serons tous un jour des esprits glorieux,
«Mais dans ce monde-ci l'âme est un peu machine.
«La nature change à nos yeux,

«Et le plus triste Hèraclite.
«Quand ses affaires vons mieux,
«Redevient un Démocrite.

Ces vers sont d'un certain hérétique qui a toujours tors avec certaines gens, mais dont les vers sont souvent remplis de vérité et de force, je veux dire de Voltaire' Il me semble que c'est ce qu'on a écrit de mieux sur cette controverse mystique. Mais je crois que je vous ennuirai bientôt avec ma philosoqhie. La passion de raisonner n'est pas l'un de mes plus petits défauts et je ne pense pas à m'en corriger.

Pour finir tout ce fatatras, je vous dirai que j'était de très mauvaise humeur en commençant ma lettre jusqu'à la fin de la seconde page où je me suis interrompu pour aller prendre du café avec mes tantes et maintenant je ne suis pas du tout d'humeur à parler des maux physiques ni moraux.

Милая маменька.

Мы проводимъ здѣсь время очень пріятно: здѣсь поютъ, смѣются, все какъ бы дышетъ счастіемъ и радостью. Одна мысль помрачаетъ въ моихъ глазахъ эту радостную картину: кратковременность этихъ наслажденій, и что вскорѣ я долженъ буду съ ними разстаться. Я сознаю въ себѣ пренесносное свойство нрава, отравляющее отчасти жизнь мою: во мнѣ есть наклонность слишкомъ издалека предвидѣть все, то что мнѣ можетъ случиться непріятнаго. Было время, когда я объ этомъ не думалъ; но это время, оно промчалось, какъ сновидѣніе, или лучше сказать, оно было также не продолжительно, какъ мгновенія счастья, дарованныя въ жизни человѣческой. Милая маменька, многое говорили о счастьѣ, – не представляется ли вамъ, что это нищіе, разсуждающіе о философскомъ камнѣ.

Иногда человѣкъ посреди всего того, что, повидимому, должно бы его сдѣлать счастливымъ, носитъ въ душѣ своей сокрытый ядъ, который гложетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ къ какому бы то ни было радостному ощущенію,—болѣзненное настроеніе духа, исполненнаго тоскливой досады и грусти,—вотъ что сопровождаетъ его посреди шумныхъ забавъ свѣта, и я хорошо знаю такого человѣка. Счастье не есть ли, можетъ быть, извѣстное сочетаніе мыслей, при которомъ мы не въ состояніи думать о чемъ-либо иномъ, кромѣ того, что овладѣло нашимъ сердцемъ, переполненнымъ до такой степени, чтобъ не было возможности обсуждать того, что чувствуешь. Безпечность не есть ли своего рода счастье? Творецъ всего существующаго не располагаетъ ли душу къ воспріятію подобнаго чувства, когда Ему угодно наградить кого-либо изъ ничтожныхъ атомовъ, образовавшихся изъ пылинокъ общей нашей матери земли? О, суточные атомы! сопутники мои въ безконечной малости, могли ли вы когда-либо примѣтить сокровенную Руку, управляющую нами въ этомъ муравейникѣ рода *человѣческаго*? Кому изъ насъ удавалось анатомировать эти мгновенія, столь *краткія въ жизни* человѣческой?—я же никогда не помышлялъ объ этомъ!

Признаться надо намъ, такъ наша жизнь проходитъ,
И каждаго изъ насъ бѣсенокъ нѣкій водитъ
Къ забавамъ отъ невзгодъ,—тутъ воля не своя.
Всего отъ пяти чувствъ вполнѣ завишу я;
Природой человѣкъ безпорно превосходенъ,—
Въ грядущемъ дивными духами будемъ мы;
Но въ этомъ мірѣ духъ съ машиной очень сходенъ.
Какъ часто, невзначай мѣняются умы:
Поправятся ль дѣла, и глядь, у Гераклита,
Слеза замѣнена улыбкой Демокрита.

Это стихи извѣстнаго еретика, который всегда неправъ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, но стихи его весьма часто исполнены силы и истины,—я говорю о Вольтерѣ. Мнѣ кажется, что это все, что есть лучшаго изъ всего того, что было писано по части этого мистическаго пренія. Но я полагаю, что скоро намъ вамъ моею философіей. Страсть къ умствованію—ие изъ меньшихъ моихъ слабостей, и я нисколько не думаю отъ нея исправляться.

Чтобы покончить съ этою галиматьей, скажу вамъ, что, начиная это письмо, я именно въ дурномъ расположеніи духа, до конца второй страницы; тутъ я остановился и отправился пить кофе съ тетушками, и теперь я совсѣмъ не расположенъ разсуждать ни о физическихъ, ни о нравственныхъ недугахъ.

6.

1816.

.... Nous aurons tous nos parents cet automne. Monr oncle Петръ Андреевичъ promet aussi de vous rendre visite. Bon Dieu, que de bonheur à la fois! Je crains de me réjouir trop et comme ce général romain qui priait Jupiter de lui envoyer un petit malheur pour contrebelancer l'ivresse de ses triomphes, je voudrais être du moins un peu malade, alors je serais plus tranquille. Quoiqu'il en soit il est toujours bon d'esqérer et comme dit Voltaire que l'esperance:
« .... Même en nous trompant donne de vrais plaisir» il faut profiter de tout ce qui semble un défaut dans la nature humaine. Que de choses dont il nous est caché par la Providence et dont nous osons accuser le Créateur même, ma chère maman, que j'aurais desiré que ce fut la dernière lettre que j'ose à vous écrire.

Всѣ наши родные соберутся у насъ нынѣшней осенью. Петръ Андреевичъ тоже обѣщаетъ посѣтить васъ. Боже мой, сколько удовольствія разомъ! Я боюсь слишкомъ радоваться и какъ тотъ Римскій полководецъ, умолявшій Юпитера ниспослать ему незначительную неудачу, для того, чтобы уравновѣсить торжество,—я бы желалъ, чтобы мнѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько не нездоровилось: я бы тогда былъ спокойнѣе. Какъ бы то ни было, всегда пріятно надѣяться, и, какъ говоритъ Вольтеръ, что даже обманчивая надежда

Неживыя даруетъ наслажденья

должно пользоваться даже тѣмъ, что кажется несовершенствомъ природы человѣческой. Не много ли намъ приключается для цѣли отъ насъ сокрытой?—а мы въ этомъ терзаемъ упрекать Создателя. Прощайте, милая маменька, какъ бы я желалъ, чтобъ это было послѣднее письмо, которое бы мнѣ приходилось писать къ вамъ.

7.

Того же года.

Par où commencer, ma chère maman, est-ce par mon arrivée ou par mon départ? Le dernier est assez triste, je ne vous parlerai donc que du premier parcequ'il faut toujours choisir les objets les plus agréables. Sachez donc qu'après une semaine du plus heureux voyage nous sommes arrivés à Podvoiskoe; ce n'est pas le plus beau; monsieur Pantchoulidseff qu'on attendait depuit longtempe était arrivé une heure avant nous. Il faudrait imaginer une réunion aussi joyeuse. La soirée s'est passée dans une gaieté folle. Le général est l'homme le plus aimable que j'aie vu: il a, je ne sais quelle loyauté, je ne sais quelle franchise qui tient de l'ancienne chevalerie. Il parle extrêmement haut et il semble qu'il aurait voulu que chacun puisse voir au fond de son coeur. Que bien peu de gens auraient formé un pareil voeu! Je l'ai appelé chevalier sans peur et sans reproche et je ne sais qui me dit qu'il doit mériter ce titre. Je ne vous parlerai point de quelle manière je fus reçu ici. Vous connaissez cette amitié incomparable de ces personnes encore plus incomparables. Tout ce qu'ils font pour moi, tout ce que je sens pour eux est audessus de toute expression. Je crois qu'en détaillant des sentiments trop énergiques on les affaiblit.—Oh ma chère maman, le plaisir de se voir aimé vaut tous les plaisirs du monde!

Съ чего начать, милая маменька, съ моего пріѣзда или съ того времени, какъ я уѣхалъ? Послѣднее довольно грустно, поэтому я только буду говорить о первомъ, ибо лучше выбирать всегда предметы самые пріятные, Итакъ, да будетъ вамъ извѣстно, что черезъ недѣлю самаго благополучнаго путешествія, мы пріѣхали въ Подвойское; но что всего лучше, это то, что Панчулидзевъ. котораго давно ожидали, пріѣхалъ за часъ передъ нами. Вообразите себѣ, какое радостное собраніе. Вечеръ былъ какъ нельзя болѣе веселъ. Генералъ Панчулидзевъ самый любезный человѣкъ, котораго я когда-либо видѣлъ: въ немъ что-то прямодушное, чистосердечное, отражающееся старинымъ рыцарствомъ. Онъ говоритъ очень громко, и кажется, что хотѣлъ бы, чтобы всякій могъ видѣть, что у него на сердце. Не много людей, у которыхъ могло бы родиться подобное желаніе. Я его назвалъ рыцаремъ безупречнымъ и безбоязненнымъ, и что-то убѣждаетъ меня, что онъ заслуживаетъ это прозвище. Не стану говорить вамъ о томъ, какъ меня здѣсь приняли. Вы сами знаете, какова эта дружба, которой нѣтъ подобной и каковы эти люди, которыхъ, еще менѣе, можно съ кѣмъ бы то ни было сравнивать. Все что они для меня дѣлаютъ. все что я къ нимъ чувствую, выше всякаго выраженія Я думаю, что въ самомъ силь-

номъ порывѣ чувствъ; распространяться о нихъ,—значитъ ослаблять ихъ. О, милая маменька, чувствовать, что любятъ насъ, это блаженство стоющее всѣхъ наслажденій въ мірѣ!..

8.

1817.

Любезный дядюшка,

Петръ Андреевичъ!

Я не знаю, чѣмъ вамъ когда нибудь доказать мою благодарность за всѣ милости, коими я вамъ обязанъ. Будьте увѣрены, любезный дядюшка, что слова ваши никогда не изгладятся изъ моей памяти. Нужно быть болѣе развращеннымъ или лучше сказать совсѣмъ безъ души и сердца, чтобы не чувствовать всю цѣну вашихъ наставленій. Они всегда будутъ за мною слѣдовать всегда будутъ мнѣ напоминать мой долгъ, честь, добродѣтель и когда жестокая совѣсть будетъ укорять меня, то примирятъ меня съ собою. Любезный дядюшка! Нѣтъ истиннаго счастья безъ добродѣтели и если кто въ семъ не признается, то духъ гордости ослѣпляетъ его, и я это хорошо знаю! Когда пылкія страсти молодости перестанутъ ослѣплять опытную старость, какимъ ужаснымъ сномъ кажутся протекшіе дни нашей жизни, какъ смѣшны кажутся всѣ предпріятія радости и печали! Горе тому, кто можетъ вспоминать одни заблужденія! Извините меня, любезный дядюшка, что я пишу вамъ это, что̀ можетъ быть несвойственно ни моей неопытности, ни лѣтамъ, но я это живо чувствую, а чувствомъ своимъ повелѣвать не можно. Прощайте, любезный дядюшка! Будьте увѣрены, что я никогда не позабуду, что вы столько времени были мнѣ отцомъ, наставникомъ и учителемъ, и если когда нибудь измѣню чувствамъ моимъ то пусть Тотъ, Который все знаетъ, Который наказываетъ злыхъ и неблагодарныхъ,—накажетъ и меня вмѣстѣ съ ними.

Письма Е. А. Баратынскаго изъ финлянdіи къ А. Ѳ. Баратынской.

1.

Nous allons quitter Rotschensalm, ma chère maman. Закревскій, à la prière de mon colonel, lui a permis de venir occuper une grande et belle maison à Кюмень, maison appartenant à la couronne. Ce n'est qu'à sept verstes de nos premiers quartiers. Le colonel me prend avec lui pour l'aider à vivre. Ce qu'il y a de remarquable, c'est que j'occuperai dans cette maison les deux petites chambre qui furent autrefois occupées par Souvoroff lorsqu'il batissait le fort de Кюмень. Nous n'y serons qu'au commencement d'octobre. Les lettres peuvent être adressées à Rotschensalm comme auparavant.

Je mène une vie très douce, très tranquille et très réglée. Je travaille un peu le matin chez moi, je vais dîner chez le colonel et ordinairement je passe la soirée chez lui à jouer au boston avec les dames à un sol la fiche: il est bien vrai que je perds toujours; mais, du moins j'ai l'air d'être galant, au reste par distraction.

Nous avons un bien bel automne, il a l'air de nous récompenser du mauvais eté que nous avons eu. J'aime l'automne. La nature est touchante dans sa beauté d'adieu. C'est un ami qui est pret à nous quitter et l'on jouit de sa présence avec un amour mélancolique qui remplit toute l'âme.

Mon colonel a reçu une lettre de Ржевъ, qui contient des nouvelles extraordinaires. La disette y a produit une véritable insurrection. Les paysans quittent leurs foyers et s'en vont. Plus de trois mille personnes ont quitté de district. Tous serfs. Les déménagements ne se fons pas sans violence. Ils commencent par s'emparer de tout ce qu'ils peuvent trouver dans les maisons de leurs maîtres, ils s'assemblent par troupes, prêtent serment les uns aux autres, les uns contre leurs seigneurs, les autres contre le Gouvernement..... C'est une mauvaise plaisanterie. En avez vous des nouvelles?...

Мы покидаемъ Ронченсальмъ, милая маменька. Закревскій, по просьбѣ моего полковника, позволилъ ему занять большой, прекрасный домъ въ Кюмени, принадлежащій казнѣ. Наша новая стоянка, всего въ семи верстахъ отъ прежней. Полковникъ беретъ меня съ собою въ подмогу жизни. Стоитъ замѣтить, что въ этомъ домѣ я буду занимать двѣ комнатки, въ которыхъ жилъ некогда Суворовъ, когда онъ строилъ Кюменскія укрѣпленія. Мы тамъ будемъ только въ началѣ октября. Письма, попрежнему, могутъ быть адресованы въ Ронченсальмъ.

Я веду жизнь весьма тихую, весьма спокойную и весьма правильную. Занимаюсь нѣсколько, утромъ у себя, обѣдаю у полковника и обыкновенно провожу у него вечеръ, — играю въ бостонъ съ дамами по копейки за марку. Правда, что я всегда проигрываю, но по крайней мѣрѣ я кажусь любезнымъ, хотя проигрываю изъ разсѣянности.

У насъ чудесная осень; она, кажется, хочетъ вознаградить насъ за дурное лѣто.—Я люблю осень.—Природа трогательна въ прощальной красотѣ своей.—Это другъ, который разстается съ нами, и наслаждаешься его присутствіемъ съ грустною нѣжностью, наполняющей душу.

Полковникъ получилъ письмо изъ Ржева, заключающее въ себѣ необыкновенныя извѣстія: — неурожай произвелъ тамъ въ полномъ смыслѣ мятежъ. Крестьяне покидаютъ свои жилища и уходятъ. Болѣе трехъ тысячъ покинули уѣздъ.—Все крѣпостные. Эти переселенія не обходятся безъ буйствъ и насилій. Начинается съ того, что крестьяне захватываютъ все что только могутъ въ домахъ помѣщиковъ, они собираются толпами, клянутся другъ другу: нѣкоторые — противъ помѣщиковъ, другіе — противъ правительства... Это плохая *шутка. Дошли ли* до васъ эти вѣсти?....

2.

le 10 février.

C'est de Кюмень que je vous écris, ma bonne maman, où mon bon Лутковскій et sa femme m'ont reçu avec leur ancienne amitié. Je les ai revus avec un plaisir sensible et pouvais-je faire autrement? J'ai passé cinq années avec eux, toujours comblé de leurs bontés, toujours reçu comme un de leurs meilleurs amis. C'est à eux que je dois tous les adoucissements de mon exil.

Le général m'a fait ses adieux de la manière la plus gracieuse, il m'a promis de faire tout ce qui dépendra de lui pour me faire avancer. Je crois qu'il tiendra parole. Si même il ne réussit pas, malgré toute sa bonne volonté, je lui conserverai toujours une vive reconnaissance pour tour les agréments de mon séjour, à Helsingfors. Le trois mois que j'y ai passés seront toujours d'un agréable souvenir pour moi.

Je suis parti un jour après lui avec Madame. Rien de plus gai que ce petit voyage que nous avons fait ensemble. Nous avions avec nous cette Miss dont je vour ai parlé et un des aides de camp, jeune homme de beaucoup d'esprit. Nos diners et nos soupers étaient on ne peut plus agréables. Nous nous sommes quittés en très bons amis, et ce voyage m'a donné du moins pour quelques instants, un très grand goût pour le sort des aventuriers, Comment va votre santé, ma bonne maman? Il y a longtemps que je ne vous ai écrit; mais c'est que les voyages causent toujours des lacunes dans les correspondances. Il se passera aussi bien du temps avant que je ne reçoive des nouvelles de Mara *)

Adieu, ma chère maman, que Dieu vous donne une bonne santé et tranquilise votre âme: c'est mon voeu de tous les jours et c'est par habitude autant que par sentiment queje le répète dans mes lettres.

16-го февраля.

Я пишу вамъ изъ Кюмени, добрая, милая маменька, гдѣ добрый мой Лутковскій и жена его приняли меня съ обычною ихъ дружбой. Я увидѣлся съ ними съ искреннимъ удовольствіемъ, — и могло ли быть иначе? Я пять лѣтъ провелъ съ ними, всегда ими обласканный, всегда принятый у нихъ какъ лучшій другъ. Имъ я обязанъ всѣми облегченіями въ моемъ изгнаніи.

Генералъ прощался со мной какъ нельзя любезнѣе, онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать все, что отъ него будетъ зависѣть, для моего повышенія. Я думаю, что онъ сдержитъ слово и если даже, несмотря на все его расположеніе, старанія его останутся безуспѣшными, я все же сохраню ему живѣйшую благодарность за всѣ удовольствія, во время моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Три мѣсяца, мною тамъ проведенные, будутъ всегда пріятнымъ для меня воспоминаніемъ.

---

*) Мара, названіе оврага, около котораго расположена усадьба Баратынскихъ въ селѣ Вяжлѣ.

Я уѣхалъ черезъ день послѣ его отъѣзда, съ графиней. Нѣтъ ничего веселѣе маленькаго путешествія, подобнаго нашему. Съ нами была эта миссъ, о которой я вамъ говорилъ и одинъ изъ адъютантовъ, очень умный молодой человѣкъ. Наши обѣды и ужины были какъ нельзя пріятнѣе. Мы разстались наилучшими друзьями, и это путешествіе чрезвычайно пріохотило меня (по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время) къ приключеніямъ странствователей. Каково ваше здоровье, добрая маменька? Давно я не писалъ къ вамъ, но путешествіе всегда сопряжено съ остановками въ перепискѣ. Я долго еще не получу извѣстій изъ Мары.

Прощайте, милая маменька, дай Богъ вамъ добраго здоровья и да успокоитъ Господь вашу душу. Это моя вседневная молитва, и я столько же по привычкѣ, сколько изъ глубины сердца повторяю ее въ моихъ письмахъ.

3.

Vous avez été sans doute étonnée de recevoir le bonnet invisible cacheté comme une lettre.—Je lui avais préparé une meilleure enveloppe; mais on ne reçoit point de paquets lourds ici.—Nous n'avons de posts que pour les lettres et c'est à titre de lettre aussi qu'on a reçu le talisman de ma soeur. Je viens de faire mes dévotions aussi dévotement que je l'ai pu, et voilà Pâques qui arrive.—Je vous félicite de tout mon coeur.—Les fêtes seront magnifiques chez vous, le printemps est déja fort avancé et je m'imagine le beau ciel et le beau soleil que vous devez avoir. Nous ne sommes pas aussi bien partagés, les belles journées ne nous viennent pas encore et les vents qui soufflent du côté de la mer rendent l'air froid es humide.—Cela me désespère, car j'aime le printemps et suis à guetter son arrivée.—Je passe mon temps d'une manière assez uniforme; mais je suis loin de m'ennuyer: je suis vos conseils, je marche beaucoup.—Je m'amuse à gravir nos rochers que commencent à devenir aussi beaux qu'ils le peuvent—la mousse verte qui les couvre, est d'un très bel effet, lorsque le soleil donne dessus. Pardon si je ne vous parle que du temps qu'il fait; mais je vous avouerai que c'est ce qui m'occupe le plus ici: étant presque seul avec la nature, c'est elle qui est ma véritable compagne et je vous en parle à Rotschensalm comme je vous aurais parlé de Delvig à Pétersbourg. Je continue à lire l'allemand. Dieu sait si je fais des progrés, du moins j'ennuie tous les officiers qui possèdent cette langue, par mes questions et par ma fureur de la parler.

Ces Messieurs sont de drôles de gens: tout allemands qu'ils sont, ils ne savent que parler leur langue, mais ils ne sont pas en état de la lire et je suis obligé de laisser là les endroits que je n'ai pu comprendre à force de dictionnaire; rarement ils peuvent m'aider.—C'est ainsi que les jours s'en vont et ce qui me fait plaisir, c'est que plus ils s'en vont, plus je suis prés de mon but,—du jour où je pourrai ajouter au plaisir d'avoir vu la Finlande, le plaisir de la quitter pour longtemps.—Adieu, ma chère maman, je vous suppose très occupée maintenant de vos arbres el de votre potager, et je me l'imagine, avec satisfaction, car c'est une jouissance pour vous.

Вы вѣроятно удивились, получивъ чепчикъ, запечатанный невидимкой, въ видѣ письма. Я было приготовилъ для него болѣе приличную обертку, но здѣсь не принимаютъ посылокъ. У насъ здѣсь почта только для болѣе легкой корреспонденціи, и только, въ смыслѣ письма, былъ принятъ талисманъ сестры. Я говѣлъ, столь усердно, сколько могъ; только что кончилъ, и вотъ наступаетъ Пасха. Поздравляю васъ отъ всего сердца. У васъ праздники будутъ великолѣпны,—весна уже быстро подходитъ, и я воображаю чудное ваше небо и чудное ваше солнце.—Не такова наша участь—ясные дни у насъ еще не наступили, и вѣтеръ съ моря дѣлаетъ воздухъ сырымъ и холоднымъ. Это меня приводитъ въ отчаяніе,—я люблю весну и съ нетерпѣньемъ поджидаю ее. Я провожу время довольно однообразно; но далеко не скучаю,—слѣдую вашимъ совѣтамъ, много хожу пѣшкомъ. Величайшее для меня удовольствіе взлѣзатьна наши скалы, которыя начинаютъ быть такъ хороши, какъ только могутъ,—зеленый мохъ, ихъ покрывающій, весьма украшаетъ ихъ при свѣтѣ солнечномъ. Извините, что я только говорю вамъ о погодѣ; но признаюсь, что здѣсь это всего болѣе занимаетъ меня,—будучи почти наединѣ съ природой: она, моя истинная подруга, и я говорю о ней въ Реченсальмѣ, какъ бы говорилъ вамъ о Дельвигѣ въ Петербургѣ. Я продолжаю читать по-нѣмецки. Богъ вѣсть, дѣлаю-ли я успѣхи, по крайней мѣрѣ я надоѣдаю всѣмъ офицерамъ, говорящимъ по нѣмецки, моими вопросами и моею страстью говорить на нѣмецкомъ языкѣ.

Эти господа престранные люди: хотя они природные нѣмцы, они только что умѣютъ говорить на своемъ родномъ языкѣ, но не владѣютъ книжнымъ языкомъ, и я принужденъ отказываться отъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ не могъ понять съ помощью лексикона: они рѣдко бываютъ въ состояніи помочь мнѣ. Такъ проходятъ дни, и что меня радуетъ, это то, что чѣмъ болѣе ихъ уходитъ, тѣмъ я ближе къ цѣли, т. е. къ тому дню, когда, послѣ того какъ я имѣлъ удовольствіе увидѣть Финляндію, мнѣ можно будетъ его дополнить удовольствіемъ покинуть ее надолго. Прощайте, милая маменька; я полагаю, что вы очень заняты теперь вашими деревьями и вашимъ огородомъ и съ какимъ удовольствіемъ, я воображаю: для васъ это истинное наслажденіе.

Письмо къ Кюхельбекеру.

(1824 или 1825 г.).

Милый Вильгельмъ! Письмо это тебѣ доставитъ Николай Васильевичъ Путята, человѣкъ уважающій твои дарованія, твой нравъ и твое сердце и потому желающій съ тобою сблизиться. Мы вмѣстѣ жили въ Гельсингфорсѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ; ежели подробности, до меня касающіяся, покажутся тебѣ занимательными, можешь его распросить; онъ тебѣ разскажетъ все, что невозможно умѣстить въ письмѣ.

Давно, и слишкомъ давно, я къ тебѣ не писалъ; но ты самъ виноватъ, не доставя мнѣ своего адреса.Ославъ мнѣ 1-ю часть «Мнемозины», ты не удостоилъ меня ни двумя строчками твоего рукописанія; несмотря на то, я желалъ поблагодарить тебя за пріятный для меня подарокъ, но не могъ, ибо не

зналъ мѣста твоего жительства, и рѣшился для возобновленія нашей переписки дожидаться того времени, когда ты до такой бы степени прославился своимъ журналомъ, чтобы можно было надписывать письма къ тебѣ, какъ нѣкогда надписывали ихъ къ математику Эйлеру: Г-ну К ю х е л ь б е к е р у въ Е в р о п ѣ. Не сердись за эту шутку, старый товарищъ, а прими мой сердечный привѣтъ отъ добраго сердца.

Я читалъ съ истиннымъ удовольствіемъ въ 3-й части «Мнемозины» разговоръ твой съ Булгаринымъ. Вотъ какъ должно писать комическія статьи! Статья твоя исполнена умѣренности, учтивости и, во многихъ мѣстахъ, истиннаго краснорѣчія. Мнѣнія твои мнѣ кажутся неоспоримо справедливыми. Тебѣ отвѣчали глупо и лицемѣрно.

Не оставляй твоего изданія и продолжай говорить правду. Я увѣренъ, что оно болѣе и болѣе будетъ расходиться; но я совѣтовалъ бы тебѣ сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, ежемѣсячнымъ. Ты знаешь, что журнальная литература получаетъ всю свою занимательность отъ занимательности вседневныхъ обстоятельствъ, о которыхъ она судитъ и рядитъ; пропущено время — потеряно дѣйствіе.

Посылаю тебѣ кое-что для твоего журнала; послалъ бы болѣе, ежели-бъ имѣлъ, но, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Прощай, милый Вильгельмъ; отвѣчай мнѣ, сдѣлай милость; напиши, какъ живешь и что съ тобою. Наше старое знакомство даетъ мнѣ право требовать отъ тебя нѣкоторой довѣренности; я тотъ же сердцемъ, надѣюсь, что и ты не перемѣнился. Преданный тебѣ Б а р а т ы н с к і й.

Изъ переписки съ барономъ Дельвигомъ *)

1.

8-го января 1826 г. С.-Петербургъ.

Откликнись, милый другъ, перестань писать мнѣ, что тебѣ нѣкогда писать къ Дельвигу и разговорись попрежнему. Ужели ты нашелъ другого повѣреннаго въ поэзіи и любви, или ужъ не тонешь-ли въ пропасти пустоты Московской? Письма ко мнѣ могутъ послужить тебѣ доскою, за которую хватаются утопающіе Надѣюсь, что воспоминаніе о товарищѣ разнообразной и живой жизни можетъ иногда пробуждать Евгенія къ дѣятельности сердечной Никогда подобнаго не случалось. Ежели ты боленъ, хоть-бы милому М. сказалъ, чтобы онъ что нибудь написалъ объ тебѣ. Кстати, напиши мнѣ какъ зовутъ М. . . . ва? Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, что я при всей лѣности горю желаніемъ благодарить его письменно и при томъ

*) Собственная переписка Баратынскаго съ Дельвигомъ не сохранилась. Баратынскій и Пушкинъ, послѣ кончины Дельвига, выпросили свою переписку *съ нимъ и сожгли ее*, не желая, чтобы она сдѣлалась достояніемъ публики.

мнѣ нужно будетъ возвратить ему нѣсколько стиховъ, не вошедшихъ въ составъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, съ изъясненіемъ причинъ.— Кланяйся ему покамѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли надежда съ тобою скоро увидѣться? Есть-ли и когда? Что ты хочешь съ собою дѣлать и что дѣлаешь? Что твои? Все это всегда занимало и всегда будетъ занимать меня. Что стихи твои, льются-ли все какъ ручьи любви или сдѣлались просто ручьями чернильными, какъ, съ позволенія сказать, у большей части стихомарателей? Сохрани тебя Богъ и помилуй! не заразись!

Ежели Плетневъ не доставилъ тебѣ мелкихъ стихотвореній Пушкина, то на дняхъ доставитъ. Напиши мнѣ о Московскомъ Парнассѣ. Нашъ погибаетъ... И дѣло-ли мирныхъ Музъ вооружаться пламенниками народнаго возмущенія? Бунтовали-бы на трагическихъ подмосткахъ для удовольствія мирныхъ гражданъ, проливали бы рѣкъ чернилъ въ журнальныхъ битвахъ и спокойно-бы вѣрили законодателямъ классической или романтической школы и исключительно великому Распорядителю всего. Прости, душа моя, обнимаю, цѣлую тебя милліонъ разъ, благословляю тебя во имя Феба и святыхъ Ореста и Пилада; цвѣти, мой прекрасный цвѣтъ, пѣвцовъ очарованье.

2.

Того же года изъ Петербурга.

Милый другъ Евгеній! слава Богу, послѣднее письмо твое и М....ва успокоили меня: письма мои стали доходить до тебя. Пишу тебѣ о дѣлѣ; слушай! Настоящій издатель твоихъ сочиненій тотъ же кто и Пушкина: Плетневъ. Лучше корректора трудно найти. Во всей Эдѣ значительная ошибка: «когда смятешь ты вьюга». Четыре стиха, которые тебѣ кажутся очень нужными для смысла, выкинула цензура. Мы совѣтовались съ Жуковскимъ и прочими братьями, и намъ до сихъ поръ кажется, что безъ нихъ смыслъ не теряется; напротивъ, видно намѣреніе автова дать читателю самому вообразить соблазнительную сцену всей поэмы. Монахъ и Смерть Андре Шенье перебѣсили нашу цензуру: она совсѣмъ готовую книжку остановила и принудила насъ перепечатать по ея волѣ листокъ Пировъ. Напрасно мы хотѣли поставить точки или сказать:

«Оно и блещетъ и кипитъ,
«Какъ дерзкій умъ не терпитъ плѣна.

Нѣтъ. На всѣ наши просьбы суровый отказъ былъ отвѣтомъ. Взгляни на свой экземпляръ, потряси его,—листокъ этотъ выпадетъ. Пришли поскорѣй свои тетради: нужно очень спѣшить изда-

ніемъ. Черезъ недѣлю получишь Цвѣты Д....въ задержалъ ихъ до сихъ поръ, переписывался съ Одессой и лѣнился. За то высидѣлъ большую и прекрасную статью. Прощай, мой другъ! обнимаю тебя; чѣтъ мѣста болѣе писать.

3.

Изъ Харькова.

Брату Евгенію здравія и спасенія и поэтическаго вдохновенія желаетъ пустынный братъ Антонъ.—1-е) Поздравляю тебя и милую жену твою съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова. 2-е) Увѣдомляю тебя, что въ городѣ Харьковѣ грязь классическая съ наблюденіемъ трехъ единствъ, изъ коихъ самое нестерпимое называется скукой. 3-е) Пишешь ты ко мнѣ рѣдко и ничего не говоришь о портретѣ твоемъ: готовъ-ли онъ? Если готовъ, то похожъ-ли? Если похожъ, то держи его до моего пріѣзда. 4-е) Я начинаю говѣть и прошу у васъ прощенья. 5-е) Письмо мое съ виду покажется постороннему человѣку очень порядочнымъ, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманутъ. 6-е) Какъ началъ такъ и кончу, соблюдая принятую мною форму. 7-е) Кланяйся отъ меня Николаю Алексѣевичу Полевому и брату его. 8-е) Пишу сіе въ губернскомъ городѣ Харьковѣ. 9-е) Желаю и прошу Бога помочь мнѣ вырваться отсюда и поскорѣй обнять васъ, милые друзья мои. 10-е) Обнимаю и цѣлую тебя.

Твой Дельвигъ.

4.

1828.

Душа моя! я получилъ письмо твое какъ не знаю что-то радостное, драгоцѣнное. Теперь только понимаю, какую цѣну имѣли для тебя мои письма въ Финляндіи. Понимаю и каюсь, что рѣдко писалъ къ тебѣ. Не наказывай меня тѣмъ же. Заплати за зло добромъ и будешь мною поставленъ выше всѣхъ угодниковъ Божіихъ. Вообрази, я на чужой сторонѣ, занятъ повѣркою счетовъ и допросами по цѣлымъ днямъ и когда кончу не знаю. Пиши ко мнѣ всякую недѣлю и молись о свиданьи. Благодаря Бога, читаю изрѣдка журналы ваши и любуюсь издалека на игру страстишекъ журнальныхъ. Какъ это ты, живучи въ Москвѣ, не пріучилъ къ повиновенію..... и имъ подобныхъ. Докажи имъ, что статья *о литературѣ 1827*-го года совершенно школьническая и какая!

Даже Б..... правъ, говоря о ней. Не напоминаю уже, что, писавши по-русски, надо знать по-русски; не худо сказать имъ, что съ должнымъ почтеніемъ, не оцѣнивъ отжившихъ и современныхъ писателей, нельзя кидать взора на будущее, или онъ будетъ не дальновиденъ. Скажи Ш., что мы въ немъ видимъ талантъ въ переводахъ съ Шиллера, въ свободѣ писать хорошіе стихи, но ничуть не въ вымыслахъ вдохновенныхъ. Изысканность въ подобіяхъ, можетъ быть, будетъ еще смѣшнѣе плаксивости Карамзинской и разувѣренія вѣка Жуковскаго. Скажи ему, что онъ смѣшонъ, укоряя меня въ невѣжествѣ: онъ еще азбукѣ не учился, когда я зналъ, что романъ, повѣсть, Геснерова идиллія, несмотря на форму, суть произведенія поэзіи.

Порядка въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ не перемѣню по тому же, почему никто изъ славныхъ поэтовъ не перемѣшивалъ вмѣстѣ своихъ повѣстей, стихами и прозою писанныхъ, почему большая часть нѣмецкихъ издателей альманаховъ не смѣшиваетъ прозы со стихами и такъ далѣе. Сужденіе же его о твоей Послѣдней Смерти воняетъ глупою посредственностью. Аминь. Обмываю виндзорскимъ мыломъ руки и чистый подхожу къ ручкѣ милой Настасьи Львовны. Желаю вамъ здоровья, дѣтей, стиховъ и той же дружбы ко мнѣ.

5.

Душа моя Евгеній! Пушкинъ вѣрно сказалъ тебѣ, что я не имѣлъ силъ писать къ тебѣ: такъ занемогъ и трудно поправляюсь. Жду погоды и не дождусь. Сѣверные Цвѣты прошлаго года доставь Василью Львовичу. Подснѣжникъ выйдетъ на дняхъ. Я напечаталъ твои стихи къ К. З....ѣ. Она согласна была, а ты дай кому обѣщалъ ихъ другую пьесу. Я печатаю мои стихи, къ Пасхѣ выйдутъ; въ нихъ ты прочтешь новую мою идиллію. — «Борскому» подъ-стать вышелъ Выжигинъ. Пошлая и скучная книга, которая лѣтъ черезъ пять присоединится къ разряду твореній Ельника. П.....скому говорить нечего..... Онъ при легкости писать гладкіе стихи..... принесъ мнѣ Борскаго процензированнаго и просилъ совѣтовъ. Я посовѣтывалъ напечатать: другого ничего не оставалось дѣлать..... Развѣ лѣта его обработаютъ. Дай Богъ! Поцѣлуй за меня П..... и Р.... въ лобъ и попроси ихъ продолжать, какъ начали, свои похвалы твореніямъ ничтожнымъ. Прощай, душа моя! трудно писать, цѣлую тебя и Пушкина. Буду не осенью, а весною къ вамъ. Книги, при семъ приложенныя, доставь К. Вяземскому. Поцѣлуй ручки у Настасьи Львовны.

6.

1829 г. изъ Петербурга.

Милый другъ! посылаю тебѣ шинель непромокаемую для твоего тестя и желаю, чтобы письмо мое нашло тебя спокойнѣе, чтобы дѣти твои были здоровы. Ужели ты не знаешь, что болѣзнь очень частый гость у малютокъ? Надобно только заботиться о нихъ, но не упадать душою. Выростутъ — объ насъ будутъ заботиться. За то какъ мы подгуляемъ, выдавая твоихъ дочекъ замужъ!—Я чувствую нынѣшній годъ себя лучше. Еслибы не безсонница, то уже давно бы прыгалъ. Ты пишешь — буду-ли я издавать Сѣверные Цвѣты? Буду и прошу не оставлять ихъ. Твой же запасъ желалъ-бы прочесть поскорѣе. Ужели ты думаешь, что твои стихи мнѣ только надобны для Альманаха? Мнѣ нужно для души почитать ихъ: она бѣдная голодна и сидитъ на журнальныхъ сухарикахъ. Сжалься! Я тоже пишу кое-что и надѣюсь прислать къ тебѣ, что сдѣлаю, да мнѣ писать трудно..... — Цѣлую ручки у милой жены твоей и цѣлую твоихъ дѣточекъ. Жена моя вамъ кланяется. Она вѣроятно-бы приписала сама, но я пишу не изъ дома, а въ квартирѣ Сомова, который тебѣ кланяется. Плетневъ также. Обнимаю тебя, душа моя! надѣюсь до сентября-то увидѣть тебя. Господь съ тобою; будьте здоровы и веселы

Три письма Е. А. Баратынскаго къ А. С. Пушкину.

1.

1826.

Посылаю тебѣ Уранію, милый Пушкинъ! не велико сокровище; но блаженъ, кто и малымъ доволенъ. Намъ очень нужна философія. Однакожъ, позволь тебѣ указать на піесу подъ заглавіемъ: Я есмь.— Сочинитель мальчикъ лѣтъ восемнадцати и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ не всегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ. Надо тебѣ сказать, что московская молодежъ помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю хорошо-ли это или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю новѣйшихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ піитику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея мнѣ кажется можно опровергнуть философически. — Впрочемъ какое о томъ дѣло — особливо тебѣ. — Твори *прекрасное*, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову. — Какъ ты

отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ! — Тутъ и мнѣ достается — да и по дѣломъ; я прежде тебя спохватился и въ одной ненапечатанной пьесѣ говорю, что стало очень приторно:

«Вытье жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ».—

Мнѣ пишутъ, что ты затѣваешь новую поэму «Ермака». Предметъ истинно поэтическій, достойный тебя. Говорятъ, что когда это извѣстіе дошло до Парнасса, и Камонэсъ вытаращилъ глаза.— Благослови тебя Богъ и укрѣпи мышцы твои на великій подвигъ!

Я часто вижу Вяземскаго. На дняхъ, мы вмѣстѣ читали твои мелкія стихотворенія. Думали пробѣжать нѣсколько пьесъ и прочли всю книгу. Что ты думаешь дѣлать съ Годуновымъ? — Напечатаешь-ли его или попробуешь его прежде на театрѣ? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкинъ, не забывай меня!

2.

Того же года.

Благодарю тебя за письмо, милый Пушкинъ! оно меня очень обрадовало, ибо я дорожу твоимъ воспоминаніемъ. Вниманіе твое къ моимъ рифмованнымъ бездѣлкамъ заставило бы меня много думать объ ихъ достоинствѣ, ежели бы я не зналъ, что ты столько-же любезенъ въ твоихъ письмахъ, сколько высокъ и трогателенъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ.

Не думай, чтобы я до такой степени былъ маркизомъ, чтобы не чувствовать красотъ романтической трагедіи. Я люблю героевъ Шекспировыхъ, почти всегда естественныхъ, всегда занимательныхъ, въ настоящей одеждѣ ихъ времени и съ сильно означенными лицами. Я предпочитаю ихъ героямъ Расина, но отдаю справедливость великому таланту французскаго трагика. Скажу болѣе: я почти увѣренъ, что французы не могутъ имѣть истинно романтической трагедіи. Не правила Аристотеля налагаютъ на нихъ оковы: легко отъ нихъ освободиться;—но они лишены важнѣйшаго способа къ успѣху: изящнаго языка простонароднаго. Я уважаю французскихъ классиковъ: они знали свой языкъ, занимались тѣми родами поэзіи, которые ему свойственны и произвели много прекраснаго. Мнѣ жалки ихъ новѣйшіе романтики: мнѣ кажется, что они садятся въ чужіе сани.

Жажду имѣть понятіе о твоемъ Годуновѣ. Чудесный нашъ языкъ ко всему способенъ: я это чувствую, хотя не могу привести въ исполненіе. Онъ созданъ для Пушкина, а Пушкинъ для него. Я увѣренъ, что трагедія твоя исполнена красотъ необыкновенныхъ. Иди, довершай начатое, ты, въ комъ поселился Геній! — Возведи русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Совершіи

одинъ, что онъ совершилъ одинъ; а наше дѣло признательность и удивленіе.

Вяземскаго нѣтъ въ Москвѣ, но я на дняхъ ѣду въ Остафьево и исполню твое порученіе. «Духовъ Кюхельбекера» читалъ. Не дурно—да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзія бѣдна и косноязычна. Эду для тебя не переписываю, потому что она на дняхъ выйдетъ ихъ печати. Дельвигъ, который въ Петербургѣ смотритъ за изданіемъ, тотчасъ доставитъ тебѣ экземпляръ и пожалуй два, ежели ты не полѣнишься сдѣлать для меня, что сдѣлалъ для Рылѣева. Посѣтить тебя живѣйшее мое желаніе, но Богъ вѣсть, когда это мнѣ удастся. Случая-же вѣрно не пропущу. Покамѣсть будемъ мѣняться письмами. Пиши, милый Пушкинъ!—а я въ долгу не останусь, хотя пишу къ тебѣ съ тѣмъ затрудненіемъ, съ которымъ обыкновенно пишутъ къ старшимъ.

Прощай, обнимаю тебя! На что ты Левушку называешь Львомъ Сергѣевичемъ?—онъ тебя искренно любитъ и ежели по вѣтренности какъ нибудь провинился передъ тобою—твое дѣло быть снисходительнымъ.—Я знаю, что ты давно на него сердишься; но долго сердиться нехорошо. Я вмѣшиваюсь въ чужое дѣло... но ты простишь это моей привязанности къ твоему брату.

Преданный тебѣ.

Адресъ мой: въ Москвѣ, у Харитона въ Огородникахъ, домъ Мясоѣдовой.

3.

1828.

Давно-бы я писалъ къ тебѣ, милый Пушкинъ, ежели-бы зналъ твой адресъ и ежели-бы не поздно пришла мнѣ самая простая мысль написать: Пушкину въ Петербургъ. Я бы это навѣрно сдѣлалъ, ежели-бъ отъѣзжающій Вяземскій не доставилъ мнѣ случай писать къ тебѣ—при сей вѣрной оказіи. Въ моемъ Тамбовскомъ уединеніи я очень о тебѣ безпокоился. У насъ разнесся слухъ, что тебя увезли, а какъ ты человѣкъ довольно увозимый, то я этому повѣрилъ. Спустя нѣкоторое время я съ радостью услышалъ, что ты увозилъ, а не тебя увозили. Я теперь въ Москвѣ сиротствующій. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, очень чувствительно твое отсутствіе. Дельвигъ погостилъ у меня короткое время. Онъ много говорилъ мнѣ о тебѣ: между прочимъ передалъ мнѣ одну твою фразу, и ею меня нѣсколько опечалилъ.—Ты сказалъ ему: «Мы нынѣче не переписываемся съ Баратынскимъ, а то бы я увѣдомилъ его»—и проч.—Неужели, Пушкинъ, короче прежняго познакомясь въ Москвѣ, мы стали съ тѣхъ поръ болѣе чуждыми другъ другу?—Я, по крайней мѣрѣ, люблю въ тебѣ по-старому и человѣку, и поэта.

Вышли у насъ еще двѣ пѣсни Онѣгина; но большее число его не понимаютъ. Ищутъ романтической завязки, ищутъ обыкновеннаго и, разумѣется, не находятъ. Высокая простота созданія кажется имъ бѣдностію вымысла: они не замѣчаютъ, что старая и новая Россія, жизнь во всѣхъ ея измѣненіямъ, проходитъ передъ ихъ глазами, mais que le diable les emporte et que Dieu les bénisse! Я думаю, что у насъ въ Россіи поэтъ только въ первыхъ незрѣлыхъ своихъ опытахъ можетъ надѣяться на большой успѣхъ: за него всѣ молодые люди, находящіе въ немъ почти свои чувства, почти свои мысли, облеченныя въ блистательныя краски. Поэтъ развивается, пишетъ съ большею обдуманностью, съ большимъ глубокомыслiемъ: онъ скученъ офицерамъ, а бригадиры съ нимъ не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счетъ этихъ размышленій: они общія. Портретъ твой въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ. Дельвигъ далъ мнѣ особый оттискъ. Онъ виситъ теперь у меня въ кабинетѣ, въ благопристойномъ окладѣ. Василій Львовичъ пишетъ романтическую поэму. Спроси о ней у Вяземскаго. Это совершенно балладическое произведеніе. Василій Львовичъ представляется мнѣ Парнасскимъ Громобоемъ, отдавшимъ душу свою романтическому бѣсу. Нельзя-ли пародировать балладу Жуковскаго? Между тѣмъ прощай, милый Пушкинъ! Пожалуйста не поминай меня лихомъ.

Письма къ Н. Л. Баратынской.

1839.

Изъ Петербурга въ Москву.

1.

..... Продолжаю мой Петербургскій журналъ .... Въ субботу по-утру ѣздилъ съ визитами. Былъ у Плетнева, у Жуковскаго, Вяземскаго; никого не засталъ. Мой добрый, мой милый Плетневъ часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился: ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать вдвоемъ. Не правда-ли, что этотъ зовъ цѣлая характеристика. Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ.—«Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе; все есть, что я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ» Звалъ меня на житье въ Петербургъ. Вяземскій въ отвѣтъ на мою карточку, написалъ мнѣ нѣсколько милыхъ словъ, предлагая ко мнѣ пріѣхать. Было уже поздно, и мы согласились съѣхаться у Одоевскихъ..... также познакомился тамъ съ Мятлевымъ, котораго ты знаешь нѣсколько шутовскихъ стиховъ «Тараканъ какъ въ стаканъ». Я думалъ найти молодаго повѣсу. Чтожъ? это человѣкъ важный,

лѣтъ сорока пяти. Жуковскій сталъ меня разспрашивать о своихъ. Познакомился съ Лермонтовымъ, который прочелъ новую прекрасную пьесу; человѣкъ безъ сомнѣнія съ большомъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что-то нерадушное. Мятлевъ читалъ свое путешествіе Курдюковой по чужимъ краямъ, въ стихахъ, въ перемежку русскаго съ французскимъ. Много веселости; онъ мастерски читаетъ. Потомъ тѣшилъ всѣхъ разнаго рода анекдотами, но меня менѣе другихъ, потому что напоминалъ мнѣ брата Льва, который рѣшительно его превосходитъ. Мятлевъ заключилъ вечеръ.

2.

...S. Карамзина чрезвычайно мила: мы съ нею тотчасъ вошли въ нѣкоторую короткость; говорятъ, что и я былъ очень любезенъ. У Карамзиныхъ въ полномъ смыслѣ salon. Въ продолженіе двухъ часовъ, которые я тамъ провелъ, явилось и исчезло человѣкъ двадцать. Тутъ былъ Вяземскій, пріѣхалъ Блудовъ. Вяземскій напомнилъ ему о старомъ его знакомствѣ со мною. Онъ очень мило притворился, что не забылъ, говоря, что мы вмѣстѣ слушали въ первый разъ Бориса Годунова. Это неправда, но разумѣется я ему не противорѣчилъ. Споръ, завязавшійся у Одоевскихъ, продолжался у Карамзиныхъ и былъ главный предметъ разговора. На другой день (вчера) я былъ у Жуковскаго, провелъ у него часа три, разбирая ненапечатанныя новыя стихотворенія Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новыхъ и духомъ и формой. Всѣ послѣднія пьесы его отличаются силою и глубиною. Что мы сдѣлали, Россіяне, и кого погребли! слова Феофана на погребеніе Петра Великаго. У меня нѣсколько разъ навертывались слезы художническаго энтузіазма и горькаго сожалѣнія.

Въ тотъ же день поѣхали во французскій театръ, въ ложу К. Абамелекъ. Давали L. Lecrice, играла M-me Allan; хороша, но не чрезвычайно. Говорятъ, она была не въ духѣ, и за кулисами ее кто-то обидѣлъ. Поздній вечеръ провелъ со своими. Вотъ тебѣ не письмо, а журналъ. Меня уже тянетъ домой, хотя провожу время очень пріятно.

3.

....Съ княземъ и княгиней хорошо познакомился. Съ обоими я въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ театрѣ были вмѣстѣ, гдѣ она меня познакомила съ графинею Лаваль. О Тальони не стану говорить. Все выше всякаго чаянія. Смѣсь страсти и граціи, которыхъ нельзя описать. Надобно видѣть неожиданность, прелесть, правду позъ. Духъ захватываетъ. У Карамзиныхъ видѣлъ почти все Петербургское общество. Встрѣтилъ вдову Александра Пушкина. *Вяземскій* меня къ ней подвелъ, и мы возобновили знакомство. Все

также прелестна и много выиграла отъ привычки къ свѣту. Общій тонъ общества истинно удовлетворяетъ идеалу, который составляешь себѣ о самомъ изящномъ въ молодости по книгамъ. Полная непринужденность и учтивость, обратившіяся въ нравственное чувство. Въ Москвѣ объ этомъ и понятія не имѣютъ. Съ S. Карамзиной въ полной дружбѣ. Вчера Жуковскій раздразнилъ ее до слезъ. Эта маленькая сцена была очень мила и забавна. Въ ней истинное оживленіе и непритворное баловство, граціозно умѣренное нѣкоторымъ уваженіемъ приличій.

4.

Въ субботу былъ въ Академіи Художествъ и видѣлъ Послѣдній день Помпеи Брюлова. Все прежнее искусство блѣднѣетъ передъ этимъ произведеніемъ; но одно искусство, а не сущность живописи. Колоритъ, перспектива, округлость тѣлъ, фигуры, выходящія какъ будто вонъ изъ полотна, все это выше всякаго описанія; но думаю, что изучающій Рафаэля, Микель-Анжела, Тиціана, найдетъ въ нихъ больше мысли, больше красоты. На лицахъ Брюлова однообразное выраженіе ужаса, и нѣтъ ни одной фигуры идеально-прекрасной. Видѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго, Крылова и нѣсколько начатыхъ картинъ. Самого его не видалъ: онъ боленъ. Обѣдалъ у Христофора Лазарева. Отъ Лазаревыхъ поѣхалъ во французскій театръ, въ ложу къ нашимъ; съ ними была и К. Одоевская. Давали le Gamin de Paris, пьеса, которая въ Москвѣ мнѣ вовсе не нравилась и которую здѣсь я нашелъ очень умной и милой. Вечеръ провелъ у Одоевскихъ. Въ воскресенье обѣдалъ у дяди вмѣстѣ съ братомъ Ираклiемъ. Въ четыре часа мы были уже свободны и я поѣхалъ къ брату, гдѣ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Петербургѣ, мнѣ удалось съ часикъ заснуть послѣ обѣда. Въ 8 часовъ былъ у одного чудака Ш.....а, съ которымъ познакомилъ меня Вяземскій и Дюме. Онъ богатый человѣкъ, незнающій никакого языка, кромѣ русскаго, умный и смѣтливый. Прикидывается простякомъ. Принимаетъ гостей своихъ (гостей высшаго круга) въ чекменѣ, любитъ попить и погулять; у него пѣли и плясали цыгане, и самъ онъ пѣлъ и плясалъ вмѣстѣ съ ними. En résumé было скучно. Вечеръ провелъ у Карамзиныхъ очень пріятно. Чувствую благорасположеніе всего здѣшняго общества, и ты знаешь, какъ это сильно дѣйствуетъ. Со всѣмъ тѣмъ устаю. Жизнь, которую я здѣсь веду, мнѣ не по силамъ.

5.

Вчерашнее утро провелъ я у Вяземскаго. Говорили о Пушкинѣ. Вяземскій входилъ въ подробности свѣтскихъ сношеній, принудившихъ Пушкина къ дуэли, Ничего не сказалъ новаго. Предложилъ

мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ его вдовѣ, говоря, что она очень признательна, когда старые друзья ея мужа ее посѣщаютъ. Я намѣренъ у нея быть. Она живетъ чрезвычайно уединенно. Бываетъ только у Карамзиныхъ и то очень изрѣдка. Разговорились не знаю какъ о здоровьѣ.—«Vous êtes un peu malade imaginaire»—сказалъ мнѣ Вяземскій; я засмѣялся и спросилъ почему онъ это знаетъ?—«Говорили это во время холеры, впрочемъ я самъ склоненъ къ этому». Тѣмъ и кончился разговоръ очень для меня любопытный. Я сказалъ ему однакожъ, что я вовсе не склоненъ преувеличивать воображеньемъ какую либо немощь; напротивъ, можетъ быть, слишкомъ незаботливъ и не люблю лѣчиться. Отъ Вяземскаго поѣхалъ къ Вельгорскому, къ Сологубу, наконецъ къ Вязмитиновой. Остальное утро провелъ у Ираклія, который совсѣмъ уже оправился. Обѣдалъ у своихъ, а вечеромъ былъ въ собраніи. Видѣлъ Наслѣдника, Великаго Князя Михаила Павловича, Лейхтенбергскаго, который не такъ хорошъ какъ на портретѣ, но все-таки очень хорошъ и кажется еще лучше, когда всмотришься, нежели съ перваго взгляда. Государя, къ сожалѣнію моему, не было. Я поѣхалъ въ собраніе въ особенности для того, чтобы видѣть Царскую фамилію. Встрѣтилъ Московскаго знакомаго Брусилова; онъ мнѣ обрадовался. Жалѣетъ о Москвѣ. Встрѣтилъ... онъ здѣсь играетъ важную роль, разумѣется, не по стихамъ, а по службѣ и старается это дать замѣтить благородною неторопливостью манеръ Скажи П...у, что, благодаря Бога, здѣсь еще меньше заботятся объ отечественной литературѣ нежели въ Москвѣ.

6.

Вчера я провелъ день вовсе безалаберно. Утромъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, никого не заставая дома, потомъ обѣдалъ у Дюме съ молодежью, въ числѣ коей былъ однакожъ Вяземскій. Пѣли цыгане. Всѣ мы порядочно подгуляли. Пили мое здоровье. Это меня тронуло. Впрочемъ обѣдъ былъ прекрасный, и заплатили мы дорого. Вяземскій за обѣдомъ сѣлъ возлѣ меня и былъ очень любезенъ. Я узналъ въ немъ прежняго Вяземскаго. Вообще онъ бодрѣе чѣмъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ. Корилъ новое поколѣнье въ неумѣньи пить и веселиться. Въ это время племянникъ его Карамзинъ, немного навеселѣ, бросилъ на полъ рюмку, которая не расшиблась. «Видите», сказалъ Вяземскій, «могъ уронить, а разбить силы не стало». Сегодня бенефисъ Тальони. Ираклій обѣщалъ достать мнѣ билетъ. Мнѣ начинаетъ быть скучно. Я не привыкъ къ этому безпрестанному мытарству, въ которомъ кружусь. Постоянная жизнь въ Петербургѣ была-бы пріятна, имѣя между двумя днями разсѣянія хотя одинъ день отдыха. Хочется домой, и я бы готовъ уѣхать хоть сегодня. Петербургъ пріятенъ отсутствіемъ непріятныхъ впечатлѣній. Но *въ немъ веселиться потому*, что это Петербургъ...—слишкомъ молодо.

Того же года.

Изъ Москвы.

1.

....Былъ на обѣдѣ у Гоголя. Нашелъ всю братію кромѣ Кирѣевскаго и Павлова. Съ Орловымъ сошелся опять очень дружески. Вообще не получилъ ни одного непріятнаго впечатлѣнія. Спѣшу отослать эти строки на почту.... а письмо все-таки не готово, и я оставляю его до завтра.

2.

То, что я накомерилъ В.....му, принесло наилучшіе плоды. Отъ Гоголя уѣхали мы вмѣстѣ. Я ему сказалъ: наша жизнь раздѣляется на двѣ половины: какъ быть съ людьми, которыхъ любишь, какъ быть съ людьми равнодушными? Можетъ быть, я это узнаю въ чужихъ краяхъ. J'ai eu bien du fil à retordre! Онъ одобрительно промычалъ. Разстались хорошо. Ч. у Гоголя сталъ тоже со мною экспликоваться и приглашалъ меня къ себѣ. «В.....», сказалъ онъ мнѣ, m'a fait un commérage amical; mais un commérage inamical a du le précéder — et (au milieu de toute la société) я ему отвѣчалъ: ce qu'il y a de mieux à faire, c'est de suivre le précepte de M-me Genlis, de s'en tenir aux relations réciproques et ne pas écouter les cancans. Я не думалъ быть остроумнымъ и говорилъ отъ души, но мнѣ послѣ сказали, что я былъ очень золъ. Видно, ничего нѣтъ злѣе правды.

Письма къ Н. В. Путятѣ (*).

1824—1844.

I.

Весною 1824-го года, Финляндскій генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій дѣлалъ инспекторскій смотръ нѣкоторымъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіи, и въ томъ числѣ Нейшлотскому пѣхотному полку, въ которомъ Е. А. Баратынскій служилъ въ это время унтеръ-офицеромъ. Смотръ происходилъ близъ г. Вильманстранда, на берегахъ пустыннаго озера. Я шелъ вдоль строя за генераломъ Закревскимъ (у коего былъ адъютантомъ), когда мнѣ указали Баратынскаго. Онъ стоялъ въ знаменныхъ рядахъ. Баратынскій родился съ вѣкомъ, слѣдовательно ему было тогда 24 года. Онъ былъ худощавъ, блѣденъ, и черты его выражали глубокое уныніе.

---

*) Письма эти были впервые напечатаны въ Русскомъ Архивѣ за 1867 г., а примѣчаніе къ нимъ сдѣланы его издателемъ П. И. Бартеневымъ.

Въ продолженіе смотра я съ нимъ познакомился и разговаривалъ о его Петербургскихъ пріятеляхъ. Послѣ онъ заходилъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома и оставилъ прилагаемую записку:

«25-го Мая 1824 года

Баратынскій былъ у васъ, желая засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и благодарить за участіе, которое вы такъ благородно принимаете въ немъ и въ судьбѣ его. Когда лучшая участь дастъ ему право на болѣе короткое знакомство съ вами, чувство признательности послужитъ ему предлогомъ рѣшительно напрашиваться на ваше доброе расположеніе; а покуда онъ остается вашимъ покорнѣйшимъ слугою».

II.

Нейшлотскій полкъ, по окончаніи смотра и ученій, возвратился въ укрѣпленіе Кюмень и окрестности, гдѣ имѣлъ постоянное квартированіе. Баратынскій жилъ тутъ вмѣстѣ со своимъ полковымъ командиромъ Лутковскимъ, который очень его любилъ. Полковникъ Лутковскій былъ отлично храбрый офицеръ, доброй и простой души человѣкъ; онъ убитъ или умеръ, не помню навѣрное, во время Польской войны.—Осенью 1824 года я увѣдомилъ Баратынскаго, что генералъ Закревскій позволяетъ ему пріѣхать въ Гельсингфорсъ и находиться при корпусномъ штабѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашалъ его остановиться у меня. Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на мое приглашеніе:

«Получилъ я письмо ваше и не умѣю иначе благодарить васъ за благосклонное ваше предложеніе, какъ принимая его съ живѣйшею благодарностью. Меня точно бы пугала ваша столица, ежели-бъ вы не подавали мнѣ надежды найти въ васъ наставника и защитника. Впрочемъ, что-бы меня ни ожидало въ Гельсингфорсѣ, случай, доставляющій мнѣ удовольствіе провести нѣсколько дней съ вами и утвердить столько-же для меня лестное, сколько пріятное знакомство, я почитаю очень счастливымъ случаемъ въ моей жизни».

III и IV.

Скоро потомъ Баратынскій къ намъ пріѣхалъ, прожилъ со мною въ Гельсингфорсѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы тѣсно подружились. Онъ написалъ въ это время Бурю, Черепъ (напечатанъ въ первый разъ подъ заглавіемъ Могила), Аврорѣ Ш. . . . . (Аврорѣ Карловнѣ Шернваль, бывшей за-мужемъ за П. Н. Демидовымъ и потомъ за А. Н. Карамзинымъ), и нѣкоторыя другія пьесы. Началъ тогда-же писать Эду.

Въ началѣ февраля 1825-го года, я уѣхалъ въ Петербургъ, а *оттуда въ Москву*, гдѣ и получилъ два слѣдующихъ письма отъ

Баратынскаго, возвратившагося въ это время въ Кюмень. Онъ послалъ со мною письмо къ В. К. Кюхельбекеру и нѣсколько стихотвореній для напечатанія.

Февраль 1825 г.

Въ шумной Москвѣ ты не забылъ Финляндскаго отшельника, милый Путята! Спасибо тебѣ; да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли! Жаль мнѣ, что ты не засталъ Кюхельбекера: онъ человѣкъ занимательный по многимъ отношеніямъ и рано или поздно въ родѣ Руссо очень будетъ замѣтенъ между нашими писателями. Онъ съ большими дарованіями, и характеръ его очень сходенъ съ характеромъ Женевскаго чудака: та же чувствительность и недовѣрчивость, то же безпокойное самолюбіе, влекущее къ неумѣреннымъ мнѣніямъ, дабы отличиться особеннымъ образомъ мыслей, и порою та же восторженная любовь къ правдѣ, къ добру, къ прекрасному, которой онъ все готовъ принести въ жертву; человѣкъ вмѣстѣ достойный уваженія и сожалѣнія, рожденный для любви къ славѣ (можетъ быть и для славы) и для несчастія. Спасибо тебѣ за попеченіе твое о моихъ стихотворныхъ дѣткахъ: ты всѣхъ ихъ пристроилъ пристойнымъ образомъ. Очень меня обяжешь, ежели исполнишь свое обѣщаніе и пришлешь *Горе отъ ума*. Не понимаю, за что Москвичи сердятся на Грибоѣдова и на его комедію: титулъ ея очень для нихъ утѣшителенъ и содержаніе отрадно. Что сказать тебѣ о моей Кюменьской жизни? Гельсингфорскія воспоминанія наполняютъ пустоту ея. Съ удовольствіемъ привожу себѣ на память нѣкоторые откровенные часы, проведенные съ тобою и съ Мухановымъ *). Вспоминаю и пр. Я заболтался, да не мудрено заболтаться. Прощай, мой милый! кружись въ вихрѣ большого свѣта Московскаго; но не забывай уединеннаго друга, которому твое воспоминанье очень дорого.

Получилъ второе письмо твое изъ Москвы, милый Путята! спасибо тебѣ; съ живымъ участіемъ прочелъ я его первыя строки. Ежели мое сравненіе удачно, то твое распространеніе трогательно **); но холодъ гробницы не совсѣмъ еще умертвилъ твою душу: она жива для дружбы и для всего добраго и прекраснаго. Заблужденія нераздѣльны съ человѣчествомъ, и иныя изъ нихъ дѣлаютъ больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятіе о нѣкоторыхъ истинахъ.

---

*) Александръ Алексѣевичъ Мухановъ служилъ въ это время адъютантомъ А. А. Закревскаго. Это былъ человѣкъ замѣчательныхъ дарованій. Онъ сконч. въ 1835 г. неожиданно, почти наканунѣ давно желаннаго брака, къ прискорбію друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ между прочимъ А. С. Хомяковъ, всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминавшій о немъ.

**) Это относится къ одному выпущенному мѣсту предыдущаго письма.

Намъ надобны и страсти и мечты:
Въ нихъ бытія условіе и пища.
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ, и тишину кладбища.

Зачѣмъ-же раскаяваться въ сильномъ чувствѣ, которое ежели сильно потрясло душу, то можетъ быть развило въ ней много способностей дотолѣ дремавшихъ? Не хочешь-ли видѣть предметы съ новой точки зрѣнія и вмѣсто нашей гробницы, не вспомнишь-ли ты Шекспировъ плугъ, раздирающій и плодотворящій землю?

Но не кончишь, когда дѣло пойдетъ на сравненія. Фея твоя возвратилась уже въ Гельсингфорсъ. Кн. Л. провожалъ ее. Въ Фридрихсгамѣ росписалась она въ почтовой книгѣ такимъ образомъ: Le prince Chou-cheri, héritier présomptif du royaume de la lune, avec une partie de sa cour et la moitié de son sérail *). Веселость природная или судорожная нигдѣ ея не оставляетъ.

Видѣлся я съ генераломъ **) при проѣздѣ его чрезъ Фридрихсгамъ. Кажется, мнѣ мало надежды на производство; но такъ и быть! Мухановъ оставилъ Гельсингфорсъ, и корпусная квартира потеряла для меня половину своей приманчивости. Ты одинъ теперь у меня тамъ остаешься.

Не заѣдешь-ли ты ко мнѣ въ Кюмень? Я живу въ домѣ полкового командира, имѣю особую комнату. То-то бы ты меня обрадовалъ!

Пишу новую поэму. Вотъ тебѣ отрывокъ описанія бала въ Москвѣ:

Блистаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Гудятъ смычки; толпа гостей,
Съ приличной важностію взоровъ;
Въ чепцахъ узорныхъ, распашныхъ,
Рядъ пестрый барынь пожилыхъ
Сидитъ. Причудницы отъ скуки
То поправляютъ свой нарядъ,
То на толпу, сложивши руки,
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
Кружатся дамы молодыя,
Пылаютъ нѣгой взоры ихъ;
Огнемъ каменьевъ дорогихъ
Блестятъ уборы головные.
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды легкія какъ дымъ
Ихъ легкій станъ обозначаютъ;
Вокругъ плѣнительныхъ Харитъ
И суетится и кипитъ

---

*) Въ Финляндіи путешественники сами записываютъ свои имена въ *заведенныхъ для того* книгахъ на станціяхъ.

**) *А. А. Закревскимъ.*

Толпа поклонниковъ ревнивыхъ;
Съ волненьемъ ловятъ каждый взглядъ.
Тутъ несчастливыхъ и счастливыхъ
Изъ нихъ волшебницы творятъ.
Въ движеньи все. Горя добиться
Вниманья лестнаго красы,
Кавалеристъ крутитъ усы,
Франтъ штатскій чопорно острится.

V.

29 Марта.

Я поклепалъ на тебя въ моемъ сердцѣ, милый Путята! думалъ, что ты проѣхалъ уже въ Гельсингфорсъ не повидавшись со мною. Письмо твое много меня порадовало. Пріѣзжай, пріѣзжай! обниму тебя съ нѣжнѣйшею дружбою.

По какому случаю ты ждешь письма отъ генерала? чтобъ возвратиться въ корпусную квартиру? Неужели и ты хочешь оставить Финляндію? На кого-же ты меня оставишь? сколько перемѣнъ произошло въ два мѣсяца!

Благодарю тебя за похвалы моему отрывку. Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельсингфорскія впечатлѣнія. Стиховъ 200 уже у меня написано. Пріѣзжай! посмотришь и посудишь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика.

Московская цензура либо невинна, какъ пятилѣтняя дѣвочка, либо весела какъ пьяная . . . . ; можно-ли позволить напечатать такую непристойную поэму, какъ Леда! *) Неужели Одоевскій вытиснилъ подъ ней мое имя? Сохрани Боже! Мнѣ нельзя будетъ показать глазъ читающимъ дамамъ. Пиши послѣ этого! Леда моя публично цѣлуется со своимъ Лебедемъ, а Бурѣ шумѣть не позволено **). Неисповѣдимы судьбы твои, цензура Русская!

На Руси много смѣшного, но я не расположенъ смѣяться. Во мнѣ веселость—усиліе гордаго ума, а не дитя сердцѣ. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служитъ пищею генію; но вотъ бѣда: я не геній. Для чего-же все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохатали-бы всѣ черти.

И этотъ смѣхъ служилъ-бы отвѣтомъ вольнодумцу; но не мнѣ и не тебѣ. Мы вѣримъ чему-то. Мы вѣримъ въ прекрасное и добродѣтель. Что-то развитое въ моемъ понятіи для лучшей оцѣнки

---

*) *Леда* была напечатана въ Мнемозинѣ, журналѣ, издававшемся княземъ Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ (1824, ч. 4-я, стр. 221) безъ имени; но не вошла въ собранія сочиненій Баратынскаго.

**) Стихотвореніе Буря не было ни тогда, ни послѣ вполнѣ дозволено къ печати (изд. 1835, I, 10).

хорошаго, что-то улучшенное во мнѣ самомъ — такія сокровища, которыя не купитъ ни богачъ за деньги, ни счастливецъ счастіемъ, ни самый геній худо направленный.

Прощай, милый Путята! обнимаю тебя отъ всей души.

VI.

Весной 1825 г. я возвратился въ Гельсингфорсъ и по пути посѣтилъ Баратынскаго въ Кюмени; привезъ ему приказъ о производствѣ его въ офицеры, что очень его обрадовало и оживило. Между тѣмъ Нейшлотскій полкъ долженъ былъ готовиться идти на лѣто въ Петербургъ, для содержанія тамъ карауловъ.

«Кюмень 15-го Мая 1825 г.

Спасибо, Путята, за пересланныя письма, а особенно за твое собственное. Ты въ немъ сказалъ почти все, что могло мнѣ быть занимательнымъ. Чѣмъ отплачу тебѣ? Одною живою благодарностью. Получилъ я письмецо отъ Муханова: онъ остается въ Петербургѣ до 20-го іюля; итакъ я надѣюсь съ нимъ увидѣться. Заочно ты будешь съ нами. Порадуемся и по горюемъ вмѣстѣ. Скажу тебѣ между прочимъ, что я уже щеголяю въ Нейшлотскомъ мундирѣ: это довольно пріятно; но вотъ что мнѣ не по нутру—хожу всякій день на ученье и чрезъ два дня въ караулъ. Не рожденъ я для службы царской. Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясетъ лихорадка. Нѣтъ худа безъ добра и нѣтъ добра безъ худа. Скажи, ежели можешь, N. . . . . , что я сердечно признателенъ за ея участіе. Она не покидаетъ моего воображенія. Напиши мнѣ, какую роль играетъ Мефистофелесъ. Я часто переношусь мысленно въ вашъ кругъ; но, можетъ быть, онъ уже не похожъ на кругъ мнѣ прежде знакомый. Мы скоро выступаемъ въ походъ; адресуй мнѣ свои письма на имя и проч. . . . Прощай, душа моя, обнимаю тебя отъ всего серца!»

VII.

Изъ Петербурга, гдѣ Баратынскій находился съ полкомъ.

Виноватъ! милый Путята, виноватъ, но не сердцемъ, истинно къ тебѣ привязаннымъ, а нравомъ безпечнымъ и лѣнивымъ! Давно не писалъ къ тебѣ, но не переставалъ о тебѣ думать, не переставалъ вспоминать о нашей Гельсингфорской жизни и о дружескомъ твоемъ появленіи въ Кюмени.

Ты можешь себѣ вообразить, какъ меня изумило и обрадовало неожиданное свиданіе съ N. N., съ К. А., которая вовсе было вышла изъ моей памяти. Я уже два раза ихъ видѣлъ. Въ сентябрѣ думаю побывать въ Гельсингфорсѣ, чтобы поблагодарить генерала за мое воскрешеніе и пожить съ тобою.

Многія подробности оставлю до первой почты.

Проводилъ я М. . . . . въ Москву: онъ поѣхалъ безпокойный и грустный и будетъ таковымъ повсюду. Какой несчастный даръ, воображеніе слишкомъ превышающее разсудокъ! Какой несчастный плодъ преждевременной опытности, сердце жадное счастія, но уже неспособное предаться одной постоянной страсти и теряющееся въ толпѣ безпредѣльныхъ желаній! Таково положеніе М. . . . . и мое и большей части молодыхъ людей нашего времени.

Черезъ нѣсколько дней мы возвращаемся въ Финляндію. Я этому почти радъ: мнѣ надоѣло постоянное разсѣяніе, мнѣ нужно войти въ себя, а вошедъ въ себя я навѣрно встрѣчусь съ тобою и чаще стану къ тебѣ писать. Ты, я думаю, видишь по слогу этого письма въ какомъ безпорядкѣ мои мысли. Прощай, милый Путята, до досуга, до здраваго смысла, и наконецъ до свиданья! Спѣшу къ ней. Ты будешь подозрѣвать, что я нѣсколько увлеченъ: нѣсколько — правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенья возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія чудесный талисманъ: очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужія вредныя чары. Прощай! обнимаю тебя.

По возвращеніи съ полкомъ изъ Петербурга въ Кюмень, Баратынскій посѣтилъ Гельсингфорсъ и оттуда поѣхалъ въ отпускъ въ Москву.

VIII.

Изъ Москвы.

Ежели съ пріѣзда въ Москву я къ тебѣ не писалъ, милый Путята, я виноватъ не душой, а бреннымъ моимъ тѣломъ, заболѣвшимъ черезъ недѣлю послѣ. Я теперь еще не выѣзжаю; однакожъ въ первые дни успѣлъ повидаться съ твоимъ батюшкой, съ Р. . . . . и съ М. . . . . Странно, что проживши почти два мѣсяца въ Москвѣ, я принужденъ писать къ тебѣ какъ будто изъ Кюмени, ибо не знаю ничего новаго, ничего не могъ замѣтить, почти ни съ кѣмъ не познакомился и сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ съ ветхимъ моимъ сердцемъ и съ ветхими его воспоминаніями. Я отдалъ письмо твое N. N. . . . . Что скажу тебѣ про него? Онъ живетъ домкомъ, много читаетъ, жалуется на хандру и оживляется одними Финляндскими воспоминаніями; однакожъ признается, что страсть къ А. . . . . очень поуспокоилась. Все проходитъ!

За неимѣніемъ занимательнѣйшаго предмета буду говорить о себѣ. Я нашелъ семью свою въ Москвѣ. Свиданіе было радостно и горестно. Я думаю просить перевода въ одинъ изъ полковъ, квартирующихъ въ Москвѣ. Не говори покуда объ этомъ генералу: къ нему напишутъ отсюда. Я слышалъ, что ты будешь скоро къ намъ въ бѣлокаменную. Пріѣзжай, милый Путята! поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все, что было живого въ моемъ

сердце. Ея живописныя, хотя угрюмыя горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мѣрѣ довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ, какъ теперь, покрытымъ снѣгомъ и представляющимъ одну вѣчно унылую картину. Прощай, мой милый! Я отослалъ письмо твое къ Озноби́шину: но за нездоровьемъ съ нимъ еще не видѣлся. Преданный тебѣ.

IX.

Въ Январѣ 1826 г.

Спасибо тебѣ, милый Путята, за твои письма. Одно изъ нихъ принесло двойную пользу: доставило мнѣ большое удовольствіе и успокоило твою матушку, которая нѣкоторое время не получала о тебѣ извѣстія и нѣсколько горевала.

Не мудрено, что отъ тебя ускользнуло описаніе Финляндіи. Оно писано не въ Гельсингфорсѣ, а въ Москвѣ. На дняхъ выдетъ моя Эда, и я тотчасъ пришлю къ тебѣ экземпляръ. Любезнаго Б...ва, нѣжнаго обожателя Ѳ. В. Б...на, благодарю за замѣчаніе, но прибавлю свое; въ поэзіи говорятъ не то что есть, а то что кажется. На краю горизонта скалы касаются неба, слѣдственно всходятъ до небесъ. Въ прозѣ я виноватъ, а въ стихахъ едва-ли не правъ. Между тѣмъ вотъ ему на потѣху маленькое посланьице къ пріятелю.

Въ своихъ листахъ душонкой ты кривишь,
Уродуешь и мнѣнья и сказанья;
Пріятельски дурачеству кадишь,
Завистливо поносишь дарованья;
Дурной твой нравъ дурной приноситъ плодъ:
Срамецъ, срамецъ! всѣ шепчутъ. Вотъ извѣстіе!
— Эхъ, не тужи! ужъ это мой расчетъ:
Подписчики мнѣ платятъ за безчестье.

Я скучаю въ Москвѣ. Мнѣ несносны новыя знакомства. Сердце мое требуетъ дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположенья рождаетъ во мнѣ тяжелое чувство.—Гляжу на окружающихъ меня людей съ холодною ироніею. Плачу за привѣтствія привѣтствіями и страдаю.

Часто думаю о друзьяхъ испытанныхъ, о прежнихъ товарищахъ моей жизни. Всѣ они далеко! И когда увидимся? Москва для меня новое изгнаніе. Для чего мы грустимъ въ чужбинѣ? Ничто ни говоритъ въ ней о прошедшей нашей жизни. Москва для меня не та же ли чужбина? Извини мнѣ мое малодушіе, но въ скучной Финляндіи, можетъ быть, ты съ нѣкоторымъ удовольствіемъ узна*ешь, что* въ Москвѣ скучаютъ добрые люди. Прощай, мой милый, *обнимаю тебя!*

X.

«Милый Путята! вотъ письмо къ А. А. Закревскому объ моей отставкѣ. Я прошу тебя, милый другъ, или просто отдать письмо мое А. А. или объяснить ему, почему я такъ поздно прошу его ходатайствовать объ увольненіи меня отъ службы. Окажи мнѣ это одолженіе, да еще одно. Я право не знаю, живъ-ли мой Лутковскій или нѣтъ? онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Извини, что я безпокою тебя моими препорученіями, но ты чувствуешь, что на тебѣ одномъ всѣ мои надежды.

Я довольно часто вижу NN. . . . . Кажется что любовь его къ А очень поуспокоилась. На дняхъ познакомился я съ Толстымъ, Американцемъ. Очень занимательный человѣкъ. Смотритъ добрякомъ и всякій, кто не слыхалъ про него, ошибется.

Стихи у меня что-то не пишутся и я почти ничѣмъ не занятъ. Когда рѣшится судьба моя, болѣе спокойный духомъ снова примусь за перо. Вотъ тебѣ покуда эпиграмма на поэтовъ прекраснаго пола.

Не трогайте Парнасскаго пера,
Не трогайте, смазливыя вострушки!
Красавицамъ не много въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.
Любовь ли вамъ оставить въ забытьи
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются!
Уносятъ ихъ Летійскія струи.....
На пальчикахъ чернила остаются.

Обнимаю тебя».

*
* *

Оставаясь Въ Москвѣ, Баратынскій по просьбѣ былъ уволенъ отъ службы. Въ іюнѣ 1829-го года онъ женился на дочери генералъ маіора Льва Николаевича Энгельгардта. Настасьѣ Львовнѣ. Во время коронаціи я видѣлся съ нимъ въ его семейномъ кругу. Вскорѣ послѣ коронаціи я возвратился въ Петербургъ, гдѣ получилъ слѣд. письмо осенью 1826-го года.

XI.

«Какъ мнѣ жаль, милый Путята, что мнѣ не удалось съ тобой проститься при твоемъ отъѣздѣ изъ Москвы: а съ тѣхъ поръ отъ тебя ни слуху ни духу: что съ тобою? Я узналъ отъ твоей матушки, что ты еще въ Петербургѣ и по московскимъ слухамъ, что ты не поѣдешь далѣе. Здѣсь говорятъ, что З будетъ министромъ юстиціи. Дай Богъ! Я думаю, тебѣ и ему равно надоѣла Финляндія. Одинъ изъ моихъ братьевъ пріѣхалъ изъ Тульчина и привезъ извѣстія о М....: въ новомъ положеніи онъ скучаетъ попрежнему. Въ Тульчинѣ еще скучнѣе чѣмъ въ Гельсингфорсѣ. Братъ мнѣ разсказывалъ подробности тамошней жизни. В. живетъ въ своей деревнѣ и ходитъ

за своими виноградниками, а штабъ его въ городѣ. Онъ добрый нѣмецъ, счастливый въ своемъ семействѣ, экономъ, ни въ чемъ не похожій на нашего герцога; у него не за-кѣмъ волочиться, не о чемъ хлопотать, не съ кѣмъ мириться и ссориться, однимъ словомъ нѣтъ двора. Доставилъ-ли ты письмо мое Дельвигу? Я не получаю отъ него ни строчки. Сдѣлай милость, попеняй ему и узнай—печаются-ли мои сочиненія или нѣтъ. Скажи Дельвигу, что я на него очень сердитъ. Три письма мои къ нему остались безъ отвѣта. Писать къ человѣку, который намъ не отвѣчаетъ, все равно что яриться на облако, подобно какому-то баснословному герою. Будь милѣе Дельвига, милый Путята, не забывай меня и пиши ко мнѣ.

Я живу потихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человѣку; но очень радъ, что промѣнялъ безпокойные сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ моемъ углу, иногда посматриваю—какова погода въ свѣтѣ. Прощай, мой милый! люби меня, если не хочешь быти у меня въ долгу и вѣрь, что у меня въ сердцѣ всегда готово участіе для радостей твоихъ и печалей».

Е. А. Баратынскій опредѣлился въ Москвѣ на службу въ Межевую канцелярію (откуда вышелъ опять въ отставку 1831 года). Слѣд. письмо написано въ 1827 году, въ которомъ появилось въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній.

XII.

«Я передъ тобою совершенно виноватъ, мой милый Путята! отвѣчаю на письмо твое черезъ три вѣка: но лучше поздно, нежели никогда. Не думай однакожъ, чтобы я имѣлъ неблагодарное сердце: мнѣ мила и дорога твоя дружба, но что ты станешь дѣлать съ природною неаккуратностью?

Прости, мой милый! такъ создать
Меня умѣла власть Господня:
Люблю до завтра отлагать
Что сдѣлать надобно сегодня.

Не гожусь я ни въ какую канцелярію, хотя недавно вступилъ въ Межевую, но, слава Богу, мнѣ дѣла мало, а то было бы худо моему начальнику.

Благодарю тебя за твою дружескую критику. Замѣчанія твои справедливы въ частности, но ежели бы мы были вмѣстѣ, я, можетъ быть: доказалъ-бы тебѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ перемѣнъ хороши для цѣлаго. Впрочемъ я никакъ не ручаюсь за справедливость своего мнѣнія. Поэты большею частью дурные судьи своихъ произведеній. Тому причиной чрезвычайно сложныя отношенія между ними и *ихъ сочиненіями*. Гордость ума и права сердца въ борьбѣ безпре-

станной. Иную пьесу любишь по воспоминанію чувства, съ которымъ она писана,—переправкой гордишься потому, что, побѣдилъ умомъ сердечное чувство. Чему же вѣрить? Однимъ я недоволенъ въ письмѣ твоемъ! оно не совсѣмъ дружеское. Ты пишешь ко мнѣ какъ къ постороннему, которому боишься наскучить; говоришь много обо мнѣ, а о себѣ ни слова. Что твоя.....? Кстати, я слышалъ, что А. А. сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; остаешься ли ты при немъ? Думаешь-ли ты побывать въ красной Москвѣ? Я теперь постоянный московскій житель. Живу тихо, мирно, счастливъ моею семейною жизнію; но, признаюсь. Москва мнѣ не по сердцу. Вообрази, что я не имѣю ни одного товарища, ни одного человѣка, которому могъ-бы сказать: помнишь? съ кѣмъ-бы могъ потолковать нараспашку. Это тягостно. Жду тебя какъ дождя майскаго. Здѣшняя атмосфера суха, пыльна неимовѣрно. Женатые люди имѣютъ болѣе нужды въ дружбѣ, нежели холостые. Волокитство доставляетъ молодому свободному человѣку почти всегда небольшое разсѣяніе: онъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее съ какой нибудь пригожей дурой, и горя ему мало. Человѣкъ-же семейный уже неспособенъ къ этой ребяческой забавѣ: ему нужна лучшая пища, ему необходимъ бодрый товарищъ, равносильный ему умомъ и сердцемъ, любезный самъ по себѣ, а не по мелочнымъ отношеніямъ мелочного самолюбія. Пріѣзжай къ намъ, мой милый Путята! ты подаришь меня истинно счастливыми минутами. Прощай! прости великодушно мою лѣнь и прости мои недостатки. Люби меня за то, что я люблю тебя душевно. Твой.

Доставилъ-ли тебѣ Дельвигъ экземпляръ отъ меня?»

XIII.

1830 г.

«Переписка наша, милый Путята, прервалась просто потому, что ты уѣхалъ въ армію, и я не зналъ куда адресовать тебѣ мои письма. Благодарю тебя за твое дружеское воспоминаніе. Ты меня имъ истинно порадовалъ. Письмо твое мнѣ показываетъ, что есть еще люди, съ которыми можно вспомнить старину и подышать ею. Я тоже не переставалъ помнить и любить тебя. Милый мой Путята! мы съ тобой рѣдкіе люди. Какъ бы я хотѣлъ тебя видѣть и поговорить вдоволь души. Знаю твои теперешнія огорченія и принимаю въ нихъ самое живое участіе. Утѣшать тебя нечего; но мы бы погоревали вмѣстѣ. Ты познакомишь меня съ Адріанополемъ. Письмо твое живо и занимательно: ты бы отдалъ его въ Лит. Газету. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались, въ жизни моей не было никакой перемѣны, и слава Богу. Ты все еще при А. А. Напиши мнѣ, что у васъ подѣлывается; вѣдь я de la famille. Какъ я живо помню Гельсингфорскую жизнь! Ты по обязанности часто посѣщаешь

Финляндію. Повѣришь-ли, что я-бы съ большимъ удовольствіемъ теперь навѣстилъ ее? Я думаю о ней съ признательностью; въ этой странѣ я нашелъ много добрыхъ людей, лучшихъ нежели тѣ, которыхъ узналъ въ отечествѣ, нашелъ тебя; этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла-бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты. Прощай, милый Путята! пиши ко мнѣ: я не буду лѣнивъ на отвѣты. Обнимаю тебя отъ всей души».

*
* *

Письмо за симъ слѣдующее написано во время первой холеры въ Россіи. Баратынскій былъ въ это время въ Казани съ семействомъ его жены и прожилъ тамъ болѣе года; около этого времени въ 1831 г. появилась *Наложница* съ замѣчательнымъ предисловіемъ о нравственности литературныхъ произведеній. Во второмъ изданіи стихотвореній Баратынскаго, вышедшемъ въ 1835 году. Наложница напечатана подъ заглавіемъ *Цыганка* и безъ предисловія.

XIV.

Поздно отвѣчаю на письмо твое, милый Путята! но ты со мною помиришься, когда узнаешь, что я получилъ его весьма недавно, что оно мнѣ было переслано изъ Москвы въ Казань, гдѣ я теперь нахожусь со всѣмъ моимъ семействомъ. Благодарю тебя за доставленіе Наложницы по адресу и за твои замѣчанія. Не спорю, что въ Наложницѣ есть нѣсколько стиховъ небрежныхъ; но повѣрь мнѣ, что вообще авторъ Эды сдѣлалъ большіе успѣхи слога въ своей послѣдней поэмѣ, не говоря уже о побѣжденныхъ трудностяхъ, о самомъ родѣ поэмы, исполненной движенія какъ романъ въ прозѣ; сравни безпристрастно драматическую часть и описательную: ты увидишь, что разговоръ въ Наложницѣ непринужденнѣе, естественнѣе, описанія точнѣе, проще. Обыкновенно мнѣ мое послѣднее сочиненіе кажется хуже прежнихъ, но перечитывая Наложницу, меня всегда поражаетъ легкость и вѣрность ея слога въ сравненіи съ прежними моими поэмами. Если въ Наложницѣ видна нѣкоторая небрежность, за то уже совсѣмъ незамѣтенъ трудъ; и это-то и нужно было въ поэмѣ, исполненной затруднительныхъ подробностей, изъ которыхъ должно было выйти совершенныхъ побѣдителемъ или не браться за дѣло. Я заболтался мой милый..... Желалъ бы сказать тебѣ что нибудь занимательное, но я живу въ совершенномъ уединеніи и ничѣмъ не могу съ тобой дѣлиться кромѣ своими мыслями. Вижу по газетамъ, что у васъ не прекращается холера, но знаю по опыту, что умѣренностью въ пищѣ и старавіемъ не простудиться навѣрно можно ея избѣгнуть. Надѣюсь, что ты не будешь ея жертвою и что Богъ дозволитъ намъ еще разъ обнять *другъ друга*. Прощай! адресъ мой на имя мое въ *Казань*».

XV.

Н. В. Путята женился въ 1838 г. на родной сестрѣ Настасьи Львовны Баратынской. Переписка его съ Е. А. Баратынскимъ не прекращалась, но съ этого времени она касается уже большею частію хозяйственныхъ и семейныхъ ихъ дѣлъ. Поэтому мы помѣщаемъ здѣсь немногіе отрывки изъ писемъ 1842 и 1843 года, показывающіе образъ жизни и любимыя ежедневныя занятія Е. А. Баратынскаго въ его семейномъ, сельскомъ быту.

Въ 1842 и 43-мъ г. Е. А. Баратынскій жилъ постоянно въ подмосковной, занимался хозяйствомъ, сводомъ рощи, постройкою дома въ сельцѣ Мурановѣ *). Онъ любилъ архитектуру, имѣлъ въ ней вкусъ, дѣлалъ самъ планы строеніямъ и приводилъ ихъ въ исполненіе подъ своимъ надзоромъ. Окончательныя слова въ первомъ письмѣ 1842 г. относятся къ вышедшему тогда манифесту объ обязанныхъ крестьянахъ. Они свидѣтельствуютъ о сочувствіи, которое онъ питалъ къ освобожденію крестьянъ и о надеждахъ его на это. Уничтоженіе крѣпостного права постоянно занимало его мысли. Въ разговорахъ объ этомъ предметѣ онъ выражалъ мнѣніе, что освобожденіе не должно совершиться иначе, какъ съ надѣломъ земли въ собственность крестьянъ, при вознагражденіи помѣщиковъ финансовою операціею, но какою, прибавлялъ онъ, этого я не берусь указывать: финансы не мое дѣло.

1842.

Христосъ Воскресе! Желаю вамъ веселаго праздника, который мы, съ своей стороны, начали удовлетворительно. Въ 3 часа утромъ были у обѣдни въ сосѣдней деревнѣ; разговѣлись! выспались! Пишу вамъ въ самый день Свѣтлаго Воскресенья. Послѣ минуты нерѣшимости, мы положили остаться на мѣстѣ, имѣя въ случаѣ (который право мудрено предвидѣть) всегда убѣжище въ Москвѣ, а еще ближе въ Троицѣ, гдѣ между прочимъ находится и нашъ станъ, слѣдственно наше мѣстное правленіе, которому безъ сомнѣнія даны нужныя пособія въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Редакція безподобна. Нельзя было приступить къ дѣлу умнѣе и осторожнѣе. Благословенъ грядый во имя Господне! У меня солнце въ сердцѣ, когда думаю о будущемъ. Вижу, осязаю возможность исполненія великаго дѣла и скоро и спокойно. Прощайте! обнимаю васъ и малютокъ вашихъ отъ всей души».

---

*) Въ 6 верстахъ отъ Талицкой станціи по желѣзной дорогѣ въ Троицкую лавру.

XVI.

Того же года.

Дѣти ваши, слава Богу, здоровы *). По письму твоему, любезный другъ, все будетъ исполнено въ точности.....

Мы нашли себѣ рисовальнаго учителя, настоящаго артиста. Всѣ мы, слава Богу, здоровы. Я на хозяйствѣ. Домъ подымается; дрова торгуютъ. Осенью буду садить деревья. На возвратномъ пути поѣзжайте на Москву и навѣстите наше и свое новоселье. Мнѣ весело будетъ вамъ похвастать плодами моей дѣятельности, если Богъ благословитъ ее. Прощайте! обнимаю васъ за себя, за Настю, за вашихъ и за моихъ дѣтей. Пейте здоровье въ водахъ Маріенбадскихъ и пользуйтесь весело европейскимъ воздухомъ.

XVII.

Того же года.

.....Лѣсной матеріалъ начинаетъ сходить съ рукъ. Домъ отстраивается. Недѣли черезъ три мы перейдемъ въ верхній этажъ. Я получилъ очень милое письмо отъ Карамзиной въ отвѣтъ на мои стихи **). Нѣжно обнимаю васъ и Настиньку.

XVIII.

Того же года.

.....Дѣти ваши, слава Богу, здоровы. Съ Олинькой я въ ссорѣ. Ужасная кокетка: тянется ко мнѣ на руки, а только я подойду, отвернется съ презрѣніемъ.... Я былъ-бы очень доволенъ моей деревенской жизнію, если-бъ не частыя поѣздки въ Москву. Дома дни текутъ незамѣтно. Старшія дѣти начинаютъ уже жить за одно съ нами. Учителя добрые ребята, болѣе просвѣщенные, чѣмъ большая часть русскихъ помѣщиковъ. Каждое утро ѣзжу одинъ въ Мураново ***), а вечеромъ послѣ чаю отправляемся туда пѣшкомъ съ дѣтьми и возвращаемся прямо къ ужину. Много мѣшаютъ намъ особенно частые дожди. Это все обѣщаетъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ имѣніяхъ, обильный урожай. Прощайте! обнимаю обоихъ васъ отъ всей души.

---

*) Отправляясь за границу, мы оставили младшихъ дѣтей нашихъ у Баратынскихъ. Нѣкоторыя части имѣній у насъ были общія и Баратынскій ими управлялъ. При отъѣздѣ за границу я поручилъ ему и собственное имѣніе моей жены.

**) Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной, при посылкѣ Сумерекъ (*«Свиданьемъ съ вами на мгновенье»*).

***) Пока отстраивался домъ въ Мурановѣ, Е. А. Баратынскій жилъ съ *семействомъ* въ 3-хъ верстахъ оттуда, въ сельцѣ Артемовѣ, гдѣ нанималъ домъ *г-жи Пальчиковой*, которой принадлежало Артемово.

XIX.

Въ концѣ 1842 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья мои, съ наступающимъ новымъ годомъ. Долго не писалъ за хлопотами всякаго рода, сверхъ того хотѣлось дождаться положительныхъ результатовъ отъ свода рощи и постройки дома. Слава Богу, домъ хорошъ, очень тепелъ. Были большіе морозы и сильные вѣтры: мы не чувствовали ни тѣхъ, ни другихъ и что въ особенности рѣдко въ деревенскихъ домахъ, никогда не знали—съ которой стороны непогода. Продажа лѣса идетъ успѣшно..... Домъ отдѣланъ вполнѣ, въ два полныхъ этажа, стѣны обштукатурены, полы выкрашены, крытъ желѣзомъ. Насъ посѣтила въ Мурановѣ А... В.... вѣроятно она вамъ объ насъ кое-что писала. Нашъ бытъ противъ Артемовскаго измѣнился тѣмъ, что мы порѣже ѣздимъ въ Москву. Прошлаго года столько было дѣлъ, что изъ 52 недѣль мы вѣрно 25 провели въ городѣ. Теперь, слава Богу, мы постояннѣе бываемъ дома. Малютки ваши здоровы. Обнимаю васъ обоихъ и Настиньку.

XX.

1843 года.

«Благодарю тебя, любезный другъ, за твои подробныя и занимательныя письма. Радъ, что вы такъ полно наслаждаетесь Италіей и что воображеніе, предупрежденное столькими описаніями, нашло на ея древней почвѣ впечатлѣнія новыя и свѣжія. Все можно передать довольно точно, кромѣ мѣстной физіономіи и вообще природы, и слава Богу! Не все уловляетъ печать, и что нибудь еще возможно чувствовать по-своему. Теперь вѣсти изъ отечества: дѣти ваши здоровы. Всѣ мы также живемъ по-добру, по-здорову. Наше уединеніе чрезвычайно полезно дѣтскимъ урокамъ.

Прощайте мои милые и добрые друзья! Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, желая всякаго счастія, въ особенности продолженія отпуска, чтобы вы могли вмѣстѣ долѣчиться съ Маріенбадѣ. Крѣпко васъ обнимаю».

XXI

Осенью 1843 г. Баратынскій приступилъ къ исполненію давнишняго желанія своего—собрался за границу. Онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, оставилъ намъ младшихъ дѣтей своихъ, а съ женою и старшими дѣтьми отправился сухимъ путемъ въ Берлинъ, оттуда въ Дрезденъ и чрезъ Франкфуртъ на Майнѣ въ Парижъ. Вотъ письма его изъ-за границы.

Изъ Лейпцига 1843 года (осенью).

«Настинька писала вамъ въ Дрезденѣ и я приписываю въ Лейпцигѣ, куда мы по вашему совѣту воротились. Переночевали, а теперь ѣдемъ въ Франкфуртъ, на нѣмецкихъ длинныхъ, т. е. съ лонъ-кучеромъ. Будемъ останавливаться на ночь и въ пятый день должны быть на мѣстѣ. Я очень наслаждаюсь путешествіемъ и быстрой смѣною впечатлѣній. Желѣзныя дороги чудная вещь. Это апоѳеоза разсѣянія. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхоліи. Обнимаю тебя, Соничку и дѣтей вашихъ и нашихъ. Когда буду на мѣстѣ, можетъ, передамъ вамъ нѣсколько впечатлѣній и замѣчаній, доставленныхъ мнѣ путешествіемъ. Прощайте до Франкфурта!»

XXII.

Изъ Парижа, того же года.

Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ! *) и благодаря Соболевскому, которому я вскорѣ буду писать особо, благодаря его за полезную его дружбу, вижу въ немъ не одни зданія и бульвары, хотя первый матерьяльный взглядъ на Парижъ вознаграждаетъ съ избыткомъ труды дальняго путешествія. Я уже заглянулъ въ Faubourg St-Germain и видѣлъ нѣкоторыхъ литераторовъ, но, по моему, всего замѣчательнѣе во Франціи самъ народъ, привѣтливый умный, веселый и полный покорсти закону, котораго онъ понимаетъ всю важность, всю общественную пользу. Я удивлялся въ Берлинѣ городскому порядку, точности и безспорности отношеній. Какъ-же я изумился найти то же самое, но въ высшей степени, въ многолюдномъ Парижѣ, въ его тѣсныхъ улицахъ, въ его безчисленныхъ сдѣлкахъ. Въ Германіи чувствителенъ нѣкоторый ропотъ на законы общественнаго устройства, которымъ повинуются: здѣсь ими гордятся люди, принадлежащіе послѣдней черни. Нѣсколько ясныхъ мыслей общежитія сдѣлались достояніемъ каждаго и составляютъ такую массу здраваго смысла, что мудрено подумать, чтобы можно было совратить народъ съ пути истиннаго его благосостоянія. Между тѣмъ партіи волнуются **). Я много слушаю и много читаю. Люди, вышедшіе изъ рядовъ и наполняющіе газеты и салоны, не тверды въ своихъ мнѣніяхъ. Здѣсь переметчики менѣе подлы, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и многіе изъ нихъ принимаютъ мнѣніе противоположное прежде выраженному съ совершенно искреннею вѣтре-

*) *Друзья, сестрицы, я въ Парижѣ!*—начало шуточнаго посланія И. И. Дмитріева, будто-бы написаннаго В. Л. Пушкинымъ изъ Парижа къ своимъ друзьямъ.

**) Эта фраза служитъ противорѣчіемъ всего вышесказаннаго и отчасти объясняетъ послѣдовавшія событія. Впрочемъ—errare humanum est. *Прим. ред. И. С. Тургенева*, въ рукахъ котораго эти письма находились нѣкоторое время.

ностью Теперь всѣхъ занимаетъ вопросъ воспитанія: кто долженъ имъ завѣдывать—духовенство или университетъ? Вопросъ отмѣнно важный, слитый съ видами легитимизма. Ламартинъ напечаталъ вздорную діатрибу, которую я принужденъ хвалить въ обществѣ, съ которымъ началъ знакомство. Отвѣты противоположной партіи, почтительные къ таланту поэта, очень забавны. Профессоры начали свои курсы и о чемъ-бы ни говорили—объ анатоміи или химіи—умѣютъ коснуться всѣхъ занимающаго вопроса. Мы живемъ въ самомъ центрѣ города. Вотъ нашъ адресъ: Rue Dupot, près le boulevard de la Madelaine № 8. Сегодня я буду у M-me dAguesseau, завтра у Nodier, послѣ завтра у Thierry. Всѣмъ этимъ знакомымъ я обязанъ Сиркурамъ. Прощайте! обнимаю васъ и дѣтей. Кланяюсь очень Соболевскому, Плетневу. Я вижу почти всякій день А. И. Тургенева, который теперь нѣсколько нездоровъ. Онъ пеняетъ Вяземскому за то, что онъ къ нему ни пишетъ. Напомните ему обо мнѣ. Вижусь съ Балабинымъ, человѣкомъ очень умнымъ, очень свѣдущимъ, съ которымъ всякая встрѣча меня болѣе и болѣе сближаетъ.

XXIII.

Того же года.

Хорошо, что я въ Парижѣ проведу одну только зиму, а то изъ человѣка съ нѣкоторымъ смысломъ я бы сдѣлался совершеннымъ зѣвакой, а что хуже свѣтскимъ человѣкомъ. Не я одинъ—всѣ Парижане съ одиннадцати часовъ утра до двѣнадцати вечера на ногахъ и проводятъ часы въ визитахъ. Для настоящихъ Парижанъ, имѣющихъ свои виды, то дѣловые, то политическіе, посѣщающихъ каждое лицо съ извѣстною цѣлью, эта жизнь не совсѣмъ убійственна; но для заѣзжаго, не смотря на любопытство, она утомительна до крайности: несмотря на привѣтливость лицъ, на новость явленій, чувствуешь недостатокъ прямыхъ отношеній, и если-бъ я былъ въ Парижѣ безъ семейства, не знаю, вынесъ ли-бы я подобное существованіе. Первыя мои знакомства вовлекли меня Faubourg St-Germain къ M-me d'A..... къ T..... Тутъ собираются академики и католическіе прозелетисты обоихъ половъ. Все это работаетъ вертограду Господню въ смыслѣ аббатовъ. По довольно уединеннымъ улицамъ славнаго предмѣстья бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ латинскіе попы въ такомъ множествѣ, что, еслибы по русскому обычаю отъ всѣхъ отплевываться, можно получить чахотку. Сиркуръ познакомилъ меня съ Виньи, съ двумя Тьерри, Нодье, Сентъ-Бевомъ; Соболевскій съ Мериме и M-me Ancelot; случай, съ прежнимъ издателемъ одного изъ республиканскихъ журналовъ, черезъ котораго я надѣюсь добраться до Ж. Зандъ. Познакомился или возобновилъ знакомство съ нѣкоторыми земляками. Русскіе ищутъ русскихъ въ Парижѣ и вообще въ чужихъ краяхъ. Самые вѣтренные изъ нихъ

догадываются, что у насъ есть сердце, и готовы на сантиментальность. Общества, съ точки зрѣнія политической, представляютъ самый печальный фактъ. Легитимисты, умные безъ надежды, безразсудные по неисправимой привычкѣ, преслѣдуютъ идею своей партіи и отслужили ей въ Лондонѣ трогательную панихиду *). Республиканцы теряются въ теоріяхъ, безъ единаго практическаго понятія. Партія сохранительная почти ненавидитъ ея настоящаго представителя, избраннаго ею короля. Всюду элементы раздоровъ. Движеніе поповъ, воскресшихъ для надеждъ бѣдственныхъ, ибо подъ личиною мистицизма они преслѣдуютъ мысль возврата прежняго своего владычества: вотъ Франція!—а въ парижскихъ салонахъ конституція французской учтивости мирно собираетъ умныхъ, сильныхъ, страстныхъ представителей всѣхъ этихъ разнородныхъ стремленій. Обнимаю васъ обоихъ и всѣхъ вашихъ и нашихъ ребятишекъ. Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ подробности о всѣхъ названныхъ мною лицахъ **).

XXIV.

1-го Января 1844 года.

Поздравляю васъ, любезные друзья, съ новымъ годомъ, обнимаю васъ, вашихъ и нашихъ ребятишекъ, желаю вамъ его лучше парижскаго, который ничто иное какъ привидѣніе прошлаго, въ морщинахъ и праздничномъ платьѣ. Поздравляю васъ съ будущимъ, ибо у насъ его больше чѣмъ гдѣ-либо; поздравляю васъ съ нашими степями, ибо это просторъ, который никакъ не замѣнимъ здѣшней наукой; поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе и краснорѣчіемъ мороза зоветъ насъ къ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе двѣнадцатью днями другихъ народовъ и посему переживемъ ихъ, можетъ быть, двѣнадцатью столѣтіями. Каждую изъ этихъ фразъ я могу доказать ученымъ образомъ; но теперь не время, оставимъ это до свиданія, ибо изъ русскихъ писателей нѣтъ ни одного, который менѣе бы любилъ писать того, который васъ такъ нѣжно любитъ. Поклонъ мой Соболевскому и Плетневу, которымъ собираюсь писать—не знаю о чемъ отъ многосложности предметовъ; но постараюсь что-нибудь выразить со всею правдой, которая отъ меня зависитъ.

---

*) Здѣсь говорится о посольствѣ 5-ти легитимистовъ въ Лондонъ къ графу Шамбору для поздравленія его со вступленіемъ въ совершеннолѣтіе, вслѣдствіе чего они, какъ извѣстно, подверглись парламентскому порицанію (flétrissure).

**) Къ сожалѣнію, этихъ подробностей, въ сообщеніи которыхъ конечно сказался-бы мѣткій и наблюдательный умъ высоко-талантливаго путешественника, *мы не имѣемъ.*

XXV.

Того же года

Послѣднее письмо Сонички принесло намъ вѣсть о вашей общей великой потерѣ. Ты не можешь сомнѣваться въ полнотѣ участія, которое мы въ ней принимаемъ. Память твоего почтеннаго отца принадлежитъ не одной твоей сыновней скорби, но всѣмъ, которые его знали и цѣнили: она принадлежитъ исторіи, къ гражданской исторіи, двѣнадцатаго года *). Ты проводишь тяжелую зиму: столько сердечныхъ потрясеній и столько заботъ положительныхъ! Моя здѣшная жизнь также не восхитительна. Буду доволенъ Парижемъ, когда его оставлю. Для чужеземца, непринимающаго ни въ чемъ страстнаго участія, для холоднаго наблюдателя, свѣтскія обязанности, дающія пищу одному любопытству, часто обманутому въ своихъ ожиданіяхъ, отмѣнно тяжелы. Бываю вездѣ, гдѣ требуется, какъ ученикъ въ своихъ классахъ. Масса свѣдѣній и впечатлѣній конечно вознаградитъ меня за трудъ, но все-таки это трудъ, а рѣдко-рѣдко наслажденье. Въ одномъ изъ писемъ Вяземскаго Тургеневу помѣщено нѣсколько строкъ для меня особенно благоволительныхъ. Скажи ему при случаѣ, что я былъ ими очень тронутъ и что они сохранятся въ томъ чувствѣ, которое такъ хорошо назвали сердечною памятью. Бѣдный Тургеневъ боленъ почти съ моего пріѣзда въ Парижъ: по словамъ его, онъ обязанъ своими недугами тому, что гдѣ-то въ Германіи, отыскивая Жуковскаго, упалъ въ ручей, продрогъ и съ тѣхъ поръ не можетъ оправиться. Онъ не оставляетъ креселъ, а для человѣка такого дѣятельнаго, какъ онъ, это хуже самой болѣзни **). Мы разъѣзжаемъ по F. St.-Germain, вѣрные покуда что Православной Греко-россійской церкви. Католическій прозелитизмъ здѣсь несносенъ. Меня заставили прочесть кучу скучныхъ книгъ, и

---

*) Извѣстно, что эта гражданская исторія 1812 года еще не писана. Баратынскій говоритъ здѣсь о кончинѣ отца Николая Васильевича Путяты, послѣвавшей 4 декабря 1843 года. Василій Ивановичъ Путята, служа въ военномъ министерствѣ, въ 1812 году слѣдовалъ за арміею изъ Смоленска, препровождалъ раненыхъ съ Бородинскаго поля въ Москву и потомъ вывезъ ихъ въ городъ Касимовъ, гдѣ устраивалъ госпитали. Когда началось бѣгство непріятеля В. И. Путятѣ поручено было учредить военные госпитали въ нѣсколькихъ западныхъ губерніяхъ. Онъ завѣдывалъ этими учрежденіями, и въ тоже время, въ качествѣ управляющаго Виленскою коммиссаріатскою коммиссіею снабжалъ обмундированіемъ резервы и всѣ проходившія, а потомъ возвращавшіяся изъ заграничнаго похода войска. Впослѣдствіи В. И. Путята былъ генералъ-крихсъ-коммиссаромъ арміи. Намъ случалось слышать отъ современниковъ 1812 года и сутрудниковъ В. И. Путяты самые теплые отзывы о высокихъ качествахъ этого человѣка.

**) А. И. Тургеневъ жилъ въ Парижѣ, издавна имѣя порученіе отъ нашего правительства собирать въ иностранныхъ архивахъ историческіе документы относящіеси до Россіи.

теперь у меня лежитъ на столѣ Institut des Jésuites отца Равиньяна *) Какъ ты думаешь, что это такое? Изложеніе статутовъ ордена, писанное съ простотою младенца или невинностью старика, потерявшаго память, человѣкомъ лѣтъ сорока, замѣчательнымъ своею ученостью и дарованіями Вотъ мое опредѣленіе этого произведенія: livre niais écrit pour les niais, par un homme qui n'est pas niais. Вижу здѣсь почти всѣхъ авторовъ. Завтра буду у Ламартина. Тьерри обѣщалъ меня представить Гизоту. Съ тѣхъ поръ какъ онъ министръ, доступъ къ нему довольно труденъ. У меня начаты письма к Плетневу и Соболевскому и не окончены за парижской суматохой. Кланяюсь имъ обоимъ. Вчера съ Настинькой были мы на балѣ d e l'ancienne liste civile и видѣли въ полномъ блескѣ всю французскую аристократію. Будьте здоровы, обнимаю васъ и дѣтей.

XXVI.

Того же года.

(Въ началѣ весны).

Благодарю тебя за желаніе моего портрета. Жаль, что получилъ твое письмо передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ въ Италію; однакожъ постараюсь удовлетворить твоей дружеской прихоти в Парижѣ, гдѣ по твоему совѣту можно литографировать нѣсколько экземпляровъ. Если не успѣю (ибо время нудитъ), то оставлю эт до Рима. Мы ѣдемъ изъ Парижа съ впечатлѣніями самыми пріятными. Наши здѣшніе знакомые намъ показали столько благоволительности, столько дружества, что залѣчили старыя раны. Здѣсь намъ дали рекомендательныя письма въ Неаполь, Римъ и Флоренцію. Тамъ, какъ здѣсь, мы можемъ, если захотимъ, познакомиться съ обществомъ; но, кажется, мы на это не найдемъ досуга. Есть лица въ Парижѣ, которыя мы покидаемъ даже съ грустью. Путешественникъ долженъ быть путешественникомъ: ему не слѣдуетъ нигдѣ заживаться, если хочетъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться своимъ мизантропическимъ счастьемъ. Мы ѣдемъ на Марсель; оттуда моремъ прямо въ Неаполь, а потомъ сухимъ путемъ въ Римъ и проч. и воротимся въ Россію черезъ Вѣну. Я съ вами увижусь, богатый вспоминаньями всякаго рода. Я устаналъ отъ Парижской жизни, но теперь, прощаясь съ нею, доволенъ прошедшимъ; пересталъ къ вамъ писать собственно о Парижѣ, потому что всякій день мнѣніе мое измѣнялось. Къ тому-же надобно р

*) О дѣятельности отца Равиньяна можно прочитать подробности въ кн. Ю. Ѳ. Самарина: «Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи», М. 1866, стр. 14–15. *Книга Равиньяна* называется: «De l'existence et de institut des Jésuites. *Paris. 1844.*

диться въ Парижѣ, чтобъ посреди его требованій и разсѣяній находить досугъ для мысли и для письменнаго упражненія. Русскій видитъ и не вѣритъ, что эту самую жизнь ведутъ здѣшніе ученые, безпрестанно усовершенствуясь въ наукѣ и каждый годъ печатая какую нибудь книгу. Обнимаю васъ, мои милые, равно вашихъ и нашихъ дѣтей. Хотя хорошо за границей, я жажду возвращенія на родину. Хочется васъ видѣть и по русски поболтать о чужеземцахъ. Балабинъ вамъ кланяется. Умный, добрый, просвѣщенный и любезный.

XXVII.

Изъ Неаполя 1844 года.

Пятнадцать дней какъ мы въ Неаполѣ, а кажется такъ давно отъ полноты однообразныхъ и вѣчно-новыхъ впечатлѣній. Въ три дня, какъ на крыльяхъ, перенеслись мы изъ сложной общественной жизни Европы въ роскошно-вегетативную жизнь Италіи.—Италія, которую за всѣ ея заслуги должно-бы на картѣ означить особой частью свѣта. ибо она въ самомъ дѣлѣ ни Африка, ни Азія, ни Европа. Наше трехдневное мореплаваніе останется мнѣ однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья, я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши французскіе матросы très gros temps, слѣдственно живость безъ опасности. Въ нашемъ отдѣленіи было нестраждущихъ одинъ очень любезный Англичанинъ, двое или трое незначущихъ лицъ, Неаполитанскій maestro музыки, Николинька и я. Мы коротали время въ непринужденности военнаго товарищества. На морѣ страхъ чего-то грознаго, хотя вседневнаго, взаимныя страданія, или ихъ присутствіе, на минуту связываютъ людей, какъ будто бы не было, не только московскаго, парижскаго свѣта. На кораблѣ, ночью, я написалъ нѣсколько стиховъ, которые, немного поправивъ, вамъ пришлю, а васъ прошу передать Плетневу для его журнала *).

Вотъ Неаполь! Я встаю рано. Спѣшу открыть окно и упиваюсь живительнымъ воздухомъ. Мы поселились въ Villa Reale, надъ заливомъ между двухъ садовъ. Вы знаете, что Италія не богата деревьями, но гдѣ они есть, тамъ они чудно прекрасны. Какъ наши сѣверные лѣса въ своей романтической красотѣ, въ своихъ задумчивыхъ зыбяхъ, выражаютъ всѣ оттѣнки меланхоліи, такъ ярко-зеленый, рѣзко отдѣляющійся листъ здѣшнихъ деревьевъ живопи-

*) Современника (1844, т. XXXV, стр. 215). Здѣсь конечно говорится о стихотвореніи *Цирюскафъ*:

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны . . .

суетъ всѣ степени счастья. Вотъ проснулся городъ: на ослѣ, въ свѣжей зелени итальянскаго сѣна, испещреннаго малиновыми цвѣтами, шажкомъ ѣдетъ Неаполитанецъ полуголый, но въ красной шапкѣ: это не всадникъ, а блаженный. Лицо его весело и гордо. Онъ вѣруетъ въ свое солнце, которое никогда не оставитъ его безъ призрѣнія.

Каждый день два раза, утромъ и поздно вечеромъ, мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не наглядимся. На бульварѣ Chiaja, котораго подражаніе мы видимъ въ нашемъ московскомъ, нѣсколько статуй, которыя освѣщаетъ для насъ то итальянская луна, то итальянское солнце. Понимаю художниковъ, которымъ нужна Италія. Это освѣщеніе, которое безъ рѣзкости лампы выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисунокъ человѣческаго образа, во всей точности, легкости, мечтаемой артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь, можетъ образоваться и рисовальщикъ и живописецъ.

Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога;
Жадныя длани я къ ней простиралъ.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадитъ меня немочь морская;
Пѣною здравія брызжетъ мнѣ валъ!

Мы осмотрѣли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ окрестностей. Видѣли, что можно видѣть въ Геркуланумѣ, были въ Пуццолѣ, видѣли храмъ Серапійскій; но что здѣсь упоительно, это то внутреннее существованіе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро благъ, а они присно-блаженны *).

Мы остаемся здѣсь на два или три мѣсяца. Въ продолженіе нашего морского путешествія у Настеньки возобновлялись ея нервическіе ревматизмы съ постоянной болью въ желудкѣ. Одинъ изъ

---

*) Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы,
Пріюты отдыховъ и Марія и Силлы.
И кто, безчувственный среди твоихъ красотъ,
Не жаждалъ въ ихъ краю обрѣсть навѣсъ иль гротъ,
Гдѣ-бъ скрылся, не на часъ какъ эти полубоги,
Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги;
Но чтобъ незримо слить въ безсмысліи златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ вѣчнымъ сномъ!

(Дядькѣ-Итальянцу, Современ. 1844, годъ XXXV, стр. 220). Въ стихахъ этихъ слышится предчувствіе той участи, которая такъ скоро постигла поэта. И удивительнымъ образомъ предчувствіе это въ предсмертномъ стихотвореніи соединяется съ воспоминаніемъ Тамбовской деревни и первыхъ дней жизни.—Быть можетъ, быстрая смѣна полноты внѣшняго счастія наступавшею грозою *внутренней* тревоги и была причиною внезапной и преждевременной кончины поэта.

лучшихъ здѣшнихъ докторовъ, котораго намъ рекомендовала К. Волхонская, настоятельно ей предписалъ морскія ванны и здѣшнюю желѣзную воду. Все это у насъ черезъ улицу и ни по чемъ. Съ Хлюстинымъ, котораго внезапная болѣзнь удержала въ Кенигсбергѣ, я полагалъ получить отъ тебя письмо. Нѣжно васъ обнимаю, равно какъ всѣхъ вашихъ и ребятишекъ.

XXVIII.

Изъ Неаполя, того же года.

.....Съ нетерпѣньемъ ждемъ отъ васъ письма, еще болѣе успокоительнаго на счетъ Насти и васъ самихъ. Несмотря на то, что горькое время для васъ миновалось, мы не могли прочесть предпослѣдняго вашего письма безъ содроганія, думая о томъ, что вы претерпѣли. Отдыхаемъ вмѣстѣ съ вами, полагаясь на милость Божію, уже такъ явную. Мы живемъ въ Неаполѣ, какъ въ деревнѣ: дни наши монотонны, но небо, но воздухъ, но море, но югъ вообще не даютъ времени ни скучать, ни задуматься; каждый день наслаждаюсь однимъ и тѣмъ же и всегда съ новымъ упоеніемъ. Жары не несносны Въ Россіи иногда бываетъ душнѣе. Веселый нравъ неаполитанцевъ, ихъ необыкновенная живость, безпрестанныя катанья, процессіи, приходскіе празники съ фейерверками, все это такъ ярмарочно, такъ безусловно-весело, что нельзя не увлечься, не отдаться дѣтски преглупому и пресчастливому разсѣянью. Мнѣ эта жизнь отмѣнно по сердцу: гуляемъ, купаемся и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ не останавливаемся долго на одной мысли. Это не въ здѣшнемъ климатѣ. Обнимаю васъ, милую Настю и остальныхъ вашихъ ребятишекъ. Въ другой разъ буду писать подробнѣе, а теперь спѣшу, чтобы не упустить почты. Богъ васъ береги всѣхъ!

XXIX.

Оттуда же.

«Мы получили разомъ нѣсколько вашихъ писемъ, потому что догадались написать въ Римъ и Флоренцію, чтобы намъ ихъ переслали въ Неаполь. Посылаю вамъ два стихотворенія; отдайте ихъ Плетневу для его журнала. На дняхъ я вамъ адресую письма къ нему, Соболевскому и Вяземскому. Пожалуйста перешлите. Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь. Мы уже видѣли всѣ здѣшнія чудесныя окрестности: Пуццоли, Баію, Кастелламаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестумъ, Геркуланумъ, Помпею. Теперь недѣля наша проходитъ для дѣтей въ урокахъ, а каждое воскресенье мы дѣлаемъ une partie de plaisir, осматриваемъ здѣшніе церкви, дворцы и замки, или просто ѣдемъ за городъ въ какую нибудь деревню. Цѣлую, обнимаю васъ обоихъ, нашихъ и вашихъ дѣтей».

Письма къ А. Ѳ. Баратынской изъ за границы.

1.

ОСЕНЬЮ.

1843.

Изъ Дрездена.

Voilà à peu près dix huit jours que nous sommes en voyage, ma chère maman. Une diligence à six places avec laquelle nous nous sommes arrangés à Pétersbourg, nous a conduits à la frontière, ou plutôt à la première maison de poste prussienne. Depuis nous voyageons en prenant des coupés, où notre famille est à part, quoiqu'il y ait encore quatre places dans la diligence presque toujours occupées. Cette manière de voyager est très animée: on se voit aux relais et aux heures des repas, et on échange quelques paroles. Les routes sont superbes et le service de la poste d'une régularité admirable. Nous avons passé deux jours à Koenigsberg et onze à Berlin. J'avais une lettre de recommandation pour lesecrétaire de notre ambassade, don j'ai usé. Je me suis fait présenter à notre ambassadeur le baron Meindorff, homme très poli et trés aimable. Ilm'a fait diner chez lui avec le comte Bloudoff que je connais d'ancienne date. Il voyage avec sa fille et retourne en ce moment à Pétersbourg. J'ai passé une soirée chez eux. — Nous avons fait notre premier essai de chemin de fer en allant à Potsdam. Nous avons vu la maison où logeait Voltaire et les petits appartements du Grand Fréderic, trés grand, sans contredit, puisque c'est lui à peu près qui a crée la Prusse et jeté les premiers plans de son administration d'aujourd'hui. Berlin est une ville charmante, pas aussi belle que Pétersbourg, mais mieux proportionnée. La vie y est de la plus extrême régularité. Toutes les relations prévues et fixées, commerciales par des temps immémorables, sociales par des usages jamais enfreints. Le citoyen, sans s'en douter, y subit la même discipline que le soldat. En peu de jours on est au fait de la manière d'être de la ville et on jouit de l'extrême sécurité que procure cette entière absence d'imprévu. A présent nous sommes à Dresde. Il va sans dire que nous avons vu la fameuse galerie. La madone de Raphael est le triomphe de l'idée chrétienne et n'épuisera jamais l'admiration. Il vaut mieux n'en pas parler et laisser les générations à venir les unes aprèsles autres se prosterner devant ce divin chef d'oeuvre. Il m'est impossible pe ne pas nommer une création moins célèbre, mais peut-être tout aussi grande en son sublime douloureux: c'est le Christ dit à la monnaie, du Titien. Nous avons été voir un des plus jolis sites des environs de Dresde, c'est la vallée de Tarente. Malgré la saison avancée, c'est encore délicieux. Je jouis beaucoup de mes impressions de voyage et au moins autant de celles des enfants, qui les recevant avec la vivacité et la fraîcheur de leur âge, complètent et embellissent les nôtres. Nous retournons à Leipsick, d'où nous prendrons la diligence pour nous rendre à Francfort, de là nous irons à Mayence, puis nous descendrons le Rhin jusqu'à Cologne, d'où le *chemin de fer nous* conduira à Bruxelles, puis à Paris. Je ne vous ai parlé que

des choses agréables de l'étranger, il faut absolument que je vous mande une impression horrible. C'est le tunnel entre Leipsick et Dresde. Imaginez vous un souterrain qu'on traverse plus de trois minutes et où lobscurité fait craindre le manque d'air. Ma femme qui est sujette à des étouffements, m'a fait tellement craindre pour elle, que j'étais tout pâle à l'instant où nous avons vu la lumière. Elle vous baise les mains, ma chère maman, et vos petits enfants vous demandent votre bénédiction pour l'entendement des arts dont la manifestation les entoure, et des restes de nature que la civilisation moderne embaume comme les momies d'Egypte, croyant et ne pouvant les conserver.

Вотъ уже около восемнадцати дней какъ мы въ дорогѣ, любезная маменька; шестимѣстный дилижансъ, о которомъ мы уговорились въ Петербургѣ, доставилъ насъ до границы, или, точнѣе, до перваго прусскаго почтоваго дома. — Съ тѣхъ поръ, мы путешествуемъ, нанимая купе, въ которыхъ наше семейство помѣщается особо, хотя еще остается четыре мѣста въ дилижансѣ, почти всегда занятыя. Этого рода путешествіе очень оживлено: видишься на станціяхъ, и въ часы обѣдовъ и ужиновъ обмѣниваешь нѣсколько словъ.—Дороги великолѣпны, и почтовая часть въ удивительномъ порядкѣ. Мы провели два дня въ Кенигсбергѣ и одиннадцать дней въ Берлинѣ. Со мною было рекомендательное письмо къ секретарю нашего посольства, которымъ я воспользовался. Я представлялся нашему посланнику, барону Мейндорфу, человѣку весьма вѣжливому и весьма любезному. Я обѣдалъ у него съ графомъ Блудовымъ, съ которымъ уже прежде былъ знакомъ. Онъ путешествуетъ съ дочерью и возвращается теперь въ Петербургъ. Я провелъ у нихъ одинъ вечеръ. Мы въ первый разъ испытали впечатлѣніе желѣзной дороги. съѣздивши въ Потсдамъ; видѣли тамъ домъ, гдѣ жилъ Вольтеръ, и небольшіе покои великаго Фридриха, безъ сомнѣнія великаго, если принять въ соображеніе, что онъ, почти одинъ, создалъ Пруссію и положилъ первыя основанія ея теперешней администраціи.— Берлинъ прекрасный городъ; онъ не такъ хорошъ какъ Петербургъ, но лучше въ отношеніи размѣровъ.

Жизнь въ немъ отличается крайнею правильностью. Всевозможныя отношенія здѣсь предвидѣны и установлены навсегда; торговыя—давностью, общественныя—обычаями, никогда ненарушаемыми. Здѣсь, гражданинъ, самъ того не подозрѣвая, подчиняется такой же дисциплинѣ, какъ солдатъ. Въ нѣсколько дней примѣняешься къ заведенному порядку и наслаждаешься чувствомъ чрезвычайнаго спокойствія, доставляемымъ этимъ совершеннымъ отсутствіемъ всего непредвидѣннаго. Теперь мы въ Дрезденѣ.—Само собою разумѣется, что мы видѣли знаменитую галлерею. Мадонна Рафаэля — это торжество идеи христіанства; восторгъ, ею возбуждаемый, никогда не истощится. Лучше не говорить о ней, и пусть поколѣніе за поколѣніемъ преклоняются передъ этимъ божественнымъ произведеніемъ. Не могу не упомянуть о произведеніи менѣе знаменитомъ, но, можетъ быть, столь же великомъ, по выраженію возвышенной скорби — это Христосъ съ динаріемъ, Тиціана. Мы ѣздили осматривать одну изъ прелестнѣйшихъ мѣстностей въ окрестностяхъ Дрездена—Тарантскую

долину. Несмотря на позднее время года, тамъ еще восхитительно. Я очень наслаждаюсь, и собственными путевыми впечатлѣніями, и не менѣе впечатлѣніями дѣтей, которыя, принимая ихъ со всею живостью, и свѣжестью, свойственными ихъ возрасту, дополняютъ и украшаютъ наши. Отсюда мы возвращаемся въ Лейпцигъ, тамъ возьмемъ дилижансъ до Франкфурта, изъ Франкфурта отправимся въ Майнцъ, спустимся по Рейну до Кельна. потомъ по желѣзной дорогѣ въ Брюссель, а оттуда въ Парижъ. Я говорилъ вамъ до сихъ поръ объ одномъ пріятномъ заграничнаго путешествія,—сообщу вамъ ужасное впечатлѣніе. Это тунель, между Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Предѣставьте себѣ подземелье, которымъ ѣдешь болѣе трехъ минутъ, гдѣ совершенный мракъ заставляетъ какъ-то опасаться, что не достанетъ воздуха. Я такъ безпокоился о женѣ, которая склонна къ удушьямъ, что былъ совершенно блѣденъ, когда мы возвратились къ свѣту. Жена моя цѣлуетъ ваши ручки, а внучки ваши просятъ у васъ благословенія на пониманіе проявленій искусства, со всѣхъ сторонъ ихъ окружающаго, и тѣхъ остатковъ природы, которые новѣйшая цивилизація тщательно отстаиваетъ, надѣясь сберечь ихъ, какъ египтяне свои мумія: но она не въ силахъ сохранить ихъ.

2.

Того же года изъ Парижа.

Chère maman, je vous ai écrit, dès mon arrivée à Paris, mais une lettre de Pétersbourg où l'on dit m'avoir expédié une lettre de vous, qui ne m'est pas parvenue, me fait craindre que la mienne se soit perdue de la même manière. Elle ne contenait que les premières impressions de la grande ville; des redites peut-être de ce qu'ont éprouvé d'autres voyageurs, mais dont il est impossible de s'empêcher, comme des exclamations que fait naître un objet frappant, malgré qu'elles soient celles de tout le monde. Nous voilà casés, et je commence par vous donner notre adresse: Paris. . . . . .

Nous avons commencé par mettre en ordre notre maison, trouver les maîtres nécessaires à nos enfants, et puis j'ai usé de mes lettres de recommandation. Me voilà en ce moment en relation avec une partie des gens de letres et surtout en plein Faubourg St.-Germain. On m'a adressé à des gens de différents partis, de manière que, peu à peu, je fais les des connaissances dans les points de Paris les plus divergents. Le Faubourg St.-Germain est généralement pauvre en moyen matériels; mais il est excessivement prisé par les heureux du jour, et tout le monde frappe à ses portes, qui, sont rarement des portes cochères. On n'a plus d'hôtels à soi. Tout cela a de petits appartements semblables, peut-être, à celui où M-me Scarron recevait autrefois la bonne compagnie. Chez M-me la Duchesse de R. . . . un valet sans livrée, en bretelles, a entreouvert la porte et m'a annoncé, au milieu d'un cercle d'aristocrates de l'ancien régime. Ce monde est prude à l'excès, faisant sonner les traditions et la politesse d'autrefois, comme les cérémonies d'un sacerdoce dont seul il connait les secrets. Faute de primer en politique, il s'est jetté dans un puritanisme non de moeurs, *mais de formes. Il* n'est pas gênant pour un Russe qui vit à Petersbourg ou à

Moscou, à peu prés dans les mêmes conditions; mais il impatiente et se fait haïr du Français nouveau. Les dames du Faubourg St.-Germain ne lisent ni Hugo, ni Sue, ni Balsac, mais elles travaillent de concert avec les prêtres à l'ultramontanisme. Ce faible parti s'est allié avec les derniers efforts de Rome papale. La grande question en ce moment, c'est d'obtenir pour le clergé la prérogative de l'éducation de la jeunesse, au dépens des universités. Le faubourg y prête la main, considérant le principe légitimiste, ne faisant qu'un avec celui de la souveraineté de léglise, et le tout est en mouvement. Je vois ici la C-sse de T, la marquise d'A., petite fille du fameux président, alliée à la maison de Mortemart qui finit avec elle, la duchesse de R... que je vous ai déjà nommée, la Comtesse de F. fille de l'Académicien, la Comtesse de B.., femme de l'Ambassadeur de Napoléon en Suède, ensuite en Espagne. Celle-ci reçoit la noblesse de l'empire, et j'ai eu le plaisir d'y voir le Marechal Soult. Enfin une Russe M-me Svetchine, dont on dit ici que c'est le premier salon de l'Europe, puisque c'est le premier de Paris. Il est bien vrai aussi, qu'il n'est pas de célébrité quelconque qui n'y paraisse, même aujoud'hui, que, devenue plus que dévote, elle en fasse un choix trop sévère, Viennent ensuite les auteurs: Alfred de Vigny, Mérimée, les deux Thierry, Michel Chevalier, Lamartine, Charles Nodier que je suis venu voir mourir, car le voilà en ce moment à l'extrémité; mais j'ai eu un moment de bonne causerie avec lui, la veille du jour, oú il est devenu si dangereusement malade; quelques Russes que je fréquente, mais que vous dire de tout cela, de Paris et de ses habitants? Commençons par la ville même, par Paris. Je ne vaux pas me répéter sur la première apparence, sur le mouvement des rues, car peut-être avez vous reçu ma lettre; mais je relèverai ce qu'il y a de faux dans ce que nous disent la plupart des voyageurs. D'abord le mouvement des rués appartient Surtout aux piètons qui ne causent aucun encombrement et lorsqu'on s'y fait ne font pas foule même, comme sur nos boulevards un jour de promenade. Les voitures, pas dutout en grand nombre, vont au tres petit trot et ne sont pour la plupart que des fiacres et des omnibus. On apperçoit raremant l'équipage du vrai riche à deux chevaux, couleur de souris, cocher à culottes écarlates, et tout cela est trés respectueux pour le souverain qui, nouveau Protée, bat les trottoirs sous mille différentes formes: blouse, redingote etc. On n'entre ni ne sort en voiture par les portes cochères des maisons, on s'y arrête et on sonne pour entrer dans une cour très propre qu'on traverse à pied pour se rendre chez les gens que l'on demande: usage qui est quelquefois enfreint au Faubourg St.-Germain, mais c'est un quartier passablement solitaire, et cette manière de faire, crainte des accidents, n'y est pas sévèrement exigée Paris est boutique tout entier, car les premiers des maisons ne sont que cela: aussi, quelquepart qu'on s'y loge, on trouve presque tout sous la main, non seulement les nécessités, mais les élégances: mais tout est médiocre plutôt qu'autre chose. Paris est magnifique dans son ensemble, les détails sont des misères enjolivées. En le contemplant sous ce point de vue, je pensais à ces deux vers de Voltaire:

«Et vous composerez, dans ce chaos fatal,
«Du malheur de chaque être le bien général»,

mais pour sentir la fausseté de l'application; car la répartion plus égale des biens de la terre a contribué puissamment au bonheur de la France, en donnant un plus grand nombre de gens passablement heureux et passablement contents. La physionomie générale d'un peuple, allant droit, à la vue toute fraiche du voyageur, ne trompe pas. Il y a quelque chose de satisfait chez les Francais que je n'ai pas remarqué autre part. Une politesse, une bienveillance, une cordialité, même dans les derniers rangs du peuple, qui prouve qu'il est loin dans ses habitudes d'humeur, de l'aigreur que j'ai vu partout excepté en France, preuve d'un ordre de choses supérieur; mais pour en revenir au matériel, vous trouverez tout au Palais-Royal, qui est le Гостиный дворъ de Paris; mais bien plus magnifique que celui de Pétersbourg et même le Городъ de Moscou; éclairé tous les soirs au gaz, comme nos villes l'ont été une fois. le jour où l'on a fêté l'entrée de notre armée dans la ville d'où je vous écris; mais le possesseur de chaque boutique n'a pas même ving mille francs de capital; les objets de luxe sont éparpillés, le riche doit se donner la peine de chercher ce qu'il veut en vingt endroits différents. La vie ici est d'une regularité qui ferait soupçonner des moeurs sévéres: on ne les a pas encore; mais les cadres sont décidément posés. Il faut prévenir le portier quand on suppose rentrer chez soi, passé minuit, — et généralement à cette heure on ne voit personne dans les rues de Paris qui devient silencieux comme un village.

Милая маменька. я писалъ къ вамъ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, по письмо изъ Петербурга, въ которомъ говорятъ мнѣ о письмѣ отъ васъ отправленномъ ко мнѣ и мною не полученномъ, заставляетъ меня предполагать, что и мое письмо до васъ не дошло. Въ немъ заключались однѣ первыя впечатлѣнія «великаго города», повторенія, можетъ быть, того, что испытали другіе путешественники; не отъ которыхъ невозможно воздержаться, какъ отъ восклицаній при видѣ поразительнаго предмета, несмотря на то, что они общія. Мы теперь совершенно устроились, и я начинаю съ того, что посылаю вамъ нашъ адресъ: Paris... Мы сперва привели нашъ домъ въ порядокъ, нашли нужныхъ дѣтямъ учителей,—а тамъ, я пустилъ въ ходъ мои рекомендательныя письма. Я теперь въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми литераторами, въ особенности съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Меня адресовали къ лицамъ различныхъ партій, такъ что я, мало-по-малу, завожу знакомства въ мѣстностяхъ Парижа самыхъ разнородныхъ. Сенъ-Жерменское предмѣстье вообще бѣдно матеріальными средствами, но оно стоитъ чрезвычайно высоко въ мнѣніи счастливцевъ міра сего, и всякій стучится у дверей его, которыя рѣдко отворяются настежъ какъ ворота. Жители предмѣстья уже не имѣютъ собственныхъ отелей,— всѣ живутъ въ маленькихъ комнатахъ, подобныхъ, можетъ быть, тѣмъ, въ которыхъ г-жа Скарр нъ принимала нѣкогда все лучшее общество. У герцогини Р... лакей безъ ливреи, въ помочахъ, отворилъ на половину дверь и доложилъ обо мнѣ посреди аристократовъ стариннаго вѣка. Весь этотъ міръ, щепетильный до крайности, превозноситъ преданія и вѣжливость прежняго времени, какъ бы *обряды нѣкоего свя*енныслуженія, коего тайны ему одному доступны. За не-

имѣніемъ первенства въ политикѣ, онъ бросился въ пуританизмъ, не нравовъ, а формъ. Онъ не стѣснителенъ для русскаго, живущаго въ Петербургѣ или Москвѣ, почти при тѣхъ же общественныхъ условіяхъ, но онъ раздражаетъ и возбуждаетъ противъ себя ненависть француза новаго времени. Дамы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья не читаютъ ни Гюго, ни Сю, ни Бальзака, но онѣ, заодно съ аббатами, подвизаются на пользу ультрамонтанизма. Эта слабая партія вступила въ союзъ съ послѣдними усиліями папскаго Рима. Великій «вопросъ дня» состоитъ въ томъ, чтобы добиться для духовенства исключительнаго права воспитанія юношества, въ ущербъ университету. Предмѣстье содѣйствуетъ духовенству, почитая принципъ легитимизма нераздѣльными съ принципомъ владычества церкви, и все въ большомъ движеньи. Я вижу здѣсь графиню Т., маркизу А., внучку извѣстнаго президента, находящуюся въ свойствѣ съ родомъ Мортемаръ, который съ нею пресѣкается; герцогиню Р....., которую я вамъ уже называлъ, графиню Ф....., дочь академика, графиню Б., жену наполеоповскаго посланника въ Швеціи, а потомъ въ Испаніи. Послѣдняя принимаемъ у себя дворянство временъ Имперіи, и я имѣлъ удовольствіе видѣть у ней маршала Сульта. Наконецъ, бываю у одной русской: г-жи Свѣчиной, о которой говорятъ здѣсь, что ея салонъ первый въ Европѣ, потому что онъ первый въ Парижѣ. Правда, что нѣтъ личности, сколько-нибудь замѣчательной, которой бы нельзя было встрѣтить у нея, даже теперь, когда, сдѣлавшись черезчуръ набожной, она подвергаетъ гостей своихъ слишкомъ строгому выбору.—Затѣмъ слѣдуютъ литераторы: Альфредъ де Виньи, Меримѣ, двое Тіери. Мишель Шевальѣ, Ламартинъ, Шарль Нодье, котораго я только что успѣлъ застать въ живыхъ, такъ какъ онъ теперь находится при послѣднемъ издыханіи; мнѣ однако удалось уловить нѣсколько минутъ пріятной бесѣды съ нимъ, наканунѣ того самаго дня, когда онъ такъ опасно занемогъ. Я посѣщаю здѣсь также нѣкоторыхъ русскихъ.—Но что вывести изъ всего этого, что Сказать вамъ о Парижѣ и о его жителяхъ? Начнемъ съ самаго города, съ Парижа. Не хочу повторять уже сказаннаго мною о впечатлѣніи на первый взглядъ, объ уличномъ движеніи, тѣмъ болѣе, что вы можетъ быть получили мое письмо; но я обозначу замѣченныя мною неточности въ разсказахъ большей части путешественниковъ. Вопервыхъ, движеніе на улицахъ, преимущественно дѣло пѣшеходовъ, не причиняющихъ ни малѣйшей тѣсноты, и, приноровившись, замѣтно менѣе толпятся здѣсь, чѣмъ даже на нашихъ бульварахъ, въ день какого-нибудь гулянья. Кареты, весьма немногочисленныя, ѣдутъ самой маленькой рысью и состоятъ большею частью изъ экипажей извозчиковъ и омнибусовъ. Изрѣдка увидишь экипажъ богатаго человѣка, заложенный парой, чалаго цвѣта лошадей, съ кучеромъ въ яркопунцовыхъ штанахъ, и все что, ѣдетъ, очень почтительно къ пѣшему обладателю улицъ,—а онъ, этотъ властелинъ, какъ бы новый Протей, топчетъ тротуары въ тысячи разнообразныхъ видахъ: въ блузѣ, сюртукѣ и т. п. Вы не въѣзжаете въ ворота домовъ и не выѣзжаете изъ нихъ въ каретѣ; остановившись у воротъ, вы звоните и входите въ отмѣнно чистый дворъ, черезъ который отправляетесь пѣшкомъ куда вамъ нужно. Этого обычая не всегда придерживаются въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ; но предмѣстье довольно безлюдная часть

города, и потому такого рода мѣра, принимаемая для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, тамъ не такъ настоятельно требуется.—Весь Парижъ—лавка: всѣ первые этажи домовъ въ магазинахъ. Гдѣ бы вы не поселились, у васъ вездѣ почти все подъ рукою, не только необходимое, но даже предметы роскоши; но все довольно посредственнаго качества.—Парижъ, въ цѣломъ великолѣпенъ, въ частностяхъ,—это изукрашенныя бездѣлушки. Разсматривая его съ этой точки зрѣнія, я припоминалъ эти два стиха Вольтера:

И благо общее, въ хаосѣ роковомъ,
Изъ бѣдствій каждаго составите вы въ немъ.

Впрочемъ, для того, чтобы почувствовать неточность примѣненія, надо знать, что болѣе ровное распредѣленіе земныхъ благъ, въ значительной мѣрѣ, содѣйствовало благополучію Франціи, надѣливъ ее большимъ числомъ людей умѣренно-счастливыхъ и умѣренно-довольныхъ. Общая физіономія народа, какъ она представляется свѣжему взгляду путешественника, необманчива. Во всѣхъ французахъ есть что-то довольное своею судьбой, чего я не замѣчалъ въ народонаселеніяхъ другихъ странъ. Учтивость, благорасположеніе, привѣтливость, даже въ низшихъ слояхъ народа, доказывающія, что, въ ежедневномъ расположеніи духа, онъ чуждъ той ожесточенной раздражительности, которую я встрѣчалъ вездѣ кромѣ Франціи;—въ этомъ явный признакъ лучшихъ учрежденій въ странѣ. Возвращаюсь къ матеріальному, вы найдете все, что угодно въ Пале-Ройялѣ—это Парижскій Гостиный дворъ; но онъ гораздо великолѣпнѣе Петербургскаго и даже Московскаго; онъ освѣщенъ всякій вечеръ газомъ и освѣщенъ такъ, какъ наши города были освѣщены только разъ, въ тотъ день, когда праздновали вшествіе нашихъ войскъ въ тотъ городъ, изъ котораго я пишу къ вамъ; со всѣмъ тѣмъ владѣлецъ каждой лавки не имѣетъ и двадцати тысячъ франковъ капитала; предметы истинной роскоши разсыпаны тамъ и сямъ; богатый принужденъ отыскивать что хочетъ купить, въ двадцати различныхъ мѣстахъ. Жизнь въ Парижѣ подчинена такому порядку, что можно бы предположить здѣсь строгую нравственность; ея еще нѣтъ, но ей рѣшительно уже положены первыя основанія. Вы должны предувѣдомить привратника, когда намѣрены возвратиться домой послѣ полуночи, и вообще, въ этотъ часъ, никого не встрѣтишь на улицахъ Парижа и тамъ водворяется тишина, какъ бы въ деревнѣ.

КЪ А. П. ЕЛАГИНОЙ.

I.

Ваше письмо, милая Авдотья Петровна, заставило меня печально пересчитать мѣсяцы, которые мнѣ остается провести далеко отъ васъ въ моемъ Казанскомъ изгнаніи. Право нельзя быть добрѣе васъ и кто васъ не любитъ, у того дурное сердце. Скажу-ли, что мое вамъ безпредѣльно предано? Вы не сомнѣваетесь въ этомъ, иначе вы, и ко мнѣ и къ себѣ, были бы очень несправедливы—Москва мнѣ мила вами, и я бы жалѣлъ о ней, еслибы и не собралось туда столько людей, мнѣ давно знакомыхъ и любезныхъ. Стихи Жуковскаго тѣшили меня цѣлую недѣлю. Кто бы подумалъ, что они писаны меланхоликомъ *и придворнымъ! Я* особенно люблю Жуковскаго въ его шалостяхъ. Такъ утѣ-

шительно видѣть въ человѣкѣ съ отличнымъ умомъ это дѣтское простодушіе, которое удостовѣряетъ, что могущество мысли не препятствуетъ сердечному счастію. Ежели въ другихъ твореніяхъ Жуковскаго я люблю поэта я люблю его самого въ его шуткахъ; но, кажется, мнѣ нечего вамъ хвалить Жуковскаго. На васъ уже сердится Алексѣй Андреевичъ; боюсь, чтобы и мнѣ не досталось. Скажу вамъ однакожъ (это уже не шутка), что я понимаю волшебство вашего свиданія, все счастіе и всю грусть его. Вы провели вмѣстѣ дѣтство и молодость, и впечатлѣнія прошедшаго, которыя незамѣтно прикованы одни къ другимъ, всѣ ожили и заговорили въ одно время. Этотъ праздникъ, какъ и всѣ большіе праздники миновался, оставивъ насъ смущенными и встревоженными, и долго послѣ мы не можемъ приноровиться къ обыкновенной нашей жизни. Понимаю пустоту оставленную вамъ отъѣздомъ Жуковскаго. Я тружусь усердно для «Европейца», и на дняхъ вы получите матеріаловъ на цѣлый нумеръ. У меня въ головѣ поэма; но я еще за нее не принимался: продолжительный трудъ пугаетъ мою лѣнь. Прощайте, моя милая, моя добрая Авдотья Петровна. Будьте здоровы. Когда-то пройдетъ столько лѣтъ, что и наша дружба будетъ имѣть свои воспоминанія.

II.

Вы такъ добры ко мнѣ, что я даже не берусь выразить вамъ мою благодарность. Позвольте мнѣ откинуть общепринятыя формы; предположите, что онѣ уже соблюдены и предоставьте мнѣ пользоваться правами дружбы, которую я давно оцѣниваю. Я бы давно почелъ себя очень счастливымъ, ежели тѣ минуты, которыя вы посвящаете мнѣ въ вашемъ воспоминаніи, могли бы нѣсколько отвлечь васъ отъ чувствъ болѣе тягостныхъ. Я воображаю ваше горе при разлукѣ съ вашимъ сыномъ. Я предался ему съ такою полною дружбой, что я не удивляюсь, если, думая о немъ постоянно, вы вспоминаете иногда обо мнѣ. Я вамъ примного обязанъ за присланныя вами стихотворенія. Въ нихъ много простодушія и оригинальности. Стихотвореніе: Ласточки, исполнено граціи; но мнѣ еще болѣе нравится: «Du bist wie eine Blume». Въ этомъ послѣднемъ есть чувство, которое конечно испыталъ всякій, кто только одаренъ душою, не чуждой восторженности; но никто не рѣшался выразить этого чувства, по чрезвычайной простотѣ его. Мнѣ кажется, что я разговариваю съ вами, когда пишу къ вамъ. Мнѣ такъ часто случалось разсуждать и спорить при васъ о литературѣ. Вы принимали такое живое участіе въ томъ, что обыкновенно занимаетъ только людей причастныхъ къ этому дѣлу, что я все еще сохраняю привычку обходиться съ вами какъ съ собратомъ по ремеслу. Мы съ женою искренно благодаримъ васъ за участье, принимаемое вами въ нашемъ домашнемъ благополучіи: это роскошь чувства съ вашей стороны, такъ какъ вы сами такъ счастливы въ вашемъ миломъ семейномъ кругу. Прошу васъ напомнить обо мнѣ г-ну Елагину и вѣрить тому, что я всегда съ истинно-отраднымъ чувствомъ думаю о дружбѣ моей съ вами и съ своей стороны искренно преданъ вамъ.

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БАРАТЫНСКІЙ

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Баратынскій родился 19-го февраля 1800 года, въ имѣніи своего отца, генералъ-адъютанта Абрама Андреевича, тамбовской губерніи, кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Вяжлѣ пожалованномъ ему императоромъ Павломъ I.

Относительно происхожденія фамиліи Баратынскихъ замѣтимъ, что отецъ его былъ правнукомъ бѣльскаго шляхтича, Ивана Петровича Boratynski, выѣхавшаго въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михаиловича *),—и родъ его происходитъ изъ знатнаго древняго польскаго герба Корчакъ.

Мать Е. А. Баратынскаго была одна изъ лучшихъ воспитанницъ Смольнаго монастыря и, по выпускѣ оттуда, поступила фрейлиной къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; звали ее Александра Ѳедоровна Черепанова.

Первоначальное воспитаніе Евгеній Абрамовичъ получилъ дома, подъ руководствомъ дядьки, итальянца Боргеза, къ которому, за двѣ недѣли до своей кончины, поэтъ написалъ посланіе. Судя, однако, по стихотворенію «Къ дядькѣ Итальянцу», отношеніе Баратынскаго къ нему довольно юмористическое, почему можно думать, что Боргезе, какъ менторъ, оказывалъ на своего Телемака не большое вліяніе и на поэта скорѣе вліяла его умная, образованная мать.

Въ 1810 году умеръ отецъ Баратынскаго, а два года спустя его отвезли въ Петербургъ и отдали въ нѣмецкій пансіонъ, откуда онъ поступилъ въ пажескій корпусъ, изъ котораго, въ 1815 году, Евгенія Абрамовича, съ другимъ пажемъ Ханыковымъ, исключили, съ запрещеніемъ быть опредѣленными въ службу, развѣ по желанію, въ военную—рядовыми.

Въ письмѣ къ Жуковскому (см. «Рус. Архивъ» 1868 года, стр. 147), хотя Баратынскій и разсказываетъ о причинѣ его исключенія, но не вполнѣ точно. Вся эта исторія подробно описана въ статьѣ «Е. А. Баратынскій, по бумагамъ пажескаго корпуса» (см. «Рус. Старина» 1870 года, т. II, стр. 638).

---

*) Сынъ поэта Л. Е. Баратынскій, въ письмѣ въ редакцію, говоритъ, что *время переселенія* въ Россію отрасли рода Баратынскихъ слѣдуетъ отнести ко *времени войнъ Литвы* съ Ливоніею, въ царствованіе Іоанна III и IV.

Послѣ своего исключенія изъ корпуса, Е. А. Баратынскій жилъ частью у своей матери, въ тамбовской губерніи, частью у дяди, брата отца: адмирала Богдана Андреевича, смоленской губерніи, бѣльскаго уѣзда, въ сельцѣ Подвойскомъ, къ которому относится стихотвореніе «Деревня»:

«Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!»

Въ 1818 году Баратынскій пріѣхалъ въ Петербургъ для опредѣленія въ военную службу и, послѣ большихъ хлопотъ, въ слѣдующемъ году поступилъ рядовымъ въ л.-г. Егерскій полкъ; тутъ онъ познакомился съ барономъ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и многими другими.

Подъ конецъ же своей жизни Баратынскій примкнулъ къ консервативнымъ литературнымъ кружкамъ, что не мѣшало ему, однако, быть горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ, о чемъ свидѣтельствуетъ въ воспоминаніяхъ своихъ Кичеевъ, который говоритъ, «что самой задушевной идеей Баратынскаго было—освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ привлекъ мое вниманіе къ этому предмету и заставилъ раздѣлять его мысли. Признаюсь, сначала я не могъ себѣ представить, какъ все это можетъ осуществиться на дѣлѣ? Я, человѣкъ семейный и небогатый, обладавшій небольшимъ имѣніемъ, заложеннымъ въ опекунскомъ совѣтѣ, спрашивалъ, какъ же поступятъ съ долгомъ нашимъ кредитнымъ установленіямъ? И Баратынскій не затрудняясь отвѣчалъ: примутъ на счетъ государства».

Къ 1819 году относятся и первые шаги Евгенія Абрамовича на литературномъ поприщѣ; первое печатное стихотвореніе юнаго поэта появилось въ свѣтъ съ подписью Е. А., на страницѣ 210, № 4, журнала «Благонамѣренный», за 1819 годъ, вышедшаго 21-го февраля. Это былъ мадригалъ «Пожилой женщинѣ и все еще прекрасной» (М. А. Панчулидзевой). Полную же подпись Е. Баратынскій публика прочла спустя мѣсяцъ, подъ стихотвореніемъ къ «Алинѣ», въ томъ же журналѣ, № 6, страница 332.

Сынъ Баратынскаго—Николай Евгеньевичъ**), издатель его сочиненій (Казань, 1884 года), говоритъ, что эти стихотворенія были напечатаны Дельвигомъ, безъ вѣдома автора, но врядъ ли

*) Какъ это такъ и другія стихотворенія Баратынскаго напечатаны въ I томѣ нашего изданія, но кромѣ того мы встрѣтили, въ «Опытѣ исторіографіи» профессора Иконникова, (см. стр. 121) указаніе, что въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ находиться альбомъ, принадлежавшій историку малороссіи Н. А. Маркевичу, въ которомъ есть и стихотвореніе Баратынскаго, но какое именно стихотвореніе намъ неизвѣстно.

**) Приложенный портретъ Е. А. Баратынскаго къ настоящему изданію, благосклонно доставленъ редакціи «Сѣвера» Николаемъ Евгеньевичемъ.

такое замѣчаніе справедливо, такъ какъ въ одномъ изъ посланій къ Дельвигу, Баратынскій вспоминаетъ свою первую съ нимъ встрѣчу, говоря:

«Ты помнишь ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ?
Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
Надеждою возвышенной и новой:
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ Музъ».

Въ 1820 году, Баратынскаго произвели въ унтер-офицеры и перевели въ Нейшлотскій полкъ, расположенный въ Финляндіи, въ укрѣпленіи Кюмени. Въ лицѣ своего полкового командира, полковника Лутковскаго, поэтъ встрѣтилъ друга своего семейства и сосѣда по имѣнію. Къ нему относится посланіе:

«Влюбился я, полковникъ мой,
Въ твои военные разсказы» и т. д.

Осенью, 1824 года, съ разрѣшенія генерала Закревскаго, Евгеній Абрамовичъ находился нѣсколько мѣсяцевъ при корпусномъ штабѣ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ жизнь была для него разнообразнѣе и оживленнѣе, чѣмъ въ Кюмени; здѣсь онъ ближе познакомился съ адъютантами Закревскаго—А. А. Мухановымъ и Н. В. Путятой и тѣсно подружился съ послѣднимъ.

Финляндія внушила Баратынскому многія стихотворенія и поэтъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты».

Весной 1825 года, Баратынскаго, наконецъ, произвели въ прапорщики и онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, гдѣ, 9-го іюня 1826 года, женился на старшей дочери генерала Л. Н. Энгельгардта. Выборъ былъ очень удаченъ, потому-что Настасья Львовна была не только любящей женой (Баратынскій имѣлъ отъ нея девять человѣкъ дѣтей, но и женщиною съ серьезнымъ литературнымъ пониманіемъ. Женившись, Евгеній Абрамовичъ нашелъ, послѣ бурь, тихую пристань, но не предался бездѣйствію, напротивъ того, его мысль и движеніе сердца вылились въ торжественномъ гимнѣ любви:

«Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ, и вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь».

И далѣе:

«Я твой, родимая дубрава!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ».

«Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ» и т. д.

Баратынскій, живя въ Москвѣ (гдѣ состоялъ на службѣ въ межевой канцеляріи), гостилъ то у матери своей въ селѣ Вяжлѣ, то въ подмосковномъ имѣніи своемъ—сельцѣ Мурановкѣ. Смерть Дельвига († 1831 г.) была большимъ горемъ для Баратынскаго, который былъ друженъ съ Пушкинымъ и часто видѣлся съ княземъ Вяземскимъ. Ему Евгеній Абрамовичъ посвятилъ послѣдній сборникъ своихъ стихотвореній—«Сумерки». Изъ другихъ знакомыхъ Баратынскаго назовемъ Д. И. Давыдова, Плетнева, Жуковскаго, старика Ив. Ив. Дмитріева, остряка Соболевскаго, братьевъ Кирѣевскихъ, Языкова и Хомякова.

Обращаясь къ поэзіи Баратынскаго, мы видимъ, что форма его стихотвореній безусловно хороша и даетъ ему право считаться въ первыхъ рядахъ образцовыхъ русскихъ писателей. Независимо отъ формы, Баратынскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ вдумчивыхъ стихотворцевъ сороковыхъ годовъ,—одинъ изъ самыхъ умныхъ и серьезно настроенныхъ поэтовъ-мыслителей. Въ его двухстахъ стихотвореній едва ли можно насчитать съ десятокъ мадригаловъ и альбомныхъ стишковъ. Не даромъ почитатели поэта Баратынскаго указываютъ, что философскій складъ его ума не закрываетъ въ немъ поэтическаго настроенія. Дѣйствительно, Баратынскому удается подчасъ въ двухъ строкахъ больше сказать, чѣмъ иному философу въ цѣломъ томѣ.

«Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью»...

Такія крылатыя формы выраженій разбросаны у Баратынскаго массами въ его произведеніяхъ.

Изъ лирическихъ пьесъ Баратынскаго, прославляютъ элегіи, напримѣръ, его «Разувѣреніе»:

«Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!» и т. д.

превосходно понялъ Мих. Ив. Глинка и создалъ на ея слова геніальную музыку, которая такъ удивительно гармонируетъ со стихами.

Эпиграммы его остры, но не смѣшны; Баратынскаго называли пѣвцомъ «Пировъ», за написанное подъ этимъ именемъ шутливое стихотвореніе, но названіе это совсѣмъ несвойственно Баратынскому. Однимъ изъ лучшихъ его стихотвореній является Ода «На смерть Гёте». Никто изъ соотечественниковъ не почтилъ

его такою чудною пѣснью. Стихъ: «Съ природой одною онъ жизнью дышалъ» и проч. относится не къ однимъ только поэтическимъ произведеніямъ Гёте, но и къ занятіямъ его по естествознанію. Гёте, какъ извѣстно, былъ не только поэтъ, но вмѣстѣсъ тѣмъ и естествоиспытатель, точно такъ, какъ Шиллеръ былъ поэтъ и историкъ. Замѣчательно, однако, что Баратынскій, будучи поэтомъ, отчаявался за поэзію и думалъ, что она должна исчезнуть съ лица земли. Подъ этимъ вліяніемъ имъ созданы стихотворенія: «Послѣдній поэтъ» (на смерть Лермонтова), «Предразсудокъ» и «Рифма»; въ послѣднемъ стихотвореніи онъ спрашиваетъ даже для кого нужна поэзія:

«Межъ насъ не вѣдаетъ поэтъ
Его полетъ высокъ иль нѣтъ,—
Самъ судія и подсудимый!»

Надѣленный способностью анализа, Баратынскій ничего, однако, не ждалъ отъ жизни и восклицалъ:

«Не даромъ ты металась и кипѣла
Развитіемъ спѣша!
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!»

Еще безотраднѣе выразился взглядъ на жизнь Баратынскаго въ стихотвореніи «Осень», въ которомъ онъ, въ противоположность Пушкину, изобразившему: «*Природы пышное увяданіе; Въ багрянецъ и золото одѣтые лѣса*», рисуетъ мрачными красками свою осень:

«Сѣдая мгла вiется вкругъ холмовъ,
Росой потоплены долины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубовъ,
И красенъ круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!»

Видя довольство крестьянина, собравшаго съ своихъ полей обильную жатву, Баратынскій съ горькою ироніею спрашиваетъ себя:

«Ты такъ же ли, какъ земледѣлъ, богатъ?
Какъ онъ, и ты съ надеждой сѣялъ;
Какъ онъ, и ты о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные лелѣялъ.
Любуйся же, гордись возставшимъ имъ,
Считай твои пріобрѣтенья!»...

Затѣмъ слѣдуетъ мрачная картина души человѣка въ осень дней, презрѣніе къ мечтамъ и страстямъ людскимъ и страшный *гимнъ безнадежности*. Шиллеръ съ тихою грустью прощался съ *утраченными* идеалами своей юности, но у него оставались еще

утѣшенія дружбы и неразслабляющій трудъ, а у Баратынскаго нѣтъ исхода:

«Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!»

Почитатель Е. А. Баратынскаго—князь П. П. Вяземскій, по поводу выхода въ свѣтъ сочиненій его, въ 1869 г., писалъ: Баратынскій и при жизни, и въ самую пору поэтической своей дѣятельности, не вполнѣ пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ, которыхъ былъ достоинъ. Его заслонялъ собою и, такъ сказать, давилъ Пушкинъ, хотя они и были пріятелями и послѣдній высоко цѣнилъ дарованіе его... Мы прочищаемъ дорогу кумиру своему, несемъ его на плечахъ, а другихъ и знать не хотимъ, а если и знаемъ, то развѣ для того, чтобы сбивать ихъ съ ногъ справа и слѣва и давать кумиру итти, попирая ихъ ногами»... Кумиръ этотъ, А. С. Пушкинъ, однако, до сихъ поръ еще ждетъ академическаго изданія своихъ сочиненій, а Баратынскій былъ счастливѣе Пушкина, хотѣвшаго повидать Европу, тѣмъ, что ему удалось «изъ царства виста и зимы» уѣхать туда, какъ онъ говоритъ:

«Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, вѣчной красотѣ
Рафаэль дышетъ на холстѣ,
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы».

Мысль увидѣть страну прекрасной природы, искусствъ и великихъ историческихъ воспоминаній приводила въ восторгъ его охладѣвшую душу. Однажды, говоря объ Италіи, онъ импровизировалъ вдохновенную октаву:

«Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтическій древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь ли нѣкогда мною ты зрима!
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ обломкамъ древняго Рима,
Снятся мнѣ рощи, лѣса благовонны,
Снятся мнѣ падшихъ чертоговъ колонны».

Путешествіе, перемѣна мѣста, оживили поэта. Зиму онъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ, судя по его письмамъ, былъ въ хорошемъ настроеніи духа; здѣсь Баратынскій перевелъ по-французски прозою свои нѣкоторыя стихотворенія, чтобы познакомить съ своею музою своихъ парижскихъ знакомыхъ. Въ переводахъ этихъ онъ держался болѣе мысли, чѣмъ выраженій русскаго подлинника и измѣнилъ нѣсколько стиховъ изъ оды на смерть Гёте, можетъ быть, для того, чтобы сдѣлать ее доступнѣе для аббатовъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, надъ которыми онъ такъ мило подшучивалъ въ своихъ письмахъ. Наконецъ, поэтъ сѣлъ на паро-

ходъ, чтобы отплыть въ Италію. Много лѣтъ, много событій протекло, пока суждено было осуществиться его завѣтному желанію. Съ первымъ попутнымъ вѣтромъ повѣяло на него и вдохновеніе. Ночью, на пароходѣ, во время плаванья въ Ливорно, онъ написалъ чудную пѣсню, въ которой, привѣтствуя море и Италію, кидаетъ поэтъ взглядъ на свое прошлое:

«Много я бросилъ земель за собою,
Много я выпесъ смущенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много тяжелыхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь—надежды символъ».

Символъ надежды—была надежда, что поэтъ возродится снова и на южномъ солнцѣ перестроитъ свою музу. Послѣдніе стихи его уже не такого мрачнаго настроенія, отъ нихъ какъ бы уже вѣетъ итальянскимъ воздухомъ. Какъ глубоко подѣйствовали на Баратынскаго красоты итальянской природы и воспоминанія, видно изъ его посдѣдняго стихотворенія къ «Дядькѣ-Итальянцу». Въ этой лебединой пѣснѣ, написанной за нѣсколько дней до кончины, воспоминанія дѣтства соединились съ картинами Италіи.

Смерть Баратынскаго была внезапна и неожиданна. Такъ почти всегда умираютъ русскіе поэты, вспомнимъ: Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Хомякова... Знаменательно также, что Баратынскій въ одномъ изъ своихъ первыхъ стихотвореній, именно «Бдѣніи», написанномъ въ 1821 году, пророчески предрекъ свою кончину на чужбинѣ:

«И мнѣ назначена могила!
Умру въ чужой странѣ».

По пріѣздѣ въ Неаполь, съ его женой сдѣлался болѣзненный припадокъ, который такъ встревожилъ Баратынскаго, что онъ слегъ въ постель, а утромъ (29-го іюня 1844 г.), почувствовалъ стѣсненіе въ груди и до прибытія врача, скоропостижно скончался.

Черезъ годъ тѣло Баратынскаго, заключенное въ кипарисовый гробъ, было перевезено моремъ въ Петербургъ и предано землѣ на кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ могилъ Гнѣдича и Крылова. На памятникѣ, находящемся на его могилѣ, помѣщенъ барельефъ поэта и подъ нимъ двѣ строки изъ его стихотворенія «Отрывокъ»:

«Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца».

О поэзіи Баратынскаго А. С. Пушкинъ говоритъ: «Баратынскій *принадлежитъ* къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ

у насъ оригиналенъ, ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ, какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ и чувствомъ».

Но Баратынскій въ свою очередь высоко цѣнилъ Пушкина и писалъ ему: «Возведи русскую поэзію на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами. Соверши одинъ, что онъ совершилъ одинъ; а наше дѣло признательность и удивленіе».

Критикъ В. Г. Бѣлинскій писалъ, что «изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ Баратынскому.

И. Божеряновъ.

Библіографическій списокъ изданій.

Эда и Пиры. Спб., 1826 г.
Стихотворенія:
1-е изданіе. Москва, 1827 г.
2 е изданіе. Москва, 1835 г. Двѣ части (съ портретомъ).
Балъ (вмѣстѣ съ «Графомъ Нулинымъ», А. С. Пушкина). Спб, 1828 г.
«Наложница» (первоначальное названіе «Цыганки»). Москва, 1831 г.
Сумерки. Москва, 1842 г. (Сборникъ стихотвореній, написаныхъ въ періодъ 1835—1842 гг.).
Собраніе сочиненій (изданное Л. Е. Баратынскимъ). Москва, 1869 г,
Стихотворенія Е. А. Баратынскаго. Москвс, 1883 г. (Изъ редакціи «Русскаго Архива», въ формѣ маленькаго альбомчика, въ 32-ю долю).
Собраніе сочиненій (изд. Н. Е. Баратынскимъ). Казань, 1884 г.
Кромѣ того существуетъ книжечка (въ прозѣ): Baratinsky, Eugene. Recueie ie poésies traduites de russe. 1858 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ I и II ТОМОВЪ.

Алфавитный указатель стихотвореній.

I-го Тома.

	стр.
А. Н. М.	72
Аврорѣ Шернваль	60
Аглаѣ	50
Алинѣ	7
Алкивіадъ	125
Альбомъ походитъ на кладбище	91
Аннетѣ	65
Ахиллъ	128
Баратынской Н. Л.	
1) Когда, дитя и страсти и сомнѣнья	140
2) О, вѣрь: ты нѣжная, дороже славы мнѣ	113
3) Своенравное прозванье	117
Баратынскому, Л. Е. (по поводу первой его стихотворной этюды)	130
Баратынской, С. А. (И ты покинула семейный, мирный кругъ)	40
Бдѣніе	31
Безнадежность	45
Благословенъ святое возвѣстившій	136
Б—ну (Пріятель строгій, ты неправъ)	32
Богдановичу (Въ садахъ Элизія)	69
Бокалъ	126
Больной	26
Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье	111
Брату Льву (И такъ, мой милый, не шутя)	18
Буря	63
Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ	118
Бывало, свѣтъ позабывая	108
Были бури, непогоды	127
Вѣсенокъ	88
Вамъ все дано съ щедротою пристрастной	115
Вездѣ бранитъ поэтъ Клеонъ	73
Веселье и горе	63
Весна (На звукъ цѣвницы голосистой)	41
Весна (Мечты волшебныя, вы скрылись отъ очей)	25
Весна, весна! какъ воздухъ чистъ	116
Взгляни на ликъ холодный сей	66
Взгляните: свѣжестью младой	7
Влюбился я, полковникъ мой	52
Водопадъ	33
Боейковой А. А. (Очарованье красоты)	68
Возвращеніе (Подражаніе Мильвуа)	74
Волконской З. А., кн. (Изъ царства вѣчта и зимы)	89
Воспоминанія, отрывки изъ поэмы	13

стр.

Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ 79
Все мысль, да мысль 131
Всегда и въ пурпурѣ и въ златѣ 123
Въ альбомъ:
1) Альбомъ походитъ на кладбищѣ 91
2) Вы слишкомъ многими любимы 32
3) Землякъ! въ странѣ чужой 10
4) Когда-бъ избрать возможно было мнѣ 75
5) Любовь и дружбу различаютъ 8
6) Мила какъ грація 72
7) Перелетай къ веселью отъ веселья 75
8) Что въ вашъ альбомъ я напишу 64
Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой 66
Въ восторженномъ невѣжествѣ своемъ 92
Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ 62
Въ дни безграничныхъ увлеченій 102
Въ небѣ нашемъ исчезаетъ 96
Въ садахъ Элизія 69
Въ своихъ стихахъ онъ скукой дышетъ 79
Выдь, дохни намъ упоеньемъ 60
Вы-ль дочерь Евы, какъ другая 110
Вы слишкомъ многими любимы 32
Выздоровленіе 27
Г. З.
1) Въ борьбѣ съ тяжолою судьбой 66
2) Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ 54
Гдѣ сладкій шопотъ моихъ лѣсовъ? 116
Глупцы не чужды вдохновенья 88
Гнѣдичу, Н. И.:
1) Врагъ суетныхъ утѣхъ и врагъ утѣхъ позорныхъ 79
2) Такъ, для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ 46
Давыдову, Денису. (Пока съ восторгомъ я внимаю) 67
Двойною прелестью опасна 108
Двѣ доли 44
Дельвигу:
1) Гдѣ ты, безпечный другъ 20
2) Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой 42
3) Напрасно мы, Дельвигъ 37
4) Такъ любезный мой Горацій 9
5) Я безразсуденъ—и не диво 61
6) Ты распрощался съ братствомъ шумнымъ 77
Деревня 28
Дѣвушкѣ (Не знаю, милая) 17
Дядькѣ-итальянцу 140
Елизійскія поля 59
Есть милая страна, есть уголъ на землѣ 114
Еще, какъ патріархъ, не древенъ я 129
Живи смѣлѣй, товарищъ мой 34
Журналистъ Фигляринъ 77
Журналисты 96
Запустѣніе 105
Заснули рощи надъ потокомъ 18
Зачѣмъ, о Делія, сердца младыя ты 39
Звѣзда 58

стр.

Звѣзды 120
Здравствуй, отрокъ сладкогласный 130
Зонтагъ, Генріеттѣ 98
И ты поэтъ, и онъ поэтъ 69
Идилликъ новый на искусъ 76
Изъ А. Шенье (Подъ бурею судебъ) 86
Имя 99
Истина 49
Итакъ, мой милый, не шутя 18
Какъ много ты въ немного дней 75
Какъ ревностно ты самъ себя дурачишь 87
Какъ сладить съ глупостью глупца 73
Карамзиной, С. Н. 137
Когда-бъ избрать возможно было мнѣ 75
Когда взойдетъ денница золотая 68
Когда, дитя и страсти и сомнѣнья 140
Когда исчезнетъ омраченье 109
Когда неопытенъ я былъ 62
Кольцо 104
Коншину:
1) Живи смѣлѣй, товарищъ мой 34
2) Повѣрь, мой милый другъ 23
3) Пора покинуть милый другъ 34
Къ Алинѣ 7
Къ Б. 40
Къ Деліи (Зачѣмъ, о Делія) 39
Къ Креницыну 8
Къ Кюхельбекеру 12
К—ву (отвѣтъ). Чтобъ очаровывать сердца 81
К—ву (Любви веселый проповѣдникъ) 24
Къ чему невольнику мечтанія свободы 107
Л—ой (Когда неопытенъ я былъ) 62
Лагерь 28
Лазурныя очи 100
Лета 44
Лидѣ (Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ) 30
Лутковскому 52
Любви примѣты 74
Люблю деревню я и лѣто 86
Люблю я васъ, богиня пѣнья 139
Любовь и дружба 8
М.. А. Н. (Не бойся ѣдкихъ осужденій) 72
Мадонна 112
Мила, какъ Грація 72
Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ 87
Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ 113
Мой неискусный карандашъ 101
Мой Элизій 140
Молитва 109
Монастыркѣ 126
Мудрецу 95
Муза 57
Мы пьемъ въ любви отраву сладкую 103
Н. Е. Б. (Двойною прелестью опасна) 103

стр.

На краткій мигъ плѣняетъ въ жизни радость 24
Надпись на портретъ А. С. Грибоѣдова 66
На посѣвъ лѣса 139
Наслаждайтесь: все проходитъ 107
На смерть Гете 103
На смерть Лермонтова 138
На что вы дни! Юдольный міръ явленья 128
Наяда 69
Небо Италіи, небо Торквато 100
Невѣстѣ 48
Недоносокъ 124
Нежданное родство съ тобой даруя 97
Не знаю, милая 17
Неизвительной ошибкой 76
Не подражай: своеобразенъ геній 88
Не трогайте Парнасскаго пера 67
Новинское (А. С. Пушкину) 122
Нѣтъ обманула васъ молва 55
Нѣтъ, не бывать тому, что было прежде 38
Обѣды 119
О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ 113
Ожиданіе (Подражаніе Парни) 67
Окогченная летунья 78
О, мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка 112
Она 82
Онъ близокъ, близокъ день 19
Оправданіе 56
О, своенравная Аглая 50
Осень 131
Отрывокъ (Подъ этой липою густою) 92
Отъѣздъ 35
Очарованье красоты 68
Oh, qu'il te sied, ce nom d' Aurore 60
Паденіе листьевъ (Изъ Мильвуа) 43
Панчулидзевой, М. А. (Взгляните: свѣжестью младой) 7
Перелетай къ веселью отъ веселья 75
Пироскафъ 140
Повѣрь, мой милый другъ 23
Повѣрь, мой милый, твой поэтъ 65
Подражаніе Лафару (Свободу давъ тоскѣ моей) 21
Подражателямъ 97
Пока съ восторгомъ я внимаю 67
Пора покинуть, милый другъ 34
Портретъ В. 8
Послѣдній поэтъ 120
Послѣдняя смерть 82
Поэтотъ Писцовъ въ стихахъ тяжеловатъ 19
Предразсудокъ! онъ обломокъ 122
Признаніе 51
Приманкой ласковыхъ рѣчей 46
Примѣты 123
Пріятель строгій, ты неправъ 32
Прогоны жизни 88
Прощанье 11

стр.

Пушкину Л. С. 65
Пѣсня (Страшно воетъ завываетъ) 30
Разлука 73
Размолвка 45
Разувѣріе 38
Римъ 51
Рифма 136
Родина 85
Ропотъ 125
С. Д. П.
1) Неизвѣнительной ошибкой 76
2) Приманкой ласковыхъ рѣчей 46
Сближеньемъ съ вами на мгновенье 137
Свербеевой, К. А. (Въ небѣ нашемъ исчезаетъ) 96
Свободу давъ тоскѣ моей 21
Своенравное прозванье 117
Свои стихи То—въ піитъ 73
Сердечнымъ, нѣжнымъ языкомъ 108
Скульпторъ 131
Смерть 90
Сначала мысль, воплощена 128
Спасибо злобѣ хлопотливой 139
Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ 87
Старикъ 86
Страшно воетъ, завываетъ 30
Сумерки 118
Сей поцѣлуй дарованный тобой 74
Т—му (Земляку въ странѣ чужой) 10
Такъ, для отрадныхъ чувствъ еще я не погибъ 46
Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ 30
Тебѣ-ль, невинной и спокойной 115
Тебѣ я младость шаловливу 78
Тимашевой, К. А. 115
Товарищамъ 77
Толпѣ тревожный день привѣтенъ 129
Ты ропщешь важный журналистъ 72
Увы! Творецъ не первыхъ силъ 123
Ф—ой, А. А. (Вы-ль дочерь Евы) 110
Фея 55
Финскимъ красавцамъ 26
Филида съ каждою зимою 126
Финляндія 21
Хвала, маститый нашъ Зоилъ 91
Хотя ты малый молодой 99
Цвѣтокъ 36
Черепъ 57
Чтобъ очеровывать сердца 81
Что за звуки мимоходомъ 130
Чувствительны мнѣ дружескія пѣни 74
Чудный градъ порой сольется 96
Энгельгардтъ, С. Л.:
1) Нежданое родство съ тобой даруя 97
2) Тебѣ-ль, невинной и спокойной 115
Эпиграммы:

стр.

1) Окогченная летунья 78
2) Дамонъ! ты началъ, продолжай 11
3) Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати 98
4) Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ 101
5) Повѣрьте мнѣ—Филеринъ моралистъ 101
Я безразсуденъ—и не диво 61
Языкову:
1) Бывало, свѣтъ позабывая 108
2) Языковъ, буйства молодого 102
Я не любилъ ея, я зналъ 111

СОДЕРЖАНІЕ

2-го тома:

Поэмы:

стр.

Пиры 149
Эда 156
Телема и Макаръ. 174
Балъ. 177
Переселеніе душъ. 199
Предисловіе къ Цыганкѣ 209
Цыганка 217

Проза:

О заблужденіяхъ и истинѣ. 251
Исторія кокетства 256
Разборъ Тавриды. А. Муравьева 258
Перстень. 262

Письма:

Къ матери въ дѣтствѣ и юношествѣ 273
Къ дядѣ П. А. Баратынскому 283
Къ матери, изъ Финляндіи. 283
Къ Кюхельбекеру (взято изъ Русской Старины Т. XIII). 287
Изъ переписки съ барономъ Дельвигомъ 288
Къ А. С. Пушкину 292
Къ Н. Л. Баратынской 295
Къ Н. Р. Путятѣ 299
Къ матери изъ за границы 322
Къ Елагиной 328

Біографическій очеркъ Е. А. Баратынскаго 330
Списокъ всѣхъ изданій и его сочиненій. 337
Оглавленіе I и II томовъ 338

PG
3321
B3
1894

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.